

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 Г.

НОВУЮ славную победу вписал советский народ в историю освоения космоса: космические братья Андриян Николаев и Павел Попович в первом космическом групповом полете еще раз доказали всему миру, как мужественны наши люди, как совершенна наша техника, какими быстрыми шагами приближаемся мы к заветной мечте человечества — полетам в другие миры.

Четыре дня следили люди за небывалым полетом первой космической флотилии. А когда межзвездные корабли и их отважные капитаны один за другим спустились на землю нашей Родины, взоры всех людей всего мира обратились туда, где новые герои космоса встретились с москвичами.

Вот они стоят на трибуне Мавзолея Ленина... А люди, идущие по площади, рукоплещут космонавтам, рукоплещут партии, поднявшей советскую науку на космическую высоту, и рукоплещут тем новым победам, которые предстоит одержать нашим советским людям.

Год
издания
39-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Читателям «ПИОНЕРА»

Дорогие ребята! Поздравляем вас с началом учебного года.

Желаем взять новые рубежи в науке и благополучно приземлиться в следующем классе!

На фотографиях космонавты
А. Г. Николаев и П. Р. Попович.

Галаф
Виктор *Юрий*

23.08.62г.

СЕНТЯБРЬ
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мои друзьям-читателям, будущим космонавтам

Советские люди прочно держат первое место в освоении космоса. Недаром, когда спросили главного конструктора американских ракет: «Кого могут встретить первые американские космонавты, высадившиеся на Луне?» — он ответил: «Конечно, русские!»

Замечательные подвиги советских космонавтов очень взволновали наших читателей. В редакцию «Пионера» приходят десятки писем от ребят из разных уголков страны: с Украины и Дальнего Востока, с берегов Балтики и от теплого Черного моря.

«Я хочу быть космонавтом, — пишут ребята. — Хочу побывать на далеких планетах. Скажите: что нужно, чтобы стать космонавтом?»

Наш корреспондент Борис Володин попросил ответить на этот вопрос известного советского ученого действительного члена Академии медицинских наук **ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПАРИНА**.

Я хочу, чтобы прежде, чем прочитать мой ответ на этот вопрос, каждый из моих новых юных друзей подумал: «А для чего я хочу лететь в космос?»

Подумали?... Теперь давайте поговорим.

Итак, зачем? Просто на прогулку?..

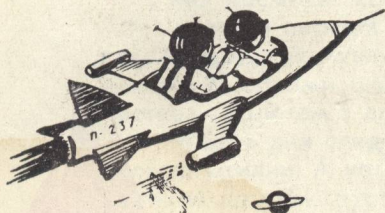
Что ж, со временем, может быть, построят космические корабли для туристов, желающих облететь разок вокруг земного шара по тому же маршруту, что прошел легендарный «Восток-1» с Юрием Гагариным на борту. Может быть, даже будут совершаться экскурсии на Луну, например, в район Моря Ясности, где уже третий год лежит наш советский вымпел. Но ведь стать туристом — это не значит стать космонавтом!..

Что будут делать настоящие космонавты? Прокладывать на ракетных кораблях трассы к далеким планетам, не только к Луне, Венере и Марсу или к Юпитеру и Сатурну, но, наверное, со временем и к планетам, вращающимся близ далеких звезд.

А ведь чтобы полететь к этим планетам — к сравнительно близким, находящимся на расстоянии в несколько десятков миллионов километров, и к очень далеким, тем, что от нас на расстоянии в десятки световых лет, — нужно сконструировать, освоить и испытать в космосе сложнейшие ракетные корабли. Разработать проблемы космической навигации. Обеспечить людям — участникам будущих экспедиций — необходимые условия жизни и работы в космосе... Вот какая сложная подготовка экспедиций предстоит, и в ней придется принять участие будущим космонавтам!

В своих экспедициях настоящие космонавты станут изучать законы движения небесных тел и физику космических частиц; строение неведомых нам планет; породы, из которых они состоят; их атмосферу; растительность, которая там, может быть, существует; те формы жизни, которые на них встретятся.

Очень сложные дела придется им выполнять. В кораблях космических экспедиций не найдется места для «просто пассажиров». У каждого участника межпланетного путешествия будет много работы и, наверное,

даже не по одной, а по нескольку специальностей. Я, например, думаю, что врач экспедиции будет не только врачом, но еще и исследователем по всем вопросам космической биологии. Он будет и следить за здоровьем своих товарищей и изучать жизнь растений и животных далеких планет. И, наверное, он же станет выполнять обязанности космического повара.

Точно так же астроном, и астрофизик, и пилот космического корабля должны будут одновременно выполнять обязанности инженеров, следить за исправностью сложной аппаратуры и двигателей. И, конечно, всем им, какие бы они ни были хорошие ученые, нужно будет уметь все делать, уметь выполнять любую работу: и слесаря, и механика, и электрика.

Мало ли что может случиться! В далеком межпланетном путешествии не так-то просто вызвать помощь. Да если и придет она, то через несколько месяцев, а может быть, и через несколько лет. Любую неполадку участникам экспедиции придется устранять самим... Да что говорить о космических путешествиях! Вот сейчас наши ученые зимуют в Арктике и в Антарктике. В такие экспедиции тоже посылают ученых-специалистов: астрономов, гидрологов, магнитологов, врачей, метеорологов... Но этим ученым приходится выполнять разную работу: и дома для себя собирать и ледяные аэродромы расчищать. Конечно, их труд облегчают машины, но машины машинами. Ими нужно уметь управлять, за ними нужно умело ухаживать...

Словом, белоручкам ни в Арктике, ни в Антарктике, ни в космосе места не найдется.

Значит, каждый будущий космонавт должен быть очень образованным человеком, ученым-специалистом и должен все уметь делать сам, своими руками.

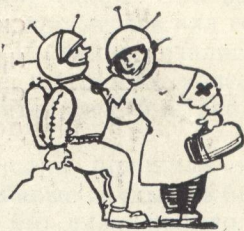
Вы читали книги и рассказы о наших летчиках-космонавтах Юрии Гагарине и Германе Титове, Андрияне Николаеве и Павле Поповиче. И, наверное, поняли, почему из сотен отважных, которые изъявили готовность первыми полететь в космос, выбрали именно этих замечательных людей.

Вы слышали, что наши космонавты обладают замечательным здоровьем. Они сильны и ловки, они отлично натренированы физически. Организм космонавта должен без ущерба для себя перенести очень большие перегрузки, приспособиться к разным неблагоприятным условиям... Все это вы, конечно, знаете и, наверное, если всерьез решили стать космонавтами, уже готовите себя к этому: занимаетесь спортом, закаляете свое тело.

Но одной физической закалки мало. Космонавт не просто сильный и здоровый человек. У него должна быть железная воля и несокрушимая целеустремленность. А ведь воспитать эту железную волю и целеустремленность не просто. Нужно с самого детства приучать себя всегда доводить до конца любое начатое дело, каким бы неприятным оно ни показалось.

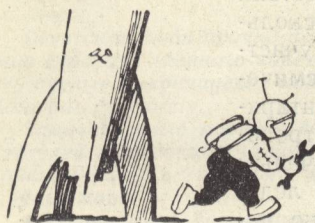
Целеустремленный и волевой человек всегда точно знает, какое из многих его дел главное, а какое не главное. И обязательно сначала берется за главное дело. У вас главное дело — учеба, труд. (Ведь вы уже знаете, что незнайкам и неумейкам в космосе делать нечего!) И вот, если человек, собирающийся стать космонавтом, не доделав домашних уроков, бежит на улицу играть с товарищами, значит, необходимую целеустремленность и волю он в себе еще не воспитал. И если во время школьных занятий будущий космонавт вертится на своем месте и болтает, значит, у него нет этой целеустремленности, он не знает, что важнее: болтать или учиться, — и у него не хватает воли заставить себя быть дисциплинированным.

А воспитывать в себе волю и целеустремленность надо с самого детства. Потому что характер человека начинает складываться в ранние годы. И чем дальше, тем труднее его перестраивать. Это установили физиологи: таковы законы работы нервной системы.

Герои-космонавты — это люди, которые уже сегодня воплощают в себе прекрасные черты человека коммунистического общества — высокую интеллектуальную культуру, нравственную чистоту и физическое совершенство, их поступками движут любовь к Родине, чувство общественного долга, благородные идеалы коммунизма.

(Из речи Н. С. Хрущева на митинге, посвященном встрече летчиков-космонавтов А. Г. Николаева и П. Р. Поповича).

Конечно, настоящий космонавт должен быть смелым, мужественным человеком. Он должен уметь преодолевать страх. Но настоящая отвага и настоящее мужество ничего общего не имеют с безрассудством. Иной парнишка прицепится на ходу к автомашине и думает: «Экий я герой! Знаю, что опасно, и вот, мол, преодолеваю страх...» А никакого геройства здесь нет, — глупый, неоправданный риск.

Но вот если он заступится за маленького и слабого, защитит беспомощного человека, на которого напал здоровенный хулиган, — здесь уже не глупый риск, а настоящая отвага. Вот такой человек, если Родина пошлет его в космос, обязательно выполнит задание, какие бы препятствия и опасности ни встретились.

Кстати говоря, космонавт должен быть добрым человеком, внимательным к своим близким, к товарищам. Космонавту, попросту говоря, обязательно нужен хороший характер. Ведь в далекой космической экспедиции людям придется прожить бок о бок много месяцев и даже много лет. Эгоист, себялюбец в такой обстановке просто не уживется. А если люди будут добры и внимательны друг к другу, будут заботиться друг о друге, если каждый будет готов пожертвовать всем, даже жизнью, за товарища, представляете, какой замечательный коллектив сложится в космической экспедиции!

Это очень важно.

Ну вот мы и выяснили, что нужно будущему космонавту.

Знания. Трудолюбие. Отличное физическое развитие и здоровье. Воля и целеустремленность. Дисциплинированность и мужество. Доброта и самоотверженность.

Все эти черты есть в характере наших космонавтов. Вот совсем недавно вы слышали по радио голос Андрияна Николаева и Павла Поповича из космоса, а многие из вас видели на экранах телевизоров, как они работают в космосе, управляют кораблями, как переговариваются друг с другом, как поют друг другу веселые песни. А ведь не так-то легко было космонавтам в этом полете. Но они были готовы к нему, они были воспитаны в своих семьях, в школе, в армии, воспитаны настоящими людьми, мужественными, сильными, закаленными. У них характеры настоящих космонавтов.

Характер надо воспитывать в себе сейчас. Я специально говорю тем, кто хочет отложить это «на потом»: потом будет поздно!

Ну, а если кто-нибудь и не станет космонавтом, то знания, и трудолюбие, и здоровье, и воля, и мужество, и самоотверженность, честное слово, пригодятся им на земле.

Если бы мне было сейчас не пятьдесят девять, а десять или двенадцать лет, я, наверное, тоже, как и вы, мечтал бы стать космонавтом и все бы для этого делал.

В такой уж замечательной стране мы живем — в стране, первой проложившей дорогу в просторы Вселенной.

Жених

и невеста

Димка глотнул побольше воздуха и победил. И сразу тонкие стволы берез превратились в белые мелькающие спицы. Они вырастали перед глазами и, просвистев над головой, падали за спину. И Димке казалось, что он топчется на месте, а огромное колесо с белыми спицами катится все быстрее и быстрее.

Неровная короткая челка прилипла ко лбу. Губы пересохли. А белые спицы так быстро летели навстречу, что даже рябило в глазах.

Маршрут лагерной эстафеты проходил по лесу, пересекал поле и без моста перемахивал через реку. Две палочки — какая быстрее?! — должны были совершить кругосветное путешествие и возвратиться в лагерь, как некогда корабли Магеллана, опоясав землю, вернулись в родной порт.

На полпути Димке стало казаться, что если он замедлит бег, то белое колесо отнесет его обратно, а его соперник выветится вперед. Соперником была девчонка. Димка не видел ее, только очень близко слышал частое, прерывистое дыхание. Оно подгоняло Димку. Коленки, как выстреленные, взлетали вверх, а локти отталкивались от ветра.

И вдруг дыхания не стало слышно. Димка подумал, что его соперница отстала, и оглянулся. Девчонка лежала на земле. Она, видно, споткнулась о толстый корень и упала. Сначала Димка обрадовался и припустил сильнее. А когда оглянулся, девчонка была уже на ногах и, на ходу потирая разбитую коленку, бежала за ним. Она бежала медленно.

Димка почему-то забыл, что девчонка из чужой команды, что она его соперница. Он дал ей догнать себя. И когда она поравнялась с ним, крикнул:

— Не торопись, я не буду тебя обгонять!

— Нет, обгоняй! — вспыхнула девчонка.

Димка опешил. Он хотел было прибавить ходу: не хочешь — не надо! — но продолжал бежать рядом. Он бежал, не глядя на девчонку с разбитой коленкой, а белые спицы мелькали все реже и реже, словно колесо собиралось остановиться. И чем больше он бежал, тем больше ему нравилось, что она сказала: «Нет, обгоняй!»

На повороте Димка украдкой посмотрел на свою соперницу и еще больше замедлил бег. Тогда девчонка крикнула ему через плечо:

— Не смей отставать! Ни на шаг не отставай, слышишь!

До рубежа уже оставалось немного. Неожиданно девчонка сказала:

— Меня зовут Ася. А тебя как?

— Дима.

В это время впереди закричали:

— Давай, давай!

Они сразу отвернулись друг от друга. И сразу превратились в соперников. А на встречу им летели голоса:

— Ася, нажимай!

— Димка, Димка, не отставай! Жми!

Но никакая сила не могла заставить Димку обогнать Асю.

В полдень на окраине лагеря на высоком столбе горит лампочка. Ее забыли погасить, и никто не замечает, что она светится. Простой лампочке трудно соперничать с ослепительным июльским солнцем. Только ближе к ночи станет заметно, что она горит.

Димка стоит у столба и думает, как погасить бесполезно горящую лампочку. Отыскивать выключатель или вскарабкаться на столб?

И тут появляется Ася.

Лампочка сразу будто погасла: Димка забыл о ней.

Ася босиком. На ней узенькие сатиновые брючки и кофта-размахайка. А сама Ася загорелая, коричневая с головы до ног. Только зубы белые. И Димке кажется, что Ася приехала в лагерь с далекого заморского острова, где все люди коричневые и белозубые.

Ася смотрела на Димку, а руки держала за спиной. Потом, не говоря ни слова, протянула Димке крепко сжатый коричневый кулачок. Что там — жук или зеленый лягушонок? Попробуй угадай! Ася улыбнулась одними глазами и разжала кулак. На ладонке лежали четыре земляничины. Они придушились в кулаке, и ладонка стала розовой от земляничного сока.

Димка уставился на ягоды. Ася нетерпеливо повела плечом.

— Ну бери. Бери же!

Димка неуверенно взял одну ягоду, самую маленькую. Ася сказала:

— Бери все.

— Давай поровну,— возразил Димка.— Две тебе, две мне.

Ему было неловко есть одному эти первые появившиеся на свет земляничины.

— Нет, бери все!

И вдруг Ася шагнула к Димке и ладошкой запихнула ему ягоды в рот. Димке было неловко, и он даже не распробовал вкуса ягод. Ася засмеялась.

— Вкусно? — спросила она.

— Вкусно,— поспешил ответить Димка, вытирая рот рукой.

— То-то! — сказала Ася и, повернувшись на пятках, побежала к зеленому сосняку.

Димка побрел за ней. Он зашагал по белому песку, на котором, как рассыпанные тонкие гвозди, лежали сосновые иглы. На песке отпечатались четкие Асины следы. И Димка наступал на них. Следы были маленькие, и он шел на носках, чтобы не разрушить их. Ему казалось, что они мягкие и теплые не от песка и солнца, а оттого, что их

оставила Ася. Ася сидела на песчаном бугорке, обняв руками колени и положив на них голову. Она зажмурила глаза и подставила солнцу одну щеку.

Димка остановился перед Асей. Ему хотелось заговорить с ней, но он не знал, с чего начать. Ася, не поднимая головы, сказала:

— Садись. Ты заслоняешь мне солнце.

Димка послушно сел чуть поодаль, там, где стоял.

— Что ты молчишь? — спросила Ася.

Он сказал невпопад:

— На столбе горит лампочка. Надо ее погасить.

— А зачем ее гасить? — отозвалась Ася.

Она открыла глаза и посмотрела на лампочку.

— Звезды тоже горят днем, хотя их никто не замечает, — сказала Ася, не сводя глаз с лампочки.

Теперь Ася думала о лампочке, а Димка — о землянике.

Они поменялись мыслями.

Всю жизнь Димка побаивался девочек. Когда он был поменьше, то бил их. Из страха, что они первыми поколотят его. Он боялся их насмешливых глаз, их колких шуток, их умения делать все лучше, чем он. С Асей ему было легко и интересно. В Асе не было настырности и обстоятельности, которую Димка терпеть не мог в девочках. Ася ни о чем не допытывалась и на лету меняла темы разговора.

— А у меня есть подружка, — неожиданно произнесла Ася. — Клавочка. И она мне вчера сказала: «Я хотела бы стать бабочкой и жить двадцать четыре часа!» Как ты думаешь, она дура?

— Дура, — охотно согласился Димка.

Но Ася покачала головой:

— Просто чудачка.

Она представила себе Клавочку в виде огромной капустницы лимонного цвета. Капустница Клавочка махала крыльями и летала низко над лагерем. И поглядывала на часы: не пора ли умирать. Ася улыбнулась своим мыслям, а Димка подумал: «Чего она улыбается?» — и пожал плечами.

В это время кто-то совсем близко крикнул:

— Жених и невеста! Жених и невеста!

Димка вскочил на ноги. Глаза его болезненно сощурились, а кровь так горячо ударила в щеки, что они загорелись, как от ожога. Он почувствовал страшную неловкость и не мог взглянуть на Асю, словно в чем-то был виноват перед ней. Тогда Ася поднялась с земли и сама подошла к Диме. Она

заглянула ему в лицо, будто ничего не произошло.

— У нас дома есть фотография, — сказала Ася. — Мама снята в белом платье до земли, а папа в черном костюме, застегнутом на все пуговицы. Оба стоят навтыжку и смотрят в одну точку. Папа — жених, мама — невеста. Ужасно смешно.

Ася попыталась представить себе Димку в черном костюме, застегнутом на все пуговицы, а себя в белом платье. Она хотела улыбнуться, но из этого ничего не вышло.

У каждого отряда есть свой вожатый, свой воспитатель и своя самостоятельная жизнь. Ася и Димка были в разных отрядах и поэтому виделись редко. Когда они были врозь, их тянуло друг к другу. Им становилось спокойно и легко, когда они были рядом.

После случая в сосняке они старались не оставаться одни. И если вели свои разговоры, то на виду у всех ребят. Что здесь такого особенного? Но в лагере заработал «испорченный телефон» — игра, в которой правда превращается в ложь. По невидимым проводам из уха в ухо пошли четыре слова: «Димка — Ася, жених — невеста».

Стоило Асе и Димке очутиться вместе, как они начинали чувствовать на себе косые взгляды. И до них долетал насмешливый шепоток.

Димка краснел и злился. Но это только подливало масла в огонь.

Злые языки дали себе полную волю. Впрочем, языки были не столько злые, сколько длинные и озорные. И был тут особый спортивный интерес — подстеречь Димку и Асю и откуда-нибудь из-за угла крикнуть:

— Жених и невеста! Жених и невеста!

Однажды Клавочка отвела в сторону Асю и сказала:

— Можно встречаться, но зачем же на виду у всех?

Ася презрительно повела плечом.

— А нам нечего скрывать. Мы дружим. Что здесь плохого?

— Плохого ничего нет, — сказала бабочка-капустница, — но все же.

Она поджала губы и упорхнула.

В тот же вечер с Асей говорила отрядная вожатая Майя. Она стригла ногти маленькими блестящими ножницами и как бы между делом спросила:

— Что это у тебя с Димой?
— Мы дружим! — обрубил Ася.
Майя испытующе посмотрела на Асю.
Блестящие ножницы заработали быстрее.
— Надо дружить со всеми мальчиками.
— А если все мальчики не нравятся?
Ножницы остановились.
— Ах вот что! Хороша дружба! — Майя даже покраснела от возмущения. — Значит, дружат только с теми, кто нравится?!

— Конечно! Если человек не нравится, какой же он друг?

Ножницы были похожи на блестящий птичий клюв. Клюв широко раскрылся от удивления и замер. Майя попала в затруднительное положение. Вероятно, в глубине души она соглашалась с Асей, но признаться в этом не решалась.

Ножницы-клюв медленно закрылись, обрезаая дальнейший разговор.

А в это время на другом конце лагеря вожатый Сережа и Димка шли, заложив руки за спину.

Сережа был человек огромного роста. На его широких плечах трещали все рубашки, и ни один воротничок не сходил на шею. Поэтому он любил ходить в майке. А так как ножища у него была дай бог и ботинки ему шли по заказу, то ходил Сережа в лагере по большей части босиком: не стаптывать же заказные ботинки! Он был кузнецом, а в лагерь его послал комитет комсомола.

Этот большерукий и большеногий парень долго не мог приступить к разговору с Димкой. Хорошо, что было темно, и Димка не видел, как его вожатый краснеет. Наконец он выдал из себя:

— Слушай, что у тебя там с этой... Асей?

— Ничего, — задиристо ответил Димка и тут же перешел в наступление: — Что же мне, поссориться с ней? Да?

— Ссориться не надо, — примирительно сказал Сережа.

— А что надо? — кипел Димка.

— Что ты меня спрашиваешь! — не выдержал Сережа. — Если бы знал, сам бы тебе сказал... А ссориться не надо.

Вожатый начал отчаянно лохматить свои короткие пружинистые волосы. Он бы с радостью помог Димке, но сам был молодым и неопытным.

И вдруг он спросил:

— Слушай, а может быть, ты ее... любишь?

Димка резко повернулся. Слово «любишь» обожгло его. Он не знал, что делать с этим словом: отшвырнуть от себя или взять под защиту.

— Мы дружим, — деревянным голосом ответил он и снова отвернулся.

Димка стал держаться особняком. Худой, взъерошенный, он был похож на волчонка. Он огрызался на каждую шутку. Ему все время чудилось, что ребята смотрят на него недобро и насмешливо.

Ася, напротив, держалась как ни в чем не бывало. Она бегала с подружками — отчаянная, босоногая, похожая на жительницу солнечного веселого острова. А Димка думал, что Ася в чем-то предала его, что она чуть ли не на стороне насмешников.

Кожаный мяч взлетает ввысь. Он летит высоко-высоко. Сейчас он выйдет из-под власти земли и превратится в новый маленький спутник. Десятки глаз провожают его. Но мяч вдруг останавливается — раздумал покидать землю! — и начинает падать вниз.

Димка первый подбегает к мячу и ловко поддевает его стоптанным ботинком. Он бежит по краю поля. Может быть, мяч привязан к его ноге невидимой ниткой: почему он не отскакивает дальше метра и никто не может отнять его у Димки? Димка бежит к воротам противника, а мяч послушно катится впереди.

Теперь их уже никто не остановит. Они — мальчик и мяч — вырвались вперед.

И вдруг кто-то кричит:

— Эй, жених, пасуй мне! Давай сюда, жених!..

Димка останавливается. В десяти шагах от него бежит кражистый паренек в огромных футбольных бутсах. Это Сашка Лимонов. Димка останавливается и, забыв про мяч, кидается к Сашке.

— Жених, — кричит тот, — что же ты отдаешь мяч?

В два прыжка очутился Димка рядом с Сашкой. Тот стоял, ничего не понимая, а Димка налетел на него, сбил с ног и, усевшись ему на плечи, изо всех сил стал дубасить его кулаками.

Он не слышал свистков судьи. Не видел сбежавшихся ребят. Он бил Сашку за обиду, за свой стыд, за Асю. Будто тот один был во всем виноват.

Ребята оттащили Димку. Кто-то дал ему хорошего леща. Димка никого не видел и не слышал.

К вечеру весь лагерь знал о происшествии на футбольном поле.

— За что ты побил Лимонова? Отвечай.

Димка стоял перед линейкой и молчал.

— Что у тебя, язык отнялся?

Димка закусил губу. Его мучила обида. Ему казалось, что за спиной стоит целая ше-

ренга недобрых людей, которые рады потешаться над ним.

— Ты будешь отвечать?

Старшая вожатая теряла терпение.

И вдруг за спиной раздался знакомый голос.

Это был Асин голос. Димка поморщился, ему хотелось повернуться к Асе и крикнуть: «Кто тебя просит за меня заступаться! Это не твое дело!» Но он смолчал. Он был скован по рукам и ногам своим позором.

— Он не виноват. Лимон дразнил его.

— Это что еще за новости! — сказала старшая вожатая. — Тебе скажут слово, а ты — в драку! Как он тебя дразнил?

Димка похолодел. Тонкий голосок сказал:

— Женихом его дразнят.

Голос принадлежал пареньку из младшего отряда. Он звучал тихо, будто хотел подсказать Димке, но услышали все. Слово «жених» пришлось Димке как удар. Он сорвался с места и побежал. Он бежал, не глядя себе под ноги, и ему казалось, что все триста человек преследуют его.

— Вернись! — крикнула старшая вожатая.

Но никакая сила не могла удержать Димку.

Он добежал до окраины лагеря и остановился, чтобы перевести дух. Он очутился у лампочки, которая почему-то горела и днем. Это была самая обыкновенная лампочка в сто свечей. Но Димке почудилось, что она посылает во тьму сигналы: «Он здесь! Он здесь!» Димка поднял с земли камень и запустил им в лампочку. Он промахнулся, но задел провод. И лампочка закачалась.

Димка отвернулся от столба и увидел Асю.

Теперь Ася не показалась Димке жительницей далекого острова — она была простой девчонкой. В ее глазах светилась тревога, а рот был слегка приоткрыт.

— Ты зачем здесь? — недовольно спросил Димка.

Ася пропустила его вопрос мимо ушей.

— Что будем делать? — твердо спросила она.

— Это не твое... — начал было Димка, но запнулся.

Он поднял глаза на Асю и все понял. Значит, она на виду у всех ребят бросилась следом за ним. Не побоялась насмешек. И она не уговаривает его вернуться на линейку, а спрашивает: что будем делать? Димке стало стыдно. Он отвернулся и сказал:

— Я не вернусь в лагерь.

— И я, — отозвалась Ася.

— Ты не уходи из лагеря. Зачем тебе? — примирительно сказал он.

— Пошли, — решительно сказала Ася и, не дожидаясь его, направилась к лесу.

Лесная дорога казалась бесконечно длинным коридором, в котором погашен свет и того гляди можно на что-нибудь наткнуться. Между ветвями деревьев горели звезды, которые, как известно, горят и днем. Просто они незаметны, как лампочка, которую забыли погасить с приходом солнца.

— Я боюсь змей, — сказала Ася.

— Ночью змеи спят, — отозвался Димка. Через несколько шагов Ася сказала:

— Ты смелый.

Согласиться с Асей было бы хвастовством. Димка сказал:

— Это я с тобой не трушу.

— Ты и без меня не трусишь.

— Ну да, в лесу-то?

И снова тихо.

Димка и Ася идут рядом. Ася касается его плечом. Правда, Асино плечо пониже.

— А ты в какой школе учишься?

Это спрашивает Ася.

— В тридцать второй. А ты?

— В пятьдесят четвертой.

— Недалеко. Остановок пять, а может быть, только четыре... А спортзал у вас хороший?

— Потолок низковат... А у вас мальчишки танцуют с девочками?

— По праздникам.

Они все шли и шли. Им стало холодно. Потому что одеты они были легко. А в лесу все темнело. И теперь Ася и Димка уже не видели друг друга. Но Димка слышал Аси-

ны шаги, дыхание. И ее плечо касалось его руки.

— Нам только ночь пережить, — сказал в темноте Димкин голос.

— А утром? — отозвался Асин голос.

— Найдем дорогу до станции и уедем... А может, тебе вернуться?

Асин голос как ни в чем не бывало сказал:

— У тебя спички есть?

— Нет!

— Жаль. А то бы костер-разожгли... Давай сядем.

— Давай, — согласился Димка.

Они свернули с тропинки и стали отыскивать место посуше. Ночная темнота и холод отвлекли их от тревожных мыслей. Они уже не думали о том, что произошло на линейке. И не гадали, что их ждет завтра. Им нужно было как-нибудь скоротать ночь.

Ася сказала:

— Давай сядем спина к спине. Так будет теплей.

И когда они сели, им и правда сразу стало теплей. Они сидели спиной друг к другу, словно заняли круговую оборону от всех неприятностей. Им стало покойно. Они боялись пошевелиться. Боялись произнести слово.

И они уснули.

Проснулись они от холода. В первое мгновение ни Ася, ни Димка не могли понять, где они находятся и что с ними происходит. Поеживаясь, потирая руками плечи, они поднялись на ноги. Дрожь колотила Асю, и зубы ее легонько стучали. А Димка дышал в ладоши, словно на морозе.

Вокруг них миллионами живых, трепещущих огоньков сверкал утренний мир. Капельки росы блестели на острие сосновых иголок, на тонких проводах паутины. Воспоминания вчерашнего дня все не решались подступить к двум беглецам.

Они смотрели друг на друга, и им казалось, что они знакомы целую вечность, с первого класса, а может, и раньше. И что вся их жизнь прошла вместе. От этого чувства они повеселели.

— Выспалась?

— Ага. А ты?

Димка кивнул.

— Слушай, давай умоемся. Вот так.

Ася присела на корточки, сгребла с травы капельки росы и провела мокрыми ладонями по лицу.

И тут она заметила в глазах Димы настороженность. Он тревожно смотрел в конец просеки. Ася поднялась и тоже посмотрела. В легкой утренней дымке она увидела бегущего человека. Человек был большой, и двигался он крупными прыжками. На нем белая майка, а ноги босые. Это был вожатый, Сережа.

Ася посмотрела на Димку. Их глаза встретились. Они поняли друг друга и, не сговариваясь, побежали. Теперь уже не тоненькие спицы берез летели им навстречу — вся земля, массивная и влажная, уходила из-под ног. Они бежали от позора и от обиды. Они спасали что-то незримое, бесконечно дорогое.

Но от Сережи не так-то просто уйти: у него шаги землемера. И вот уже за спиной совсем близко прозвучал его голос:

— Да стойте вы!

Они выбились из сил, и Сережа в два прыжка очутился рядом. Все трое, тяжело дыша, стояли на лесной просеке. И никто не мог заговорить: мешала одышка. Димка и Ася посмотрели в лицо Сереже и не узнали его. Глаза его запали, волосы спутались, а белая майка была вся изодрана.

— Я вас всю ночь ищу! Мне же за вас голову снимут, — сказал Сережа. И потом обиженно пробормотал: — И надо же было мне согласиться поехать в лагерь! Вот имей дело с таким народом... Пошли! — Последнее слово он произнес твердо и сердито.

Димка и Ася стояли на месте.

— Пошли! — повторил Сережа. — Что стоите?

— Не пойдем, — сказала Ася и тут же посмотрела на Диму, ища у него поддержки. Димка молча стоял на просеке и враждебно смотрел на Сережу.

И тут Сережа своими ручищами схватил беглецов за руки, и те сразу почувствовали его огромную силу. Они даже не вырывались, им было стыдно вырываться. Димка только сказал:

— Все равно убегу.

— И я, — поддержала его Ася и сжала губы.

Все трое шли молча. Солнце медленно поднималось, и уже первые прямые лучи скользили вдоль просеки.

Они потеряли счет времени. Они шли, подчиняясь какой-то странной силе, какому-то чужому порядку.

И вдруг Сережа остановился. Он остановился и отпустил руки ребят. Потом он спросил:

— У вас есть деньги?

Беглецы молчали. Они не понимали, для чего Сереже понадобились деньги.

Тогда вожатый полез в карман и достал оттуда рублевую бумажку.

— Держи! — он протянул бумажку Димке. И тот, не понимая, в чем дело, машинально взял ее.

— До станции тут километров пять, — сказал Сережа. — Дойдете по просеке до шоссе, а там налево. Вот.

Он резко отвернулся и, не оглядываясь, зашагал по направлению к лагерю.

Ася и Димка стояли на месте и провожали его глазами. Они все еще не могли понять, что же произошло. Человек, которому

за их бегство обещали снять голову и который всю ночь бродил по лесным тропам, разыскивая их, теперь сам отпустил их в город и еще дал денег на билет.

А Сережа удалялся. Он уже не казался таким огромным и внушительным. Его фигура становилась все меньше и меньше...

И ребятам неожиданно захотелось кинуться вдогонку за Сережей. Сказать ему хорошие слова. Пожать его твердую руку кузнеца. И не расставаться с ним, потому что, когда рядом такой человек, все можно пережить и ничего в жизни не страшно.

От росы и тумана песок мокрый, и следы на нем видны отчетливо, не то что днем. Эти следы большие и глубокие, и если поставить в след ногу, то еще останется место. Интересно идти по таким следам, хотя приходится делать очень широкие шаги.

Впереди идет Ася, а Димка за ней. И обоим кажется, что они чувствуют тепло, которое хранят следы большого Сережи.

Раевские

Среди героев 1812 года, чьи подвиги и имена золотыми буквами вписаны в книгу истории, не раз встречается фамилия Раевский...

На этой страничке вы видите снимок с лубка — плаката тех времен. На лубке художник изобразил прославленного героя русского генерала Николая Николаевича Раевского.

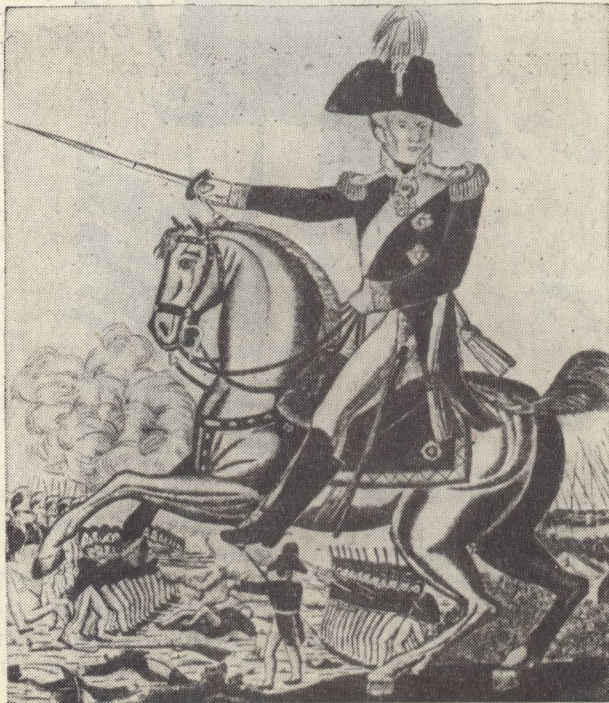
У Раевского, отважного сподвижника Баграциона, было два сына. Старший, Александр Раевский, с шестнадцатилетнего возраста сопровождал отца в боях и походах. Младший — Николай, одиннадцати лет пришел в русскую армию, а в тринадцать имел уже несколько орденов и чин поручика.

Много славных подвигов совершили Раевские, но особенно прославились они в деле при деревне Дашковой.

Дважды бросались русские солдаты на вражескую батарею, но обе смелые атаки были отбиты огнем французских пушек. Тогда, взяв за руку младшего сына, генерал Раевский в третий раз повел за собой Смоленский полк. Кругом падали убитые и раненные русские воины. Картечь сразила знаменосца... Старший сын генерала, Александр, подхватил упавшее знамя и рядом с отцом и братом понес его впереди полка...

С того памятного дня братья Раевские были свидетелями и участниками славных сражений.

Прошли годы. И когда декабристы подняли оружие против царского самодержавия, братья Раевские оказались в первых рядах борцов за свободу родины. Только случай спас их от вечной каторги: за

недостатком улик они были отпущены на свободу. Зато сестра героев Мария Николаевна, старшая дочь генерала Раевского, добровольно пошла за мужем декабристом Волконским, сосланным навечно в сибирские рудники.

Л. ТИНАЕВА

Исторический музей — Коринна, М. Родина
данные были собраны в 1812 году
Отечественной войны 1812 года

1

1812 год... Под грохот пушек склонялись к ногам Наполеона итальянские, австрийские, немецкие знамена... Разрастаясь, как снежный ком, катилась на восток огромная по тем временам армия захватчиков, и казалось тогда, что нет на земле силы, способной остановить это победное шествие.

8

В 1812 году Наполеон с «двенадцатью языками» ступил на землю нашей Родины. Шаг за шагом, сжигая города, убивая и грабя мирных жителей, привыкшие к легким победам войска Наполеона стремились вперед, к самому сердцу России, к древней столице — Москве. Тогда миролюбивые русские люди все как один поднялись на защиту Отечества.

1

И лавина остановилась. Докатившись до Московского кремля, измотанные боями, морозом и голодом полчища захватчиков отхлынули на запад, бросая оружие, обозы и знамена, позорно бежали с русской земли.

2

С тех пор, как стоит русская земля, любых захватчиков с позором прогонял наш народ. И когда в 1941 году полчища новых завоевателей ринулись на нашу землю, как и полтора века назад, встали на защиту Отечества наши воины-богатыри. В жестоких сражениях разбили они гитлеровские полчища и до самого Берлина со славой пронесли красные советские знамена.

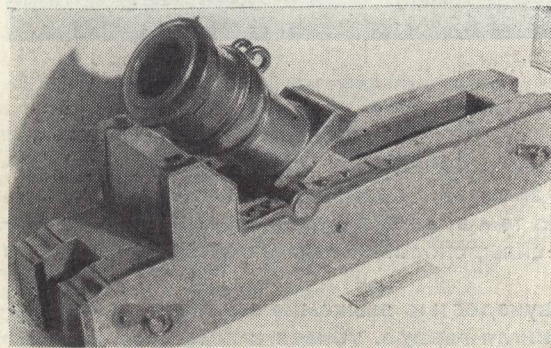
И рядом с памятниками героям Отечественной войны 1812 года встали на нашей земле памятники героям второй Великой Отечественной войны — советским людям, отдавшим жизнь за свободу Отечества.

Это не солдаты, это мирные люди, взявшие-ся за оружие. В 1812 году их называли ополченцами.

Конница была самым оперативным, самым грозным родом войск русской армии. Вот такие лихие гусары одержали немало побед в 1812 году.

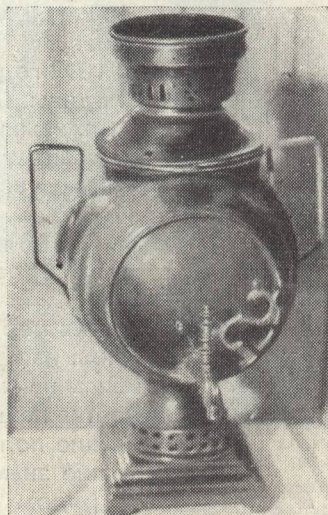

Из таких орудий—мортир—в те годы стреляли по целям, скрытым за крепостными валами и стенами. Русские оружейники с давних пор славились своим мастерством.

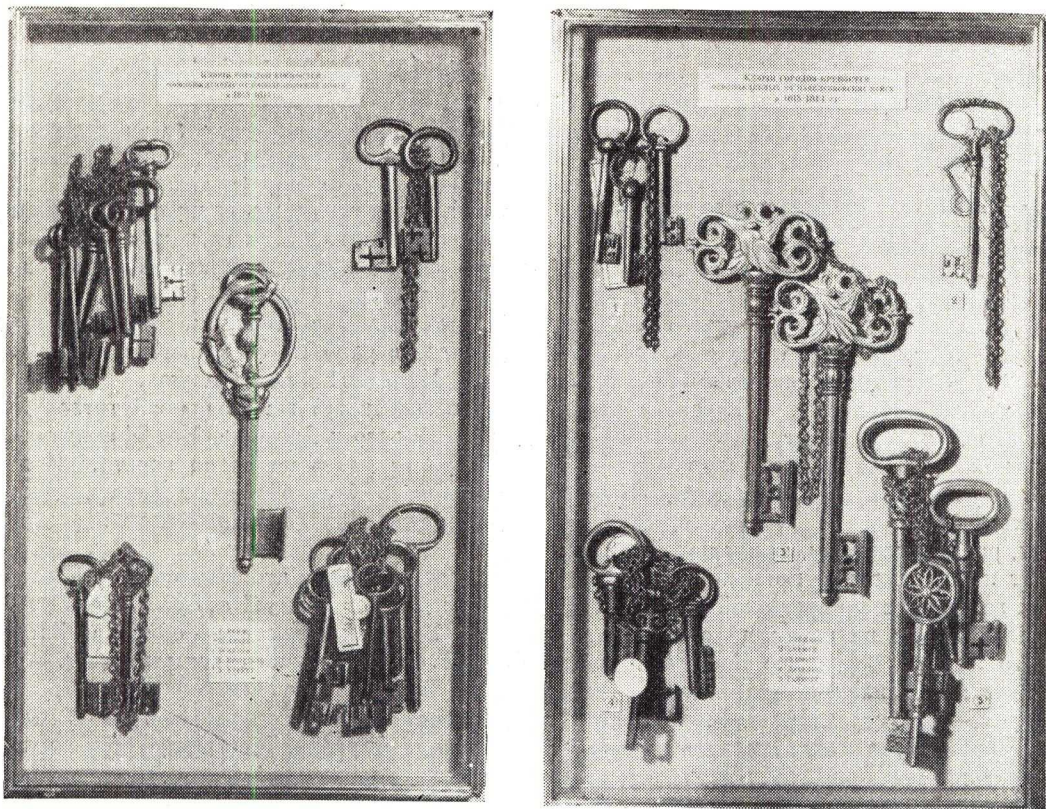

А это пушка тех времен. Как она не похожа на наши современные дальнбойные орудия!

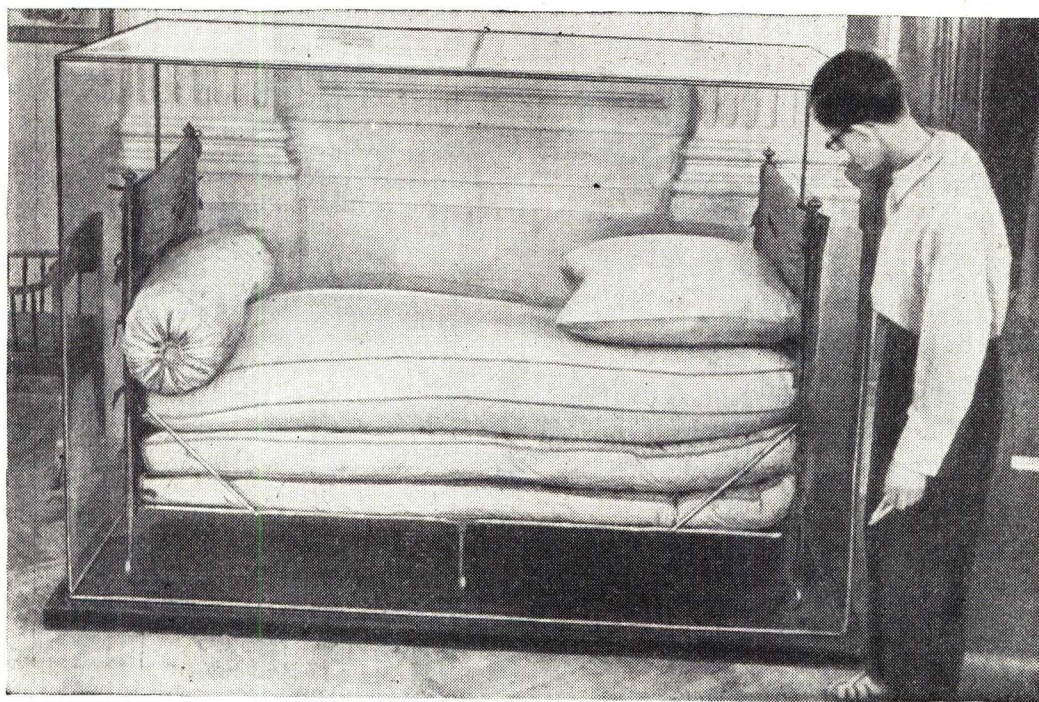
На этих снимках изображены экспонаты Исторического музея—картины и подлинные вещи, сохранившиеся со времен Отечественной войны 1812 года.

Это походный самовар фельд-маршала Кутузова.

Ключи городов, освобожденных русской армией от наполеоновских захватчиков. Здесь вы видите ключи Лейпцига, Бремена, Данцига, Дрездена, Гамбурга, Реймса, Аахена, Кельна, Брюсселя и Утрехта.

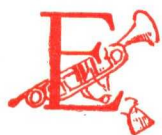
Кровать Наполеона, брошенная им при бегстве из России.

Рассказы о войне 1812 года

С. АЛЕКСЕЕВ

Рисунки П. Павлинова.

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того, как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион знал Давыдова давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял приветливо.

— Ну, рассказывай, ну, выкладывай.

— Вот какая мысль, — произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает Багратион.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так, — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бона-

парта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части шупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар, докажу, как возможно.

Пока Давыдов говорил, лицо Багратиона светлело и расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай же поцелую...

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваше сиятельство, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым. — Фантазия в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия...

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный, твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль в глаза начальству...

— Надежный, ваше сиятельство. Пять лет у меня в адъютантах был.

— Ладно, может, и вправду будет дело сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову пятьдесят гусар и восемьдесят казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев.

Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать к себе в ставку Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

духи о доблестных делах партизана Дениса Васильевича Давыдова летели в русскую армию один за другим. То обозы с порохом перехватили, то разогнали артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился, зарубил четырех французозов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть в партизаны. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал.

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром в шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову.

Глянул корнет. А где же гусарская куртка, где султан и галуны?

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов.

— Честь имею, подполковник Давыдов.

— Корнет Васильчиков.

Устал корнет с дороги. Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном. В общем, началась жизнь партизанская.

Утром Давыдов сказал Васильчикову:

— Что важнейшее для партизана? Внезапность. Какая позиция самая лучшая? Непрерывность в движении. В чем у партизан главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот походы, походы, переходы, ночевки в лесах. То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое-то дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью, едва уснул, — тревога.

Непривычен к такой войне корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю и покинул партизанский отряд. Даже записки не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Еще в те дни, когда он самовольно исчез, в армии было целое дело. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета. Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и добавил: — А за то, что вернулся, за это — вдвое.

ВАНЮШКА, МАРФУТКА, ФИЛЬКА И ТРОЕ ДРУГИХ РЕБЯТ

обрались ребята, пошли в лес. Было их шестеро: Ванюшка Валуев, Марфутка, Филька и трое еще ребят. Поздняя осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнезд на деревьях. Чем бы сейчас заняться?

Размечтались ребята: вот бы поймать француз!

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазища большие, размером с кулак. Ружье при французе, походная сумка. И шапка обязательно такая, как носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном.

Представляют ребята, как ловят французца в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валуев. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной! Руки и ноги ему вяжи!

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо французца у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под елкой, под сивой лапой, лежит француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своем языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французце не видно. Нет и походной сумки. И шапки гвардейской нет. Совсе лежит без шапки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги!

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко.

Пропала вдруг у ребят охота брать французца, лежачего, в плен.

Стоят, перешептываются.

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод, небось, измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами прикончат.

Жалко стало ребятам французца. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает своей смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошел Ванюшка в избу, на душе тягостно. Все видит больного французца в лесу. Он же с голоду там помирает. Покрутился Ванюшка с час то на улице, то в огородах, даже к речке бегал — никак не может забыть солдата. Наконец, вернулся домой, сунул под одежку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Вот и француз. Растолкал он его. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга. Да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся к хлебу. Слеза из глаза капнула.

Тут Ванюшка услышал шорох. Обернулся — бежит Марфутка.

Подбежала, увидела Ванюшку, страшно смугилась: хлеб у нее в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собрались, и каждый еду принес.

С этого дня и стали они приходить к французцу. Соорудили ему шалаш, рядом притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир.

Все делают тайно. В селе — ни гу-гу.

Удивляются родители: где пропадают ребята?

— Да так мы, — уклончиво отвечает Ванюшка.

— Я на хутора к подружке хожу, — говорит Марфутка.

— Да я тут, я все время у дома, — уверяет Филька.

Стал француз поправляться. Пришли как-то ребята. Смотрят, солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое к нему отдельно.

— Нат, — сует француз гостинец ребятам.

На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает, веселит ребят.

Стал француз подниматься, даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше французца.

Ушел из тех мест солдат. Лишь кораблик и веселого человечка, как память о себе, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушел. Привыкли они к французцу.

Вернулись домой невеселые.

— Да что с вами такое творится? — приста-
ли снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассека-
зали.

Рассказали про все: и про первую встречу, и
о том, как, не сговорившись, хлеб притащили,
и про слезы, что были тогда у француза в гла-
зах, и как мундир зашивала Марфутка, и как
шалаш ему строили. Про кораблик и забавного
человечка тоже рассказали.

Думали ребята, будут их в селе ругать.

Однако крестьяне не журили ребят. А кто-то
сказал:

— Ну что ж, дай ему господь дорогу добрую.
Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

А на другой день те же мужики с вилами
напали на французский отряд.

НОВЫЙ ПОХОД

1812

год. Декабрь. Неман. Гра-
ница России.

Идут по мосту солдаты.
Только не в ту сторону, что
шли летом, полгода назад,

а в обратную. Не чеканят солдатский шаг. Не
бьют барабаны. Не пыжата дудки. Знамен не
колышется строй. Горетка измученных, обор-
ванных, чудом в живых оставшихся французов

покидает российский берег. Жалкий остаток ве-
ликой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот
он — конец похода!

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты: капрал знакомый.

— Ба! Да не ты ли нам сказку тогда расска-
зывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеют-
ся солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдат-
ский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, воспомина-
ют бывшее. Витебский бой, бои под Смоленском,
Бородинскую битву, пожар Москвы... Да, неле-
гок путь к победе! Немало пролито русской
крови. Многих нет в живых.

Взгрустнулось солдатам. Поминают своих
товарищей. И радостен день и печален.

В это время сюда же к реке подъехал со сви-
той Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— Ура-а!

Поклонился Кутузов солдатам.

— Героям отечества слава!

— Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам.

— Устали?

— Устали, — призна-
лись солдаты. — Да ведь
конец же походу, по до-
мам скоро.

— Нет, — говорит Ку-
тузов. — Новый предстоит
поход.

— Рады стараться! —
отвечают солдаты. Так
армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на
видное место. Обвел он
глазами войска и голо-
сом зычным:

— Герои Витебска, ге-
рой Смоленска, соколы
Тарутина и Ярославца,
витязи Красного, Боро-
динского поля орлы,
незабвенные дети Рос-
сии. — Кутузов припод-
нялся в седле. — Живые,
мертвые — стройся! Ге-
роям новый поход — в
века!

Н. ХОДЗА

Рисунки В. Магдебурова.

ИНДЕЙЦЫ

РАССКАЗ

Митя был озадачен. Исчезли Володя и Оля. Утром они о чем-то долго шептались, а когда взрослые ушли, Володя нахмурился и сказал Оле:

— Бледнолицые вступили на тропу войны!

— Презренные шакалы! — сказала Оля.

— Они будут иметь дело с непобедимым Ягуаром, — сказал Володя.

— Скальпы белых украсят вигвам Ягуара! — добавила Оля.

Митя ничего не понял из этого разговора. Он хотел услышать, о чем они будут говорить дальше, но в это время вошла мама.

Володя и Оля умолкли и как-то незаметно исчезли.

Тогда Митя спросил:

— Мама, ягуар — это что?

— Не что, а кто, — поправила мама. — Ягуар — это хищный зверь. Вроде тигра. Только не полосатый, а пятнистый...

— Он живет в вигваме, этот ягуар?

— Ягуары живут в лесах. В вигвамах живут индейцы...

— Эти индейцы украшают комнаты скальпами? Скальпы — это что? Это такие картины, да?

Тут мама засмеялась, и доброе лицо ее от этого стало еще добрее. А Митя не понимал, почему мама смеется. И он опять спросил:

— Скальпы — это картины, да?

— Митенька, мне сейчас некогда, — сказала мама. — Ступай к Володе. Он тебе все расскажет: и про индейцев, и про вигвамы, и про скальпы...

И Митя пошел искать Володю. Во дворе его не оказалось. И Оли во дворе не было. Митя вернулся в дом, обошел комнаты внизу, поднялся наверх, осмотрел там все уголки, даже под кровати заглянул, но... нигде никаких следов!

Тогда Митя вспомнил про каретный сарай: конечно, они там! Больше им негде быть!

Как огорчился Митя, когда увидел, что сарай пуст! Не зная, что делать дальше, он побрел домой и вдруг заметил, что калитка в сад распахнута.

Ага! Значит, Володя и Оля играют в саду. Теперь-то уж он их найдет!

Митя прикрыл за собой калитку, сделал несколько шагов и настороженно огляделся. Нет, никто не видел, как он вошел в сад. Тогда Митя бросился на живот и пополз.

Конечно, ползти на животе

было совсем не обязательно. Но всякий понимает — ползти куда интереснее, чем ходить! Когда ползешь в траве да еще прячешься за деревьями, можно думать о себе самое разное. Можно думать, что ты разбойник. Или сыщик.

Митя обогнул цветник, миновал яблони и пополз в глубь сада. Он двигался бесшумно, подтягиваясь на локтях. Так научил его Володя. У высокой осинки Митя чуть приподнял голову и прислушался. Нигде никаких голосов! Басовито гудели шмели, стрекотали в траве неутомимые кузнечики, и заливался невидимый в небесах жаворонок.

Митя пополз дальше. Он пересек аллею, пробрался через кусты сирени и оказался под тенистыми вязами. И по-прежнему никаких признаков Володи и Оли. Но Митя сейчас был не мальчиком, а сыщиком. А сыщики всегда находят тех, кого ищут!

И он пополз в дальний угол сада. Сюда обычно никто никогда не заглядывал. Это место заросло густой крапивой, лопухами, колючим боярышником и желтой акацией. Исцарапанный, обожженный крапивой, Митя добрался наконец до зарослей боярышника. И здесь, совсем близко от себя, он услышал тихий треск. Сердце Мити забило сильно и часто. Не было сомнений: он напал на след!

Осторожно, не дыша, он обогнул куст боярышника и увидел маленький шалаш. У шалаша сидела Оля. Она ломала тонкие сухие ветки и складывала из них костер. На голове ее колыхался вплетенный в волосы большой лопух.

Митя сразу же забыл, что он сыщик.

— Не смей разводить костер! — закричал он. — Папа запретил разводить в саду костры!

Оля вздрогнула и с удивлением уставилась на мальчика.

— Кто ты, бледнолицый чужеземец? — спросила она незнакомым голосом.

Митя оторопел.

— Оля, это я... ты не узнала меня?

— В наших пампасах я не встречала тебя, белый чужеземец!

Митя совсем растерялся. И буркнул сердито:

— Вот скажу папе, что разводишь костер в саду... И еще обзываешь... чужеземцем...

На этот раз Оля ничего не ответила. Она распростерла над костром руки, разжала кулаки, и на кучку сухого хвороста посыпались красно-желтые листья шафрана. И, когда яркие листочки медленно опусти-

лись на темную кучку хвороста, Мите показалось, что костер засветился горячими угольками.

Дальше было совсем непонятно. Оля вдруг бросилась на землю, приложила ухо к траве и лежала так несколько секунд. Потом вскочила на ноги и заявила:

— Я слышу поступь непобедимого Ягуара. Сейчас он вернется с добычей...

— Кто вернется с добычей? — испуганно спросил Митя.

— Свирепый Ягуар.

Митя схватил сестру за руку.

— Оля! Ягуар — это вроде тигра?.. Пятнистый?

— Ягуар — великий воин! Бледнолицые бегут от него, подобно трусливым шакалам.

— Мама лучше знает! Где Володя?

— Война с таким именем я не встречала, — сказала Оля и поправила на голове лопух.

— А зачем ты воткнула лопух в голову?

— Чужеземец, ты слеп, точно крот! Где ты видишь лопух? Голова моя украшена перьями страуса.

— Очень похоже на лопух, — виновато пробормотал Митя.

— Ио-хо-эхи! Ио-хо-эхи! — раздался вдруг неподалеку грозный клич.

Перепуганный Митя на всякий случай

поспешно юркнул за ствол огромного старого тополя.

— Оля, беги в шалаш! — крикнул он из укрытия.

— Ты слеп, как летучая мышь, чужеземец! Это вигвам, а не шалаш!

И в эту минуту из зарослей боярышника показался Володя. На груди его висел лук. Левой рукой он держал стрелы, а правой волочил по земле большую косматую корягу.

— Ио-хо-эхи! Ио-хо-эхи! — снова издал Володя воинственный клич.

Митя выскочил из-за ствола и бросился к брату.

— Володя, у тебя новый лук, да? И стрелы новые? А зачем ты притащил эту корягу?

Володя медленно повернул голову в сторону брата.

— Бледнолицый пришел! Это дикий бизон, а не коряга! Я гнался за ним много часов. В непроходимой чашобе я настиг его, и мой верный томагавк поразил насмерть дикого зверя!

— Непобедимый Ягуар, — почтительно произнесла Оля, — сейчас я зажарю тебе на завтрак эту славную добычу!

И она потащила корягу к веткам, на которых пылали угольками яркие листочки шафрана.

Теперь уже Митя понял: здесь идет какая-то очень интересная игра.

— Володя... — начал он, но поймал сердитый взгляд брата и торопливо поправился:

— Непобедимый, свирепый Ягуар, тебя этот самый... как его... бизон... он тебя не покусал? Если покусал, то я мигом сбегаю за иодом...

— Открой свои уши и внимай, бледнолицый! Первая стрела моя застряла у бизона меж ребер. Вторая застряла в его груди. Бизон рассвирепел и завыл!

— А как он завыл? Я никогда не слышал, как воют бизоны, я только слышал, как собаки воют...

— Бизон завыл так! — Володя сложил ладони рупором, поднес их ко рту, и сад огласился протяжными звуками:

— Уу-эу! Уу-эу! Му-у-у! Так завыл страшный бизон и бросился на меня. Он хотел пригвоздить меня рогами к земле, но мой томагавк нанес зверю смертельный удар! Томагавк индейца не знает промаха!

— Я тоже хочу быть индейцем! — Митя посмотрел на брата умоляющими глазами.

— Индейцем может стать только тот, кто

умеет делать лук и стрелы, — сказал Володя.

— А я еще не умею делать лук и стрелы, — растерянно проговорил Митя.

— Не беда, я научу тебя. А теперь слушай, что было дальше. Я убил бизона, и тут на меня напали белые люди. Их было много. Они хотели взять меня в плен и продать в рабство!

— Ужас! — воскликнула Оля.

— Мой бумеранг разил их направо и налево, стрелы били без промаха!

— Так им и надо! — закричал Митя.

— Враги увидели, что в честном бою им никогда не победить могучего Ягуара, и они накинули на меня аркан!

— Презренные гиены! — гневно прошептала Оля.

— Белые люди сказали мне: «Вождь краснокожих, мы даруем тебе жизнь, если ты согласен стать нашим рабом...»

— А ты, а ты что им сказал? — Митя так разволновался, что не заметил, как уселся на косматую корягу.

— Я ответил: ничтожные койоты! Лучше смерть, чем рабство! Лучше не жить, чем жить в неволе! Убивайте меня!

— А они, а они что?

— Они стали совещаться, что со мной делать. И начали спорить. Одни хотели сжечь меня на костре, другие хотели расстрелять ядовитыми стрелами. Они спорили, спорили, а я в это время незаметно разрезал кинжалом аркан и убежал!

— Молодец, Володя! — крикнула Оля.

— Не Володя, а непобедимый воин, вождь краснокожих — Ягуар! — поправил Митя.

— А зачем ты сел на бизона?! — воскликнула Оля и, повернувшись к Володе, сказала: — Бизон поджарился. Завтрак готов.

— Знаешь что, — сказал Володя, — я без хлеба не привык есть бизонов... Я их без хлеба не люблю...

— В нашем вигваме нет хлеба, — огорчилась Оля.

— Я знаю, где бледнолицые прячут свой хлеб, — радостно сказал Митя и показал пальцем в сторону дома. — Прикажи, великий Ягуар, и я принесу тебе целый каравай хлеба...

— Хорошо. Пробрерись в стан врага и принеси три толстых ломтя хлеба.

— И горсточку соли, — добавила Оля. — Я люблю соленых бизонов...

— Будь осторожен, — сказал Володя. — Будь хитер, как лиса, и храбр, как орел.

Если бледнолицые схватят тебя, ты станешь их рабом!

Митя поднял высоко голову, сверкнул гневно глазами и твердо сказал:

— Лучше смерть, чем рабство! Лучше не жить, чем жить в неволе!

Он распластался на земле и бесшумно пополз в сторону дома.

Вы догадались, о ком шла речь в этом рассказе!

Правильно! О Владимире Ильиче Ленине.

Володя — это Володя Ульянов. Оля — это его сестра, Ольга Ильинична, а Митя — его младший брат, Дмитрий Ильич.

Детство Владимира Ильича прошло в приволжском городе Симбирске, который теперь называется Ульяновском. Семья Ульяновых была большой и очень дружной. Старшие братья и сестры заботились о младших, помогали им во всем, принимали их в свои игры. Дом, где они жили, был окружен большим тенистым садом, и ребята любили играть в этом саду.

Главным выдумщиком был Володя. То он затевал игру в индейцев, то вырезал из коры лодочки для Мити, то устраивал в саду трапецию и учил упражняться на ней остальных, то рассказывал всех для тихой «умственной» игры в шарады, «в города» или в скороговорки.

Но больше всего Володя Ульянов любил читать. Грамоте он научился, когда ему не было еще пяти лет. В детстве его любимыми книгами были сказки Пушкина, стихотворения Лермонтова и Некрасова, басни Крылова, повести и рассказы Гоголя и Тургенева. С увлечением читал он и «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу и «Всадника без головы» Майн-Рида. А когда подрос, стал каждую осень составлять себе список книг, которые считал нужным прочесть, чтобы быть вполне образованным человеком, и брал в библиотеке книги по этому списку.

Но даже игра в индейцев или «Всадник без головы» не могли заставить маленького Володю забыть об уроках. В семье Ульяновых был строгий порядок: вече-

ром все дети усаживались за большой стол в столовой, раскладывали на нем учебники и тетради, и каждый занимался своим делом.

Володя был очень способным. Готовил уроки он быстрее всех, но всегда основательно. В его школьном дневнике против любого предмета обычно стояла одна и та же отметка — пятерка, и гимназию он окончил с золотой медалью.

Прочитайте книги о детстве Володи Ульянова:

А. И. Ульянова. — Детские и школьные годы Ильича. Детгиз, 1960 г.

И. Веретенников. — Володя Ульянов. Детгиз, 1960 г.

А. Кононов. — Рассказы о Ленине. Детгиз, 1960 г.

А. Гринберг. — В семье Ульяновых. Детгиз, 1957 г.

А. ДОРОХОВ

ОБРАЩЕНИЕ

делегатов Всесоюзного слета пионеров, посвященного 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина, ко всем пионерам Советского Союза

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Трубите, горнисты! Бейте, барабанщики! Слушайте нас, пионеры Советского Союза!

Мы, посланцы пионерских дружин страны, собрались в солнечном Артеке на Всесоюзный слет и от имени восемнадцати с половиной миллионов юных ленинцев первые слова безграничной любви и благодарности обращаем к родной Коммунистической партии.

Спасибо, родная партия, за счастье жить и учиться, трудиться и мечтать в нашей прекрасной стране!

Спасибо за новые школы и Дворцы, за парки и стадионы, за наши веселые пионерские костры!

Спасибо за наш пионерский слет и чудесный лагерь Артек!

Мы сердечно благодарим нашего старшего вожатого — Ленинский комсомол — за то, что он ведет нас трудными и смелыми путями в большую жизнь.

Высшая награда Родины — орден Ленина — зовет нас на новые полезные дела во имя коммунизма.

И пусть каждый, кто носит красный галстук, сделает все, чтобы оправдать доверие Коммунистической партии и народа.

Мы, делегаты слета, вели большой разговор о трудовых делах двухлетки «Пионеры — Родине», о дружбе наших отрядов с бригадами коммунистического труда, о зонах пионерского действия и пионерских штабах, об отрядах и дружинах — «спутниках семилетки».

Все, что мы узнали, все, чему научились, мы понесем в свои дружины.

Дружина сильна делами отрядов. Очень важно, чтобы жизнь каждого отряда была по-настоящему боевой и увлекательной.

Мы посоветовались и решили начать Всесоюзное соревнование за лучший пионерский отряд.

Девиз соревнования:

«Имя Ленина в сердце каждом!

Верность партии делом докажем!»

Главное для отряда — учиться на совесть.

Отряд заботится о каждом, каждый дорожит честью отряда.

Сила отряда в дружбе.

Всем ребятам дело по душе: в школе, в зоне пионерского действия, дома.

У отряда нет каникул. Отряд действует всегда — в будни и в праздники.

Каждый отряд — друг октябрат.

Выбирайте своими вожаками боевых, умелых ребят, таких, как Тимур.

Не ждите подсказок, во всем проявляйте инициативу и смекалку.

Отряды — «спутники семилетки», будьте запевалами соревнования.

Не останавливайтесь на месте, идите вперед, помогайте другим!

Пионерия страны, слушай команду слета! Все отряды — на старт соревнования!

Старт — 2 октября 1962 года.

Юные пионеры!

Нам строить коммунизм! Нам жить при коммунизме! Родина хочет видеть нас трудолюбивыми, как герои семилетки, смелыми и отважными, как защитники Родины, беззаветно преданными делу нашей партии, как коммунисты и комсомольцы.

Партия дала нам наказ — расти коммунистами-ленинцами.

Мы, делегаты слета, вместе со всеми пионерами клянемся:

УЧИТЬСЯ ПО-ЛЕНИНСКИ!

ТРУДИТЬСЯ ПО-ЛЕНИНСКИ!

ЛЮБИТЬ НАШУ РОДИНУ ТАК, КАК ЛЮБИЛ ЕЕ ДОРОГОЙ ИЛЬЧИ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВСЕГДА ГОТОВЫ!

Я ХОТЕЛ БЫ, ЧТО БЫ ЖИЗНЬ ВСЕГДА БЫЛА ТАКАЯ, КАК В АРТЕКЕ

Можно сказать, что в дни Всесоюзного слета каждый делегат получил высшее пионерское образование. Вот придут ребята домой, принесут в свои отряды и дружины все самое лучшее, самое интересное — станет в отрядах и дружинах жизнь веселее, ярче, радостнее.

МНЕ АРТЕК ПОМОГ

Знаете, ребята, как мне Артек помог? Теперь я и сбор подготовить могу, и линейку проводить умею, и танцы с ребятами разучиваю. Я буду пионервожатой. Артек — хорошая для меня школа, для всех.

Не зря ребята называют его пионерским университетом.

Зоя Усовская,

г. Брест.

ВЕЗДЕ С НАМИ РЕЧЕВКА

Много традиций в Артеке, и одна из них — речевка. Есть она и у отряда космонавтов и у нас, журналистов. Особенно нам нравится наша общелагерная речевка. Она с нами на экскурсиях и в походах. Речевка у нас, как песня.

Другая традиция — восхождение на Аю-Даг. Каждый отряд оставляет записки в заветном дубе. Много лет он служит почтальоном у артековцев.

Елена Власова,

г. Владивосток.

МЫ В ЛАГЕРЕ ХОЗЯЕВА

Лагерь у нас совсем новый. Ничего нет, кроме жилых помещений да столовой. Мы целинники. Сами должны благоустроить наш «Прибрежный».

Хороший у нас девиз: «Лагерь — наш дом, и мы в нем хозяева». Обязательно расскажем дома ребятам, как дружно здесь все делают пионеры. «Дело зовет: добровольцы, вперед!» — настоящий пионерский девиз. Вот если бы каждый артековец привез его в свой город!

Сергея Мельников,

г. Запорожье.

Витя Дюжев,

г. Красноводск.

ПУСТЬ КРЕПНЕТ ДРУЖБА

Нам очень понравился Артек. Пионерские песни, и танцы, и правила Артека. Когда мы приедем домой, мы будем рассказывать своим родителям и товарищам о советских пионерах, которые стали самыми лучшими нашими друзьями. Нам нравятся окружающие нас девочки. Мы разговариваем с ними на английском языке.

Пусть крепнет дружба между датскими и советскими пионерами! Да здравствует мир во всем мире!

Эста Саонсен

и Кистен Моуэнсен.

Интервью у пионеров

Дании взяла юнкор

Валя Чапаева.

ЧЕЙ ЭТО СЛЕТ!

СЛЕТ ИДУЩИХ ВПЕРЕД!

9 ТЫСЯЧ РЕБЯТ —

НА СЛЕТ ОДИН ДЕЛЕГАТ.

КОЛЯ МУЙТУЕВ из Усть-Канска спас отару овец.

НАДЯ ПИНЕГИНА из Новосибирской области — организатор школьной птицефермы. На ферме ребята вырастили за двухлетку 53 тысячи цыплят.

МИША ХУДЯКОВ из г. Долматово возглавил дружину без вожатого, и дружина добилась звания «спутника семилетки».

ВОТ КАКИЕ ПИОНЕРЫ БЫЛИ ДЕЛЕГАТАМИ СЛЕТА!

ВСЕ ПИОНЕРЫ, ВСЕ РЕБЯТА, РАВНЕНИЕ — НА ДЕЛЕГАТОВ!

Датчан принимают в пионеры. Фото Игоря Ташаева, г. Моздок.

Войти в зал было не просто. В дверях на посту стояли мальчишки и девчонки в красных галстуках. И если ты знал пароль — пожалуйста!

Делегаты слета протягивали тем, кто стоял на посту, коротенькие записочки. В них — рассказ о самом главном, о самом важном: о новом опыте, об интересном деле, о веселой выдумке в дружине, отряде, звене.

Через пионерские посты прошло восемьсот командиров — председателей советов дружин и отрядов, восемьсот, знавших пароль.

ПАРОЛЬ: ИНТЕРЕСНОЕ ДЕЛО

Самое интересное у нас — помощь колхозу. Мы вырастили и размножили новый сорт кукурузы.

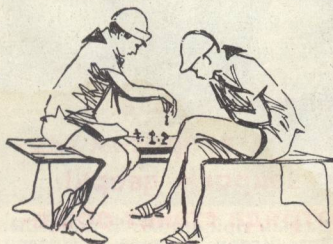
*В. Филонова,
Оренбургская область.*

А мы поставили три оперы: «Гуси-лебеди», «Три снежных бабы», «Муха-цокотуха». Нет в городе фабрики или завода, где бы мы не побывали со спектаклем.

*Володя Ромовский,
г. Грозный.*

Самым интересным делом моей дружины я считаю постройку географической площадки. Своими руками мы сделали горы, долины, плоскогорья, реки, море и даже «действующий» вулкан. Есть у нас и метеорологические приборы. Мы хотим построить еще зеленый класс для уроков географии.

*Наташа Шапорнева,
г. Сочи.*

О ЧЕМ СПОРИЛИ КОМАНДИРЫ!

Ленинградка Ира Глухова рассказывала:

— Наша дружина добилась звания «спутника семилетки».

А ребята из зала — ей:

— А что дальше делать? За что бороться?

— Добиваться, чтоб не сняли это звание, — ответила Ира.

А из зала кричат:

— Неправильно! Неправильно!

Встала землячка Иры Глуховой Люда Михайлова и говорит:

— Мы решили так: получила дружина звание «спутника», пусть возьмет шефство над другой дружиной, чтоб и та дружина «спутником» стала. Мы вот взяли шефство над сельской школой Рошинского района, Ленинградской области.

— А мы боремся теперь за звание юного строителя коммунизма, — говорит Таня Крохоткова из г. Мурманска. — Мы хотим, чтобы каждый пионер дружины стал активистом, чтобы каждый был лучшим. И совсем не было плохих.

А Светлана Билетова из Воронежской области сказала:

— В нашей дружине пионерские отряды, комсомольские классы и даже целые этажи борются за звание отрядов, классов, этажей коммунистического завтра.

— А чем же ваши отряды коммунистического завтра от отрядов «спутников семилетки» отличаться будут? При чем же тут этажи, ведь есть дружина?

«Может, и правда не нужно нового громкого названия? — задумалась Светлана. — Да разве в названии дело?»

— Мы решили, — говорит она ребятам, — что будем теперь учиться не только без двоек, но станем добиваться, чтобы каждый учился по способностям. И еще мы хотим так подружиться, чтобы к каждому сердцу дойти.

Думает Светлана, думают Таня из Мурманска, ленинградки Ира и Люда, думают все делегаты в зале. Хорошая эта дума — о завтрашнем дне, о том, что нельзя останавливаться и стоять на месте, о том, что не в словах и не в названиях дело, а в том, чтобы жить и учиться по способностям, на совесть. С этой думой приедут делегаты в дружины и отряды, чтобы взять верный старт в будущее.

— У нас звенья в отряде разделились по интересам, по желанию, а сели по рядам, — говорит Володя Ромовский из г. Грозного.

— А у нас вообще нет звеньев, а есть кружки. Руководят ими сами ребята, которые это дело знают лучше других. — Это Миша Худяков сказал из г. Долматова, Курганской области. — Работаем мы без вожатых, сами. Конечно, мы не можем все знать, нам подсказывают родители.

А в дружине Юры Заворина из г. Новосибирска не отряды, а боевые экипажи. Боевой экипаж атомохода «Ленин», боевой экипаж крейсера «Варяг», военного корабля «Стерегущий»... Шли корабли в поход по рекам и морям — вперед по заданному курсу к дню сорокалетия пионерской организации, — и получила флотилия школы-интерната № 44 боевое звание дружины «спутника семилетки».

Наверное, можно и так, чтоб звенья — по интересам, и так, чтобы вместо звеньев — кружки, и чтоб отряды — не отряды, а боевые

экипажи. Главное, чтобы дело было настоящее и всем по душе. Всем! Это значит — ни один не скучает, ни один не зевает, ни один не ушел в сторону. Всем интересно, всем весело, и все всегда вместе!

- А если кто-то не хочет вместе?
- А если кто-то хулиганит и не учит уроки?
- А если мальчишкам скучно?

— У нас раньше мальчишки и девчонки не дружили. Мальчишки отказывались от работы. А потом на вечере один мальчик прочел очень хорошее стихотворение о дружбе, о том, как стыдно плохо относиться к девчонкам, — рассказывает Надя Астахова из Гомеля. — И как-то все незаметно изменилось. У нас теперь в совете дружины больше мальчиков. С мальчишками интереснее работать.

— А нам помог сблизить девочек и мальчиков пионерский рейд. Пионерский рейд идет по школе и проверяет, выполнены ли задуманные дела. И вот при проверке стало ясно, что девчонки работают лучше. Мальчишек это задело, и они подтянулись. — Это вступила в разговор Таня Бурлакова из г. Вязьмы.

— У нас, случалось, мальчишки ничего не хотели делать, хулиганили, — говорит Светлана Билетова. — Как поступить? По-моему, больше всего действует, когда девчонки от мальчишки отвернутся.

— А если он на девочек внимания не обращает? По-моему, самое действенное — печать! — кричат в ответ из зала.

— А мы списывали своих с корабля на берег. Кого в ссылку на остров Курильщиков, кого — на остров Двоячников, кого — на остров Бездельников. — Это опять Юра Заворин из г. Новосибирска.

Володя Ромовский с ним не согласен: списать проще всего.

— Мы старались такое дело придумать, чтоб всем интересно было. И придумали — наши оперы. В них все участвовали с удовольствием. Мальчишки у нас вообще большое значение имеют.

— Главное — найти дело всем по душе, — считает и Лена Карачик из г. Донецка. — Что мальчишкам больше всего нравится? Футбол. А наш «Шахтер» в прошлом году выиграл кубок. Вот мы и пошли к футболистам, и они нам помогли. Организовали дворовые команды, тренировки проводили, соревнования. А потом ребята шли в пионерские комнаты во дворах.

Наверное, не существует рецепта, чтобы один для всех: и в Грозном, и в Гомеле, и на станции Латная. Но к каждому городу и селу нужно прислушаться и услышать лучшее.

...Кончился Всесоюзный пионерский слет. Погас прощальный костер. В твою дружину вернулся делегат слета. Он привез с собой уголек прощального костра. В нем не погас еще пионерский огонек дел, раздумий и споров твоих товарищей. Не забудь спросить об этом угольке. Бережно храни его огонь. Пусть разгорится из него в твоей дружине, в твоём отряде пламя новых замыслов, новых веселых и задорных, полезных Родине дел!

У нас самым интересным был праздник «Русской березки». Его провели в березовой роще. Самый удачный и веселый рапорт получал приз. А потом был концерт — отрывки из сказок.

Люда Шерстнева,
Башкирия.

В нашей школе есть швейная мастерская. Она работает всего год, но уже принимает настоящие заказы от населения. На вырученные деньги мы купили две электрические машины.

Люда Зайцева,
г. Октябрьск.

Мы выпускаем дружинную газету «Зоренька». В ней сценки, частушки, сатирические рисунки. Она наш верный друг и помощник.

Мне кажется, что у нас можно сделать все, о чем рассказано в книге о Тимуре.

Люся Волкова,
Новосибирская обл.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Пусть лучшее из того, что родилось на II Всесоюзном слете, станет традицией каждого отряда, каждой дружины!

Собираются на совет командиры — пароль: интересное дело!

Командир! Собираешь актив, пропуск в зал — хороший опыт, веселая выдумка!

Делаем скучным, ненужным, вопросам глупым, болтовне и молчанию закроем дверь!

Пусть каждый пионер отряда станет ответственным!

Я ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБЫ ЖИЗНЬ ВСЕГДА БЫЛА ТАКАЯ, КАК В АРТЕКЕ

ОТРЯД, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК

Веселые здесь все. Песни поют, танцуют. А приветствие! Идет отряд по дороге, на встречу ему другой отряд. У нас в Полтаве ребята из строя кричат: «Здорово, Петька!», «Привет, Вовка!». А здесь весь отряд, как один человек, громко, четко: «Всем, всем, добрый день!»

Володя Ковшарь,
г. Полтава.

ВСЕ ДЕЛАТЬ С ПЕСНЕЙ

Очень хорошая традиция — праздник развертывания спортивных знамен.

В Артеке есть три знамени: знамя спорта — белое, знамя труда — синее, знамя дружбы — красное! И еще к ним прибавилось четвертое, розовое знамя — знамя искусства.

Замечательная традиция в Артеке — все делать с песней: куда бы мы ни пошли, чтобы ни делали, нас всюду сопровождает песня.

Когда я приеду в свой родной город, я обязательно принесу эти традиции в дружину.

Анатолий Александров,
г. Куйбышев.

НА НАШЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ...

На нашей музыкальной секции известный руководитель детского ансамбля Семен Осипович Дунаевский рассказывал, что в Москве, на съезде композиторов, иностранцы были удивлены, почему этот съезд собрался в Большом Кремлевском дворце и на нем присутствует правительство.

А Никита Сергеевич им ответил:

«Для вас это удивительно, а для нас нет. Без музыки коммунизма не построишь».

Мы на секции говорили, как лучше организовать «музыкальную весну» в своей дружине. Ее обычно устраивают в апреле, в мае, когда деревья начинают цвести.

Аза Каирова,
Северо-Осетинская АССР.

ШТАБ НУЖЕН И НАМ

В Артеке я был на секции штаба, и я хочу теперь, чтобы у нас в городе тоже был пионерский штаб. Зоны пионерского действия у нас есть, а штабов в Чехословакии мало.

Милан Ржезанка,
г. Тринец, Чехословакия.

ЗОНЫ ПОМОГАЮТ ДРУГ ДРУГУ

Я работал в секции организаторов зон пионерского действия. Я думал, что в нашей зоне пионерского действия есть все. Но когда окончился первый день работы секции, то я узнал очень много того, чего у нас не было. Я обязательно это передам своей школе.

Валера Буланьков,
г. Черняховск.

НЕ ОТСТРАНЯЙ ТОВАРИЩА

На нашей секции собрались ребята — затейники и массовики. Много интересного рассказал руководитель. Если, например, помещение маленькое, нужно играть в малоподвижные игры, а если большая площадка — можно играть и в подвижные. Еще массовикам-затейникам нужно быть вежливыми и никогда не отстранять товарища от игры. Если он лишний или опоздал, сделать его своим помощником. Мне это очень понравилось.

Гаяля Танташева,
г. Гиждуван.

Я ОРГАНИЗУЮ В ШКОЛЕ ДВА КРУЖКА

Во время работы слета я была в секции космонавтов. Очень многому научилась. Умею находить созвездия, могу вести наблюдения за метеорами. В отряде юных друзей искусства я узнала многое об искусстве.

Я увезу домой гербарий и другие коллекции. В школе смогу организовать астрономический кружок и кружок любителей искусства. Я постараюсь разучить артековские песни и танцы, и вместе с ребятами мы организуем клуб интернациональной дружбы.

Ирина Китина,
г. Алга, Казахская ССР.

Как хорошо, когда черные и белые вместе и смеются!

Вахтанг Киннадзе, Грузия.
Фото *Андрея Волосова,* Ленинград.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: делегаты слета *Нина Бриль* (г. Томск), *Андрей Волосов* (г. Ленинград), *Игорь Ташаев* (г. Моздок), *Лена Власова* (г. Владивосток), *Гаяля Танташева* (г. Гиждуван, Бурхарская обл.), *Люда Савченко* (село Ивановка, Амурская область).

Авиамodelисты занимались на Гурзуфской вертолетной площадке.

ЗАКОНЫ СЕКЦИЙ

«Для пионеров всех дружин
На секциях закон один:
Спорь, слушай, спрашивай,
смотри,
О главном деле говори».

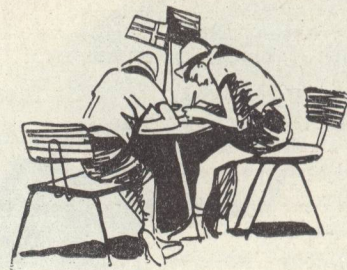
«Не прячь секретов от ребят,
Хороший опыт в деле — клад».

«Спорить доказательно
Для всех обязательно,
Думать коллективно,
Работать оперативно».

Ночью и днем вели свои наблюдения с Пушкинской скалы юные космонавты.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В СОЮЗЕ РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ

В дни слета юнкоры «Морского» лагеря устроили пресс-конференцию для своих артековских друзей — пионеров из Чехословакии и Бельгии.

Открыл пресс-конференцию командир отряда юнкоров Вася Гераськин.

— Людям земли нужен мир, — сказал он. — И нам хорошо было бы знать больше друг о друге. Вот мы и собрались, чтобы поговорить о том, как учатся ребята в разных странах.

Юнкор:

— В каком возрасте ребята у вас начинают учиться?

Бельгийский пионер:

— С шести лет. Это у нас начальная школа.

Чехословацкий пионер:

— И у нас учатся с шести лет. Ребята поступают сначала в девятилетнюю школу. Но есть еще и двенадцатилетняя, полная. Те, кто окончит ее, могут поступать в университет. А после девятилетки — только в техническое училище.

Юнкор:

— А как у вас оцениваются знания? У нас самая высокая оценка пятерка. Низшая — единица.

Чехословацкий пионер:

— А у нас лучшая оценка — единица. Двойка — похвальная отметка. Тройка — хорошая. Четверка — удовлетворительная. Пятерка — неудовлетворительная.

Мы все стараемся учиться на единицы. [Смех.]

Бельгийский пионер:

— А у нас высшая оценка десять, а самая плохая — ноль. В течение года ученик должен получить сто баллов. Правда, никто их не получает. Переходной балл — шестьдесят.

Юнкор:

— А что вы делаете во время перемен?

Бельгийский пионер:

— Разговариваем, а те, кто получил ноли, плачут.

Чехословацкий пионер:

— У нас есть разные перемены: по пять, десять и двадцать пять минут. Во время пятиминутной — мы готовимся к следующему уроку, достаем тетрадки, книжки. На десятиминутной перемене — делаем зарядку (два раза в день). А за двадцать пять минут мы успеваем позавтракать и отдохнуть.

Юнкор:

— Обязательно ли образование в вашей стране?

Бельгийский пионер:

— Да, до шестнадцати лет. За это время успеваешь кончить начальную школу и половину лицея. А дальше каждый делает, что хочет.

Чехословацкий пионер:

— А у нас сейчас обязательно девятилетнее обучение. Скоро будет обязательно и двенадцатилетнее.

Юнкор:

— У нас в Советском Союзе учатся бесплатно. А в институтах студенты получают стипендию. Как у вас?

Бельгийский пионер:

— В начальной школе не нужно платить. В лицее платят примерно пятьдесят рублей в год в переводе на ваши новые деньги. И, кроме того, приходится покупать тетради, книги, которые довольно дорого стоят. Тетрадь, например, стоит столько, что на эти деньги можно купить четыре килограмма картошки или небольшую плитку шоколада. Или сходить один раз в кино.

В университете за год обучения нужно платить двести рублей. У детей рабочих такой возможности нет.

Чехословацкий пионер:

— У нас не платят за обучение. Наша республика — первая в мире, где ребятам в школах все выдается бесплатно — тетради, книги, карандаши. [Все делегации аплодируют.]

Каждый студент получает стипендию, приблизительно триста двадцать крон. А лучшие — прибавку к стипендии.

Юнкор:

— Связана ли ваша школа с религией?

Бельгийский пионер:

— В каждой школе, даже не католического направления, есть такие, специальные предметы. А еще есть специальные католические школы.

Чехословацкий пионер:

— До войны в нашей стране было много школ, где религия была одним из предметов. Перед самой войной школу отделили от церкви. И было бы смешно, если бы сейчас, когда мы строим коммунизм, школьники изучали религию.

Вожатая чехословацких пионеров:

— Мы добиваемся успехов и без бога. [Смех. Все дружно аплодируют.]

Юнкор:

— Когда у нас кончаются уроки, мы можем пойти во Дворец пионеров, на Станцию юных техников, юннатов, в спортивные школы. Все это бесплатно. Почти в каждой школе и даже во многих дворах есть детский театральный коллектив. Летом мы уезжаем в пионерские лагеря. У нас есть детские кинотеатры, и во взрослых кинотеатрах есть сеансы, на которых показывают детские фильмы.

В Москве есть детские театры, и все взрослые театры ставят спектакли для детей. В каждом более или менее большом городе есть детские театры.

В новом Дворце пионеров организован первый детский симфонический оркестр. Его шефы — музыканты Большого театра и Государственный оркестр радио и телевидения. А как вы отдыхаете?

Чехословацкий пионер:

— У нас в Чехословакии то же самое, что и у нас в Советском Союзе. Нам бы хотелось еще сказать,

что этим летом в г. Опаве две тысячи пионеров встретились с президентом А. Новотным. Партия и правительство всегда в курсе наших дел.

Вожатая чехословацких пионеров:

— Президент Новотный на XXII съезде КПСС сказал, что партия и правительство Чехословакии делают все, чтобы нынешнее поколение жило при коммунизме. [Аплодисменты.]

Бельгийский пионер:

— Те родители, которые имеют много денег, могут поехать отдыхать вместе со своими детьми. Дети рабочих и служащих подчас остаются в городах.

В Бельгии три пионерских лагеря. В каждом отдыхает по сто пионеров. Бельгийские пионеры с большим удовольствием принимают приглашения друзей из демократических стран.

Юнкор:

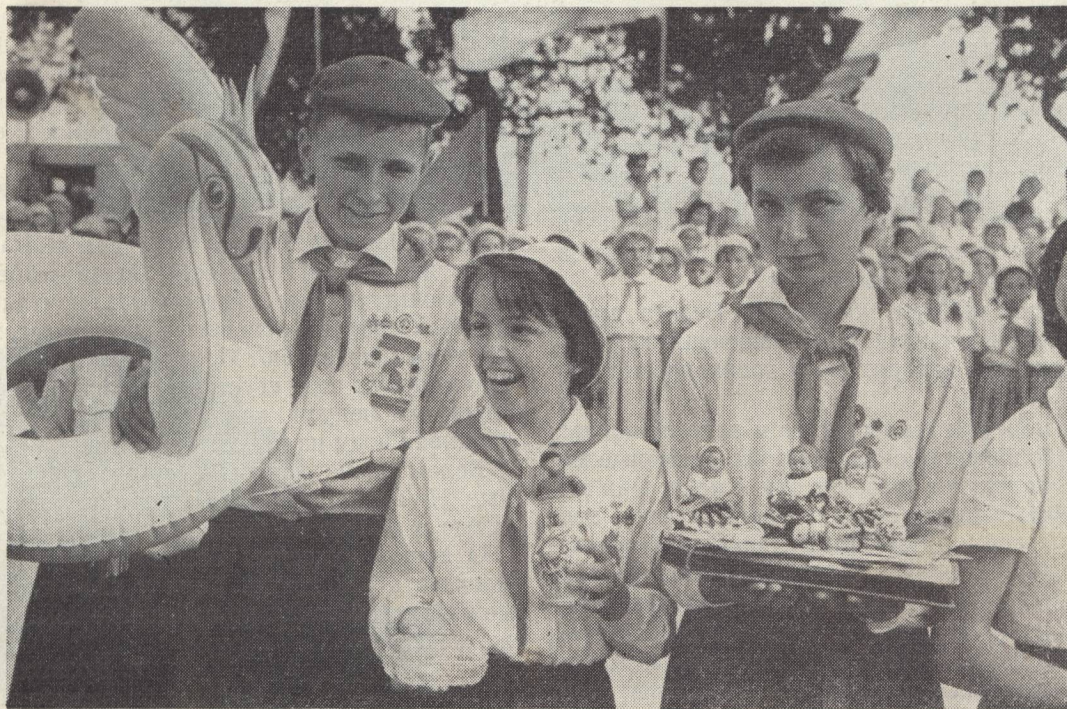
— Московский Дворец пионеров в один день может принять шесть тысяч ребят. Это в два раза больше, чем во всех лагерях Артека. А когда Дворец достроят, он сможет принять в день пятнадцать тысяч пионеров.

Дворец пионеров в Москве — подарок Коммунистической партии и комсомола к 40-летию юбилею пионерии.

Вася Гераськин:

— Благодарим всех бельгийских и чешских пионеров, выступивших на пресс-конференции. Надеемся, что мы еще не раз встретимся с вами.

Всем, всем большое спасибо!

Делегация чехословацких пионеров с подарками, которые они привезли артековцам.

Беломорье

Когда путешествуешь по скалистым берегам Белого моря, то часто встречаешь не только ученых — геологов, ботаников, зоологов, — но и отряды юных путешественников. Любознательные ребята с рюкзаками за плечами приезжают сюда со всех концов нашей страны.

Что же влечет их в этот северный край? Причина одна: Беломорье — интереснейшее место Советского Союза с очень своеобразной природой. По берегам моря вы встретите горы и непроходимые болота, таежные леса и тундру, бурные реки и кристально чистые озера.

На живописных островах Кандалакшского залива создан заповедник по охране гаги, дающей ценнейший пух, легкий и теплый. В сборе гагачьего пуха принимают участие и ленинградские пионеры, у которых установилась крепкая дружба с работниками заповедника.

В одно из своих путешествий я вместе с ребятами собирал гагачий пух. Подойдя на лодках к небольшому острову, мы, словно десантный отряд, растянулись цепью и стали «прочесывать» остров, внимательно осматривая каждое деревце.

Гага устраивает свои гнезда под еловыми лапами, среди густых мхов, черники и брусники. К тому времени гаги уже вывели птенцов и ушли с ними к морю, а в гнездах остался драгоценный пух, который мы и собирали. На фабриках из него делают прекрасные костюмы и спальные мешки для полярников, летчиков, путешественников.

Велики рыбные богатства Белого моря. Огромными стадами, насчитывающими сотни тысяч голов, заходят сюда гренландские тюлени.

На морском горизонте то и дело появляются рыболовческие суда. Поморы — смелые моряки, полкизины проводят они в море. Они вылавливают много сельди, семги, кумжи, трески, наваги и другой рыбы. Но одна беломорская рыба особенно интересна. Это пинагор. Иногда его называют еще морским воробьем. Тело пинагора, длиною примерно до полуметра, покрыто костными бугорками, а брюшные плавники образуют своеобразный диск.

С помощью этого диска рыба присасывается к подводным камням и поджидает добычу. Проплывающие мимо черви, рыбешки, мелкие медузы мгновенно исчезают в широкой пасти пинагора.

Только что вылупившиеся из икры мальки пинагора тоже присасываются, но только не к подводным камням, а к телу своего родителя, который зорко охраняет икру. Отец и дети некоторое время живут вместе, а затем расходятся.

Советские люди заботятся об увеличении рыбных богатств, создают рыбозаводы. Один из них построен в Кандалакше на реке Ниве. На снимке показаны две рыбешки — это двухлетняя семга, выращенная из икры на рыбозаводе. Пока они небольшие, примерно с нашего речного пескаря. Выпущенные на волю, в море, мальки быстро растут.

Во время отливов морское дно обнажается, и вы можете ходить по нему среди морских звезд и ежей, собирать изящные раковины, причудливые водоросли, из которых некоторые, например, морская капуста, достигают десятков метров в длину. Рыбаков, которые тянут сети, В. Минкевич сфотографировал во время отлива. Видите, под ногами рыбаков сплошная желто-зеленая масса. Это водоросли, образующие в прибрежных водах густые заросли. Среди них особенно много фукусов — бурых водорослей, содержащих йод, калийные соли и другие ценные вещества. Из водорослей на заводах добывают различные химические вещества и корм для скота.

Трудно представить себе Белое море без плавающих в нем студенистых зонтиков — медуз. Особенно красивы красноватые медузы. Они напоминают брошенный в зеленоватую морскую воду сгусток вишневого варенья. Двигаются медузы, как реактивное судно, выталкивая воду из полости зонтика.

Беломорские медузы — существа безобидные. Но в некоторых других морях живут ядовитые и далеко не безопасные медузы.

О нашем чудесном Беломорье можно рассказывать без конца. Если у вас будет возможность, обязательно побывайте там. Не пожалейте!

В. ДОБРОХВАЛОВ,
кандидат биологических наук

Б Е Л О М О Р Ь Е

Фото В. Минкевича.

Велики рыбные богатства Белого моря. С трудом выбирают рыбаки сети с богатым уловом. Среди самых разнообразных рыб нередко попадает вот эта рыба — пинагор. Иначе ее называют морским воробьем, хотя сходства между ними мало. Тем более, что пинагор бывает более полуметра длиной.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛИЯХ В 1812 ГОДУ.

А. Кившенко.

НАДЕЖДА ДУРОВА.

Е. Зернова

ЭПИЗОД ИЗ ВОЙНЫ
1812 ГОДА.

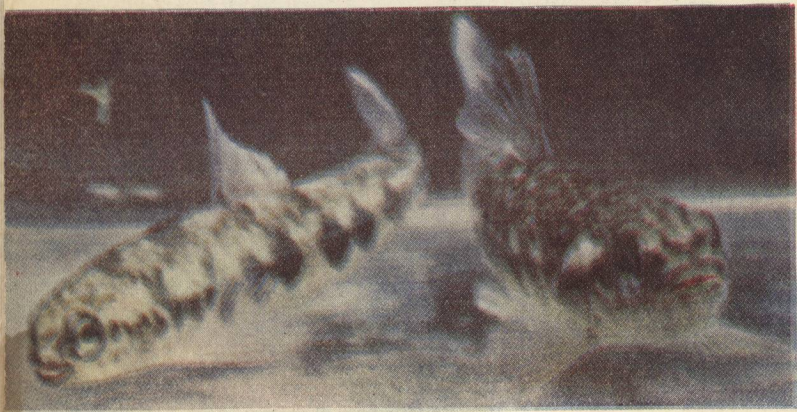
И. Прянишников

Начался отлив. Море отступило, обнажив дно, густо поросшее водорослями. Рыбаки ведут тягловый лов.

Фото В. Минкевича.

Мальки семги, выведенные из икринок на Кандалакшском рыбозаводе.

Медуза.

Я рядом, отец!

Александр ВОИНОВ

Рисунки Н. Борисовой.

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром Сережа не пошел в школу. Всякое бывало с ним, но так, чтобы собрать книги в сумку, попрощаться с матерью, выйти со двора и свернуть в другую сторону,— это было впервые.

Вчера отец вернулся домой поздно и долго хмуро что-то мастерил в своем углу; за весь вечер он не сказал ни слова. Сережа не заикнулся о том, что видел во дворе гаража. Раз отец молчит, значит, так надо.

Сидя за столом, Сережа пытался делать уроки. Но у него ничего не получалось. Он думал о том, что будет с отцом. Потом вспоминал о Лене. Она, конечно, рассказала Феде, как осадила Сережу... И смеялась над ним вместе с Федей...

Уроки так и остались несделанными. А завтра контрольная по математике и новые правила!.. Ложась спать, он твердо решил: в школу идти нельзя. Никак нельзя!

Сережа понуро брел по улице, направляясь к Никитским воротам. Никто из прохожих не догадывался, что мальчик в потертой курточке и форменной фуражке сегодня не пошел в школу.

Никитские ворота! Он остановился у памятника Тимирязеву. Плоская фигура высокого старика, потемневшая от времени, возвышалась над площадкой, где играли дети.

Дул свежий ветер. В школу, до которой пять минут ходьбы, он теперь, в конце апреля, ходил, надевая пальто,— сейчас ему стало зябко. Через несколько дней май. А там и лето. Что-то они станут с матерью делать?.. А может, поступить в ремесленное училище? Начать поскорее зарабатывать!

На Пушкинской площади он постоял перед киоском, в котором продавали мороженое, невольно полез в карман, но там было пусто.

Часы на здании «Известий» показывали уже половину десятого. Первый урок кончился, начался второй. Контрольная—на третьем. Он представил себе, как Федька поглядывает на пустое место рядом и даже не догадывается, почему оно пусто. Да потому, что с ним, с Федькой, не хотят иметь никакого дела!..

С Пушкинской площади Сережа свернул на Большую Бронную и оказался в лабиринте знакомых переулков.

Он шел, бездумно глядя перед собой. Портфель оттягивал руку, хотелось бросить его куда-нибудь. Внезапно Сережа остановился. Знакомый высокий кирпичный дом, знакомый, с тремя ступеньками подъезд. Здесь живет Лена! А что, если она сейчас во дворе? Вот он подойдет и скажет все, что думает и о ней и о Федьке!..

Потоптавшись немного, Сережа шагнул в темную подворотню. Из-за угла оглядел скамейки и особенно ту, где они вчера сидели с Леной.

Лена оказалась на том же месте, одетая в серенькое пальто. Она читала книгу, которая лежала у нее на коленях. И лицо ее выглядело еще более бледным и усталым, чем вчера, даже хмурым. Рядышком в песке копошился Вовка.

С бьющимся сердцем Сережа стал медленно приближаться. А вдруг она не захочет с ним разговаривать? Что тогда?.. Его тень легла на страницы книги, он заметил это и отпрянул назад. Лена подняла голову и, радостно встряхнув спутанными ветром волосами, улыбнулась.

— Здравствуй!..

Словно и не было никакой ссоры. Это сразу разоружило его. Он присел рядом на скамейку, положил у ног портфель и вздохнул.

— Почему ты не в школе? — спросила она.

— Я во вторую смену... А где твоя тетка?

— Болеет. Дома сидит.

— Хотел бы я на нее взглянуть,— хмуро сказал Сережа.

— Сейчас она спит.— Лена опасливо посмотрела куда-то на третий этаж, где в солнечных бликах весело сияли окна.— А ты чего такой... сердитый?

Сережа засопел. Ему очень хотелось рассказать Лене все, что у него случилось, но мешала мысль о ее тетке. Еще вчера он подумал, что Лену надо спасти. Как это сделать, он еще толком не знал, но уже одно то, что она несчастна (а он был в этом уверен), уменьшало остроту ощущения собственной беды.

— Лена,— вдруг сказал он,— брось свою тетку! Она тебя эксплуатирует...

— Как бросить? — удивилась Лена.— А Вовка?..

— Что Вовка?! — презрительно взглянул он на малыша, продолжавшего строить песочную башню.— Он кровопиец, твой Вовка!..

— А я его люблю!..

— Любишь!.. Его! — Сережка захохотал.— Ну, знаешь, Ленка, у тебя просто мозги того!.. Из-за него ты на второй год останешься.

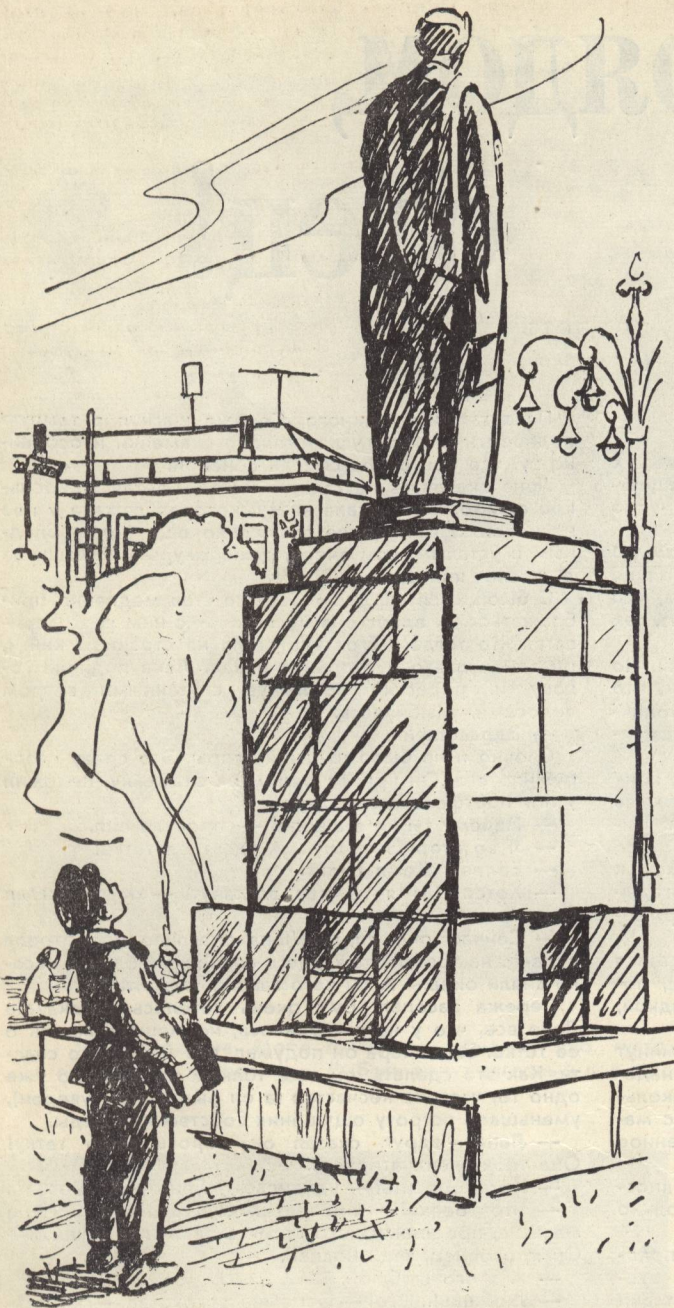
— Нет, не останусь! — сказала она сердито.— И чего тебе надо?

— Пойдем к нам жить,— сказал Сережа; секундой раньше он не знал, что предложит это, а сейчас сказал и сам обрадовался: вот было бы здорово!

— А зачем к вам, мне и у себя хорошо!..

— Да уж хорошо!.. Я вижу, как ты все время на третий этаж смотришь... Боишься, что тетка выгланет, меня увидит!..

— Не боюсь! — оскорбленно воскликнула Лена.— А ты зачем пришел? Дразнить меня?.. Тогда уходи! Сережа смотрел под ноги и не знал, что сказать.

Первый раз в жизни он ощутил перед девочкой робость. Темные глаза Лены были серьезны, и вообще она не казалась беззащитной и слабой.

— А знаешь, на кого ты похож,— вдруг сказала Лена.— На Буратино!.. Нос у тебя длинный и руки длинные.

Сереза не знал, обижаться ему или нет, а Лена без всякой связи с предыдущим стала говорить о Феде.

Слушая, Сереза все больше проникался к ней признательностью. Значит, и его дарит она своей дружбой. А ведь он только что чувствовал себя совсем одиноким. Он хотел сказать что-то хорошее, но на

третьем этаже с треском распахнулось окно, и оттуда высунулась женщина с растрепанными волосами.

— Ленка! Ребенок с голоду помрет!.. Иди домой. Вари кашу! Быстрее! Чего расселась?..

Лена испуганно захлопнула учебник, подхватила на руки Вовку и бросилась к лестнице. Она даже не попрощалась.

Сереза посмотрел в окно, где еще торчала голова тетки, которая с любопытством рассматривала его. И до того эта тетка показалась ему противной, что он скорчил гримасу и показал ей нос.

— Хулиган! — закричала она и захлопнула окно.

Серезе очень захотелось поскорее увидеться с Федей. Он быстро зашагал домой.

Вернулся он как раз вовремя. В дверях его встретил Корней Петрович. Он бережно держал бумагу, верхняя половина которой была исписана четким, каллиграфическим почерком.

— Пошли! — сказал он как-то воодушевленно, но строго, и Сереза понял, куда он его зовет.

Они пересекли двор и поднялись на второй этаж. Здесь жили четыре семьи: Ивановы, Скамейкины, Фомичевы, Мальковы. Сереза знал всех их — от бабушек и дедов до внучат.

На звонок дверь открыла полная женщина, одна из Мальковых, мать Алешки, который был еще слишком мал для того, чтобы с ним водился Сереза.

— Привет дому! — весело сказал Корней Петрович и шагнул в полутьму прихожей; за ним непривычно робко вошел и Сереза.

Ему было боязно и тревожно: сейчас будут говорить о его отце. Начнут решать, надо ли подписывать письмо. А вдруг не захотят? Вот ведь мать Алешки когда-то поругалась с его матерью. Из-за чего, Сереза не помнит. Пока Корней Петрович издали подходил к тому, что называл общественным долгом, Сереза внимательно следил за худощавым лицом Мальковой, на котором возникло какое-то новое выражение. Рукава ее пестрой кофточки были засучены, на руках стлы пена, красный передник в темных пятнах от воды, но ее маленькие глаза смотрели остро и, как показалось Серезе, недобро.

Корней Петрович четко и спокойно объяснял причины, по которым надо, как он выразился, «осветить личность» Ан-

дрея Федоровича Бунчукова. Его окружили представители всех четырех семей, населяющих эту большую квартиру. Все знали о беде, постигшей Бунчуковых, но так как Варвара Гавриловна уже основательно «поработала», то Корнею Петровичу пришлось положить немало труда, чтобы разъяснить истину.

В небольшой прихожей набилось человек десять. Здесь были старики Фомичевы. Глава семьи, Тимофей Игнатьевич, всю жизнь проработал на «Трехгорке» и только теперь, когда заболели ноги, вышел на пенсию. Этот высокий, сухощавый старик дружил с Андреем Федоровичем. Он первым поставил свою

фамилию под письмом и тем проложил дорогу. После него с облегчением подписались все остальные, даже мать Алешки.

Со всем делом было покончено в какие-нибудь десять минут, и когда Сережа вслед за Корнеем Петровичем вышел во двор, ему казалось, что дело сделано. Все подпишут без лишних слов! У кого могут быть сомнения?!

— Теперь заглянем к Кирпичниковым! — весело сказал Корней Петрович, входя в другой подъезд. — Как раз сам он болен!..

Семен Семенович Кирпичников, директор магазина, по воскресеньям выходил во двор. Когда-то в молодости он играл в футбол; теперь его ноги сами поддавали мяч, если он подкатывался близко, а однажды Семен Семенович так увлекся, что угодил мячом в окно. Да в чье! Самой Варвары! Вот смеху-то было!.. Семен Семенович извинился целую неделю. Вставил новое стекло. И все же до конца не был прощен.

— Входите! — услышал Сережа его сиплый голос, когда Корней Петрович постучал в дверь.

Семен Семенович лежал на диване, укрывшись одеялом. Полные щеки поросли черной щетиной.

— Сережку-то зачем привел? — сказал он оживленно. — Заразится еще... У меня какой-то грипп коварный... Ну, близко не подходите... Садитесь подалее... А вообще спасибо, что зашли. Лежать одному — скучища. Чайком бы угостил, да жена на рынок ушла.

Пока Корней Петрович рассказывал суть дела, Семен Семенович смотрел в потолок, взгляд его становился все более неподвижным и отчужденным. Сережа почувствовал, как начал нервничать Корней Петрович. Он говорил, а слова его словно падали в пустоту.

— Ты жив, Семен Семенович? — наконец спросил он раздраженно.

Семен Семенович закрыл глаза и молчал.

— Жив? — повторил Корней Петрович. — Будешь подписывать? Ведь ты двадцать лет Андрея Федоровича знаешь... Ну, чего молчишь?..

Семен Семенович приоткрыл глаза.

— Температура у меня высокая, — проговорил он с хрипотцой. — Оставь документ, разберусь...

Корней Петрович резко поднялся.

— Ничего я тебе не оставляю!.. Эх ты, человек!.. Пойдем, Сережа!..

И они вышли.

Корней Петрович снова молча пересек двор и вошел в другой подъезд.

— А почему он так? — спросил Сережа.

Но Корней Петрович не успел ответить, они уже стояли у двери квартиры Игошина. Гриша — так его звали во дворе — был милиционером и работал где-то в Сокольниках. Сегодня после ночной смены он отдышал дома.

На стук открыли не сразу, и Сережа повторил вопрос.

— Душа у Семена Семеновича жирная! — сказал Корней Петрович.

Душу Сережа представлял себе в виде сердечка, которое рисуют на открытках. Но как это сердечко может быть жирным?

— А он веселый! — сказал Сережа.

— Сейчас они веселятся... — Корней Петрович снова обрушил на дверь сильный удар. — Спит Гриша, что ли? А на войне таких не было... По тылам отсиживались, как в норах.

Наконец дверь открылась, и они вошли. Игошин обедал, китель висел позади него на стуле.

— Присаживайтесь, товарищи! — сказал Игошин,

Корней Петрович положил перед ним на стол письмо, а Сережа так и не двинулся дальше порога; стоял, прислонившись к косяку, готовый повернуться, как только милиционер откажет.

Продолжая жевать, Игошин нагнулся над бумагой и долго читал; лицо его приняло сосредоточенное выражение.

— Так! — сказал он наконец, прочитав. — А он осознал?

— Кто? — спросил Корней Петрович.

— Вот, твой папаша! — обратился Игошин к Сереже. — Что не следует нарушать, а тем более наезжать на граждан!..

— Осознал, — сказал Корней Петрович.

— Я не тебя спрашиваю, а его! — Игошин строго взглянул на старика. — Отвечай! — сказал он Сереже.

— Осознал! — прошептал Сережа.

— Так! — сказал Игошин. — В таком деле главное — понять. — Он отодвинул тарелку и приготовился к длинной речи.

Но Корней Петрович уже знал эту его привычку «читать мораль» и сказал:

— Слушай, Игошин, мы с тобой не на перекрестке!.. Будешь подписывать или нет? — В его голосе был такой напор, что Игошин полез в карман кителя за вечным пером.

— Ну и ну! — проговорил он. — Ты, Корней Петрович, на меня не наступай! Я закон охраняю!.. Где подписывать-то?

— Вот здесь! — ткнул пальцем старик.

Игошин поставил втиеватую, с вензелями подпись и долго смотрел на нее, словно сомневаясь в правильности своего поступка.

— Вот нарушаете, а потом защищай вас! — вздохнул он и обернулся к Сереже: — Ты скажи отцу, пусть зайдет, посоветуемся!..

— Ладно! — сказал Сережа, и края его губ дрогнули в улыбке.

— Хороший ты мужик, Игошин! — сказал Корней, забирая письмо. — Выгонят тебя теперь из милиции за потерю бдительности.

Игошин крикнул им вслед что-то веселое, но Корней Петрович и Сережа уже шагали вниз по лестнице.

— А вот и Варвара! — усмехнулся Корней Петрович, выходя во двор.

Варвара Гавриловна стояла у цветочной клумбы и, подперев кулаками свои необъятные бока, с вызовом смотрела на Корнея Петровича. Он протянул ей письмо.

— Подпиши, Варвара!

Она уже знала, с каким делом они ходят по квартирам.

— Да иди ты к лешему! — сказала она и направилась к скамейке.

Корней Петрович подождал, пока она усядется, и подошел поближе.

— Эх, Варвара! И чего ты воюешь?

— Силы есть — и воюю, — подалась она вперед. — Я пока что сама себе хозяйка!.. Не хочу и не пишу...

— Не хочешь, не надо! Только глупостей не болтай!..

Она насмешливо покачала головой.

— На мой роток не накинешь платок!.. Пусть он сам ко мне придет, да поклоняется, да попросит как следует, тогда я подпишу!..

— Не придет он к тебе, Варвара... Он гордый человек!..

— Гордый!.. Машинкой голову выстригут да за решетку посадят — вот тебе и гордость вся!

— Зря ты над чужой бедой измываешься! — ска-

зал Корней Петрович, поднялся на крыльцо и пошел к Бунчуковым.

Увидев, что он уходит, Варвара метнулась за ним.

— Куда ты? Корней!

Он даже не обернулся.

— Дай, что ль, подпишу!..— пропела она и вдруг закричала высоким фальцетом:— Чего над человеком издеваешься!.. А? Я на тебя управу-то найду!..

Корней Петрович остался неумолим. Тогда Варвара Гавриловна разошлась совсем. Теперь она во что бы то ни стало хотела поставить свою подпись. Все подписываются, а ей оставаться в стороне? Но она так ничего и не добила. Листок только мелькал перед ее глазами, переходя из рук в руки...

Через полчаса бумага была испещрена подписями. Только трое отказались подписаться, а все остальные — тридцать семь человек — удостоверяли, что Андрей Федорович Бунчуков, человек честный, пользующийся всеобщим уважением, должен получить снисхождение, если будет доказано, что он виноват.

Тридцать восьмого человека, депутата городского Совета, подпись которого была бы также очень важна, дома еще не было. Корней Петрович приказал Сереже дожидаться его, дать подписать, а потом вместе с письмом прийти в гараж. Сам же он пошел по делам с тем, чтобы оказаться в гараже к тому времени, когда туда явится Сережа...

Сережа рассматривал десятки подписей, которые вкривь и вкось усеяли страницу. Подумать только! Сколько людей уважают его отца и желают ему добра! Показать бы это письмо ребятам, Юрке... И хорошо бы еще показать его Лене и Феде...

Он забежал к Феде, но оказалось, что того еще нет дома.

— Я звонила в школу, — блеснув очками, сказала Федина мама, — мне сказали, что он ушел на задание. Ты не знаешь, какое это задание? — тревожно спросила она.

— Не знаю, — сказал Сережа. — Я ушел раньше... — И, чтобы не попасть впросак, поспешно попрощался.

Он спулся по лестнице, испытывая чувство досады. Вот надо же! Один раз не пошел в школу и пропустил что-то интересное. Везет же Федьке!.. Кругом везет...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Когда Федя одевался, его у вешалки окликнула старшая пионервожатая Клавдия Семеновна.

Клавдия Семеновна Феде не нравилась. Во-первых, она была старая, говорили, что ей уже двадцать пять лет, и с ней редко бывало весело. А во-вторых, Федя считал, что их пионервожатым непременно должен быть парень, который хорошо знает самбо, и умеет стрелять из мелкокалиберной винтовки, и водит пионеров в далекие походы.

Да, такой идеал пионервожатого создал себе тщедушный на вид Федя.

— Федя! — Клавдия Семеновна быстрым движением руки подозвала его к себе. — Разыщи Левушкина. Разыщешь — и оба ко мне!.. Получите важное задание!

Важное задание! Эти слова всегда кажутся многообещающими и исполненными таинственного смысла. Федя стремглав побежал разыскивать Юрку и нашел его в классе. Тот переписывал из дневника отличницы Гали Замотиной уроки на завтра.

— Юрка! Быстрее! Клавдия Семеновна требует. Важное задание! — закричал Федя.

От неожиданности Юрка дернул рукой, и жирная черная клякса распласталась посреди страницы,

Несколько мгновений Юрка очумело смотрел на кляксу, а потом рванулся к дверям с такой стремительностью, что если бы Федя стоял чуть поближе, Юрка тут же сбил бы его с ног. Но Федя помчался по коридору, а затем вниз по лестнице. Скорей бы добежать! При Клавдии Семеновне Юрка его и пальцем не тронет, как бы ни чесались у него руки рассчитаться за кляксу.

Один поворот лестницы, другой. Площадка... Еще площадка... С размаху Федя чуть не налетел на Клавдию Семеновну. Зато теперь Юрка Феде уже не опасен. Удивительно, как меняется Юрка, когда рядом человек, которому он должен подчиняться!

— Вы меня звали, Клавдия Семеновна? — спросил Юрка с вежливой улыбкой.

— Что это вы по лестнице носитесь, хотите, чтобы вам отметку за поведение снизили? — В голосе Клавдии Семеновны было раздражение.

Она повела их в пионерскую комнату. Юрка за ее спиной показал Феде кулак.

— Наверно, опять утиль собирать! — тихо проворчал он.

Ребята вошли в просторную комнату. В углу стояло красное знамя, которое пионерам подарили шифы. На стенах висели фотографии прошлых туристских походов. На столах, вдоль стен лежали вещи, сделанные руками ребят. Здесь были и модели самолетов, и физические приборы, и резные шкатулки. Многих из тех, кто делал эти вещи, уже не было в школе: они стали взрослыми.

— Вот что, ребята, — сказала Клавдия Семеновна. — Задание, которое вы получите, крайне важное. — Она внушительно помолчала.

Невысокая, в белой кофточке и короткой черной юбке, она казалась постаревшей девочкой. Это впечатление усиливалось, когда Клавдия Семеновна надевала пионерский галстук. Она словно прикидывалась маленькой...

— Вы назначаетесь в патруль! — торжественно сказала она.

— Стоять, где переходят через улицу? — спросил Юрка.

— Не перебивай, а слушай!.. Вы оба сядете в трамвай «А». Где он проходит, знаете?..

— Мимо Зоологического сада по Большой Грузинской! — сказал Федя.

— Правильно! Сядете в первый вагон, где нет кондуктора и пассажиры платят сами. Встанете около кассы и будете наблюдать. Если заметите, что кто-нибудь... — она помялась, подыскивая слова, — ну, уклонился, вы вежливо должны напомнить, что надо заплатить.

В глазах Юрки зажглись азартные огоньки.

— Не беспокойтесь, Клавдия Семеновна, у нас все заплатят! И красные повязки дадите?

— Никаких повязок! — сказала Клавдия Семеновна. — Никто не должен заранее знать, что вы здесь. Поездите так два часа, а завтра придете с рапортом.

— Вот это здорово! — сказал Юрка, когда они с Федей вышли на улицу. — У меня есть свисток с трелью. Чуть что — остановим вагон и отправим жулика в милицию.

Ему очень нравилось, что это задание наделяет его властью. Всю дорогу до Вспольного переулочка он без умолку болтал о том, как это здорово, что наконец их послали на настоящее дело. На углу он остановился и сказал:

— Давай не будем домой заходить! А то еще мать не пустит, заставит пообедать да еще уроки сделать. — Юрка вытащил из кармана две монетки. — Давай купим булку. Ничего, за два часа с голоду не умрем,

Они пересекли Садовое кольцо, зашли в «Гастроном», купили булку и, поделив ее поровну, направились к площади Восстания. Федя никак не ожидал от Юрки такой щедрости.

С завтраком было покончено еще до того, как, свернув на Баррикадную улицу, они добрались до Зоологического сада.

— Ну как? Будем вдвоем стоять у одной кассы или один в начале вагона, а другой в конце? — спросил Юрка. Он вдруг приостановился и с досадой хлопнул себя по затылку. — Ах ты! За свистком-то я не зашел!

— Как же ты зашел бы, если боялся, что мать не пустит? — напомнил Федя.

— Верно, — согласился Юрка. — Знаешь, все-таки давай стоять у одной кассы. Вдруг на нас нападет пьяный...

У Федя екнуло сердце. Важное задание сразу показалось ему менее привлекательным. Он не привык вмешиваться в дела взрослых. Да и никогда еще самостоятельно никуда не ездил. Мать даже запрещала ему переходить широкое Садовое кольцо: ведь того и гляди на него там наскочит машина.

Федя был мамин сынок. Его отец, астроном, восемь месяцев в году проводил в обсерватории — в Пулковке или в Крыму, а в Москве бывал целиком поглощен научной работой. Федя мечтал о том, что наступит время и они будут всегда жить вместе с отцом. Отец не будет так занят, как теперь в свои короткие наезды в Москву. Федя будет обо всем рассказывать отцу и советовать с ним. Уже отец-то поймет его лучше, чем мама!

Ребята дошли до остановки. Трамвая, очевидно, давно не было: его ожидало человек двадцать. Ребята стали рассматривать ожидающих и гадать, кто из них окажется нарушителем.

Юрка нагнулся к уху Федя и прошептал:

— Надо следить во-он за этими двумя ребятами. Наверняка будут нять, что им мама денег не дала.

Но вот из-за поворота, повизгивая колесами, выехал красный вагон трамвая «А». Он направлялся в сторону улицы Горького. Еще издали можно было разглядеть, что в первом вагоне много народу.

Юрка засуетился, стараясь выбрать место, где встать, чтобы, когда трамвай остановится, сразу вскочить на заднюю площадку первого вагона. Он все-таки не угадал, вагон проехал мимо, и пассажиры сразу стали брать его штурмом.

Когда двери наконец захлопнулись и трамвай тронулся, Юрка и Федя, работая локтями, стали пробираться к кассе.

Вагон, гремя, огибал Зоологический сад, когда Юрка наконец добрался до цели, до железного, покрытого крышкой из прозрачной пластмассы ящика. В него, постукивая, падали монеты.

Но тут же он нос к носу столкнулся с рыжим паренком, одним из тех, кто показался ему подозрительным на остановке.

..Несмотря на то, что Юрка нажал на него, паренек не посторонился. Он как бы намертво прирос к кассе. За его спиной маячила фигура второго мальчишки.

— А ну, посторонись! — сказал Юрка и плечом толкнул рыжего.

Рыжий прищурился, но с места не двинулся. Юрка нажал на него сильнее.

— Посторонись, говорят!..

Тут рыжий схватил Юрку обеими руками за воротник и потянул к кассе.

— А ну, плати за проезд! — приказал он.

Юрка дернулся, толкнул кого-то и оторвал от себя цепкие руки рыжего.

— Какой патруль нашелся! — сказал Юрка.

— А я и есть патруль!.. — ответил мальчишка.

— Врешь, я патруль! — крикнул Юрка. — Федя, сюда!

— Иду! — ответил Федя из-за чьей-то спины, но пробиться к Юрке ему не удалось.

Тут подал голос второй мальчишка, стоящий у кассы:

— Самозванец! Три копейки пожалел!

Федя, который стоял за спинами пассажиров, как за укрытием, не стерпел:

— Сами вы самозванцы!..

В трамвае засмеялись.

— Слушайте, вы, ребята! — сказал бородатый человек, из-под его косматых бровей весело блестели серые глаза. — Что вы еще за патруль изображаете? Кого ловите?..

— А тех, кто зайцем едет! Вот кого! — ответил Юрка.

Ему удалось наконец немного потеснить рыжего. Но рыжий и его напарник, встав плечом к плечу, заняли около кассы стойкую оборону. Было ясно, что без боя они своих позиций не уступят.

На ребят со всех сторон сыпались насмешки. Какая-то тетка в платке бросила в кассу деньги и насмешливо крикнула:

— А ну, патруль, сосчитай!..

Высокий пассажир в черном пальто с возмущением обратился к соседям:

— Что ж это такое, граждане! Выходит, пионеры за мной следить пришли! Это же оскорбление!

Ему ответили общим смехом. И вдруг в репродукторе раздался хрипловатый голос вагонного:

— Ребята, которые возле кассы, прошу вас покинуть вагон! Надзирателей нам не нужно! — И затем после небольшой паузы добавил насмешливо: — А ну, ребята, сейчас остановка, поторопитесь... Граждане, дайте им дорогу! Пусть пройдут!

Через минуту все четверо уже стояли на остановке и смотрели вслед убежавшему трамваю.

— И надо же было вам лезть в наш вагон! — набросился на Юрку рыжий.

— А на вас написано, что вы патруль? — ответил Юрка.

— Догадываться надо! Я же сразу у кассы встал! Федя молча слушал перебранку. У него уже не было никакого желания выполнять «важное задание». Но ребята из другой школы оказались упорнее. Они вошли в следующий трамвай и на прощание погрозили Федя и Юре кулаками.

У Юрки настроение тоже испортилось. Весь его боевой азарт куда-то испарился.

— Пойдем-ка домой! — предложил он.

И они повернули обратно, устало размахивая портфелями.

Вдруг Юрка придумал:

— А я завтра скажу Клавдии Семеновне, что мне отец запретил. И все! Что она со мной сделает?

— Нет, я скажу то, что было, — подумав, решил Федя.

— Нас же тогда засмеют!

— Пусть засмеют! Зато правда!

Юрка забеспокоился. Пожалуй, соврать куда лучше. Прийти и сказать: ездили целых три часа. Заставили уплатить двадцать семь старушек, десять дядечек и двух самозванцев, выдающих себя за патруль. И никто не придерется, даже еще на совете дружины отметят!..

— Эй, Федька, куда ты?

Перед ними стоял Сережа. В руке у него был большой белый конверт.

— Пойдем со мной, Федя.

— Куда?
— В гараж. Там меня Корней Петрович ждет.
— А это что? — Юрка ткнул пальцем в конверт.
— Письмо, — сказал Сережа.
— А что там написано?
— Что мой отец — хороший и честный! Вот что написано, — с вызовом сказал Сережа.
— Сам писал? — усмехнулся Юрка.

В тот же момент удар в подбородок отбросил его к стене. Следующим ударом Сережа свалил его с ног. Юрка даже не вскрикнул, так он был ошеломлен и испуган.

Конверт полетел на землю, и, прежде чем Федя успел его схватить, какой-то прохожий наступил на него, отпечатав подошву своего башмака.

Сжав кулаки, Сережа стоял посреди тротуара, ожидая, когда Юрка подымет. Тот приподнялся на колени, но во весь рост встать не решился.

— Вставай, трус несчастный! Я тебе покажу, как моего отца трогать!

Но в это время какой-то пожилой человек кинулся к ребятам и стал трясти Сережу за плечо.

— А ну, хулиган! Уходи отсюда! Вот я тебя сейчас в милицию отправлю! — кричал он тонким голосом.

Сережа ловко увернулся и вдруг вспомнил о конверте.

— Письмо! Где письмо?!

— У меня! Бежим! — крикнул Федя.

Издали до них донесся крик Юрки:

— Я Володьке все расскажу! Он вам покажет!..

Они побежали через дорогу, даже не оглянувшись.

А между тем угроза была не такая уж пустая. Володя, старший брат Юрки, учился в десятом классе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сколько раз Сережа давал честное слово не драться! И столько же раз нарушал его. Но сейчас он не жалел о драке. Если бы ему не помешали, он бы еще напал на Юрку. Не смей трогать отца!.. Федя шел рядом и переживал все обстоятельства ссоры.

— Ты ему в нос! А я ему в бок! — повторял он с азартом.

Немного успокоившись, Сережа рассказал, как пришел к Лене утром, как на него напала ее тетка. Он-то ее совсем не испугался, а бедная, замученная Ленка побежала домой. И, наверно, тетка ее побила.

— Что делать? — спросил Федя. — Как помочь?

— Я ей, дура, сказал: пойдём жить к нам, — а она не хочет.

— Тогда бы она уж лучше ко мне пошла, — сказал Федя, — да ее тетка не пустит!

— Я дяде Корнею расскажу! Он эту тетку прижмет!

— Что твой дядя Корней сделает!

— Как что? — оскорбился Сережа. — Он отца моего спас! — Сережа был уверен, что раз письмо написано, теперь все в порядке. — А с теткой-то он уж справится...

Корней Петрович ожидал ребят у раскрытых настежь ворот гаража. Он разговаривал с вахтером Михаилом Ивановичем.

— Ну, принес? — спросил Корней Петрович.

Сережа подал конверт, и Корней Петрович, раскрыв его, вытащил большой, испещренный подписями лист.

— Вот голос народа,— сказал он и протянул письмо Михаилу Ивановичу; тот нехотя взял и долго, насупившись, читал, шевеля своими тонкими губами.

Корней Петрович пристально смотрел ему в лицо, и взгляд его стал беспокойным. Наконец вахтер одолел письмо, кашлянул и сложил вдвое.

— Ну, что? — тревожно спросил Корней Петрович. — Действует?.. Восстановят его на машине?..

Вахтер пожал плечами и сумрачно усмехнулся.

— Сделай себе из этой бумаги горчичник! Плотная, не расплзется... А больше она ни на что не годна...

— Врешь! — крикнул Корней Петрович. — Врешь, Михаил Иванович!

Вахтер вытаскил папиросу, спички и неторопливо закурил. Сережа видел, как зло блестели его прищуренные глаза. Затянувшись дымом, он бросил спичку на землю и сказал:

— Ладно!.. Иди к начальству... Пропускаю!.. Посмотрю, как нос держать будешь, когда назад пойдешь,— вверх или вниз!

— Эх, Михаил Иванович,— нахмурился Корней Петрович,— а ты ведь был другом Андрею! В дом к нему ходил... За столом сидел. Сережку вот на руках носил... А сейчас в него не веришь?

— Я тут при чем? — проворчал Михаил Иванович, отводя глаза. — Суд разберется. Если не виноват, так отпустят! Ты-то чего беспокоиться?..

Корней Петрович обернулся к ребятам:

— Пошли!

Сережа вдруг ощутил какое-то странное, совсем незнакомое тревожное чувство. Раньше дядя Миша был свой, и Сережа не стеснялся его, влезал к нему на плечи и радовался тому, что сразу становился высоким, выше всех, кто сидит за столом.

А теперь... Сережа задел плечом за рукав старой ватной куртки, пропахшей соляной, и вдруг почувствовал, что не может посмотреть в лицо, ставшее чужим.

На большом дворе стояло много машин. Возле них возились слесари и механики. Одни копались в механизмах, постукивая гаечными ключами, другие, быстро орудуя насосами, накачивали камеры колес воздухом. Урчали моторы. Трехтонный грузовик медленно проехал к воротам и встретился здесь с черной «Волгой» и голубой «Победой». Как любил Сережа запах бензина! Наступит время, отец научит его управлять машиной. И он, Сережа, поведет ее со скоростью сто пятьдесят километров в час... Эти мысли, всегда тревожившие воображение Сережи, как только он оказывался во дворе гаража, сейчас пронеслись быстро и мимолетно. Другое волновало его: только бы не увидеть отца с метлой в руках! Тогда обоим им будет неловко... И отцу придется сказать, что он обманул и его, Сережку, и мать!..

Корней Петрович направился к двухэтажному желтому каменному зданию, которое стояло в глубине двора.

Зашелестел громкоговоритель на столбе, и голос диспетчера прозвучал на весь двор:

— Шофер Широков, зайдите за путевкой!..

Широков был один из старых приятелей отца. Вот он вышел из гаража, невысокий, коренастый, с круглым, добродушным лицом.

— Сережа, здорово! — крикнул он, увидев ребят. — Твой отец в раздевалке!

Сережа покосился на знакомую тонкую дверь. За нею небольшая комната, где отдыхают шоферы, вернувшиеся с линии, и ждут вызова. Там громко стучали костяшки и чей-то голос вдруг радостно крикнул:

— Забой!.. Считайте!..

Эти слова потонули в общем шуме. Люди за дверью заговорили, заспорили. Сережа прислушался. Нет! Голоса отца не слышно.

Корней Петрович стал быстро подниматься на второй этаж. Ребята за ним. На площадке он остановился.

— Я сейчас пойду к начальнику! — сказал он строго. — А вы меня ждите здесь. Понятно?

— Понятно,— покорно сказал Сережа.

Корней Петрович скрылся за дверью. Судя по всему, за ней находился начальник гаража. Сережа от отца слышал, что он очень строг. Вряд ли у Корнея Петровича что-нибудь получится. Зря пошли!.. И на минуту Сереже показалось, что Михаил Иванович был прав: он вовсе и не желал им плохого, а просто не верил в удачу, зная лютый характер начальника гаража.

На лестнице наступила томительная тишина. Сережа напряженно ждал: вот сейчас откроется дверь, и выйдет Корней Петрович. Если он сразу улыбнется, значит...

И вот дверь хлопнула, и зазвучали возбужденные голоса. Первым из двери выскочил невысокий человек с портфелем. Он вытирал платком круглую бритую голову. За ним появился высокий усатый мужчина в черном пиджаке, начальник гаража.

Начальник удивленно посмотрел на ребят.

— Вы здесь зачем?! Кто такие?

— Это мои ребята,— сказал вышедший вслед за начальником Корней Петрович.

Начальник смягчился.

— Ничего парняги! — улыбнулся он.

Мужчины встали в кружок. Начальник громким и усталым басом повторял то, что, очевидно, говорил уже много раз:

— Да поймите же, товарищи, вы для меня все равны! Вы защищаете,— он ткнул пальцем в грудь Корнея Петровича,— а вы нападаете,— кивнул он в другую сторону.— У обоих у вас веские причины, оба действуете от имени общественности.

— Да! — воскликнул обладатель портфеля.— Мы требуем, чтобы вы были беспощадны к вашему водителю, который среди бела дня на центральной улице наехал на человека! — Он обернулся к Корнею Петровичу.— Как вам не стыдно! Кого вы защищаете?!

— Не волнуйтесь, товарищ,— перебил его начальник гаража,— если шофер виноват, он будет наказан по закону.

— Знаю! И вы тут же возьмете его на поруки!

— Не нарочно же он это сделал! — крикнул Корней Петрович.— А кроме того, вы пострадавшую спрашивали?.. Что она говорит?

Но человек с портфелем махнул рукой, повернулся и быстро побежал по ступенькам вниз. Хлопнула дверь, и шаги его затихли.

— Серьезное дело! — вздохнул начальник.— Как бы не добились они Бунчукова!.. Это у них председатель родительского комитета в той школе, где пострадавшая работает. Третий раз тут шумит!.. И к следователю все бегают! А вашу просьбу выполнить не могу. Посадить Бунчукова на машину, пока следствие идет, не имею права.— С этими словами начальник гаража пожал Корнею Петровичу руку.

Корней Петрович молча прошел мимо ребят и вышел во двор. Он шел медленно, упрямо нагнув голову. Ребята молча последовали за ним.

В открытых воротах их поджидал Михаил Иванович. Он с хитрой усмешкой смотрел на приближающегося Корнея Петровича: ну как, мол, подействовала твоя бумажка? Но Корней Петрович шел пря-

мо на него, словно не видя. Когда он уже был в двух шагах, вахтер посторонился, подмигнул, хотел что-то сказать, но так и не решился.

Корней Петрович даже не кивнул ему, прошел мимо и свернул на улицу.

Когда ребята отошли от ворот на несколько шагов, Федя вдруг обернулся и позвал:

— Эй, дядя! — но добавить что-нибудь обидное не успел: в гараж стала медленно въезжать машина и заслонила вахтера.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Все в жизни Сережи перемешалось. Каждый день, когда отец возвращался домой, Сережа заглядывал ему в лицо, стараясь угадать, какие вести он принес. Но отец упорно молчал, хмурился, подолгу сидел у верстака, курил, изредка перебрался с одним-двумя словами с матерью.

Корней Петрович отнес письмо к следователю. Сережа даже запомнил его фамилию — Конардов. Но какой человек этот Конардов, он так и не понял. О том, как его допрашивали, отец почти не рассказывал.

Лена, Федя и Сережа занимались теперь каждый день вместе. Удивительно, но с тех пор, как Сережа перестал отстаивать свое первенство в дружбе, ему стало проще и спокойнее жить. Он понял, почему так не любит Юрку. Ведь тот всегда хочет быть главным, командует, требует подчинения, а в то же время неверный товарищ.

Сережа чувствовал ответственность за Лену. Как бы дома ни было трудно, он находил время забежать к ней и даже посидеть часок с Вовкой. Иногда появлялась тетка, кричала, пела пьяные песни, и тогда ребята убежали во двор.

— Нужно что-то делать! — говорил Сережа. — Пойдем заявим в милицию.

Но все втроем вздыхали. Только за то, что человек пьян и поет у себя дома песни, его не заберут. Да, кроме того, это все-таки тетка!.. Изредка, когда тетка милостиво отпускала Лену на часик, они ходили вместе гулять. И однажды у аптеки нос к носу столкнулись с Викой.

Лена и Федя с ней поздоровались, а Сережа сделал вид, что смотрит на витрину.

— Откуда ты ее знаешь? — спросил он Лену, когда они отошли на несколько шагов.

— Учимся в одном классе!

— Ничего себе подруги у тебя! — сказал Сережа. — Совсем тобой не интересуются.

— А я им ничего не рассказываю.

— Но они же видят, что ты пропускаешь школу! — возмутился Сережа.

— Ну и что ж, — усмехнулась Лена. — Тетка всегда придумывает причину и записку дает!..

На другой день, когда Сережа вернулся из школы, мать послала его в аптеку. И надо же было так случиться, что он снова встретился с Викой. И вдруг он почувствовал в себе какую-то новую силу. Он больше не боялся этой девчонки. Он смело шел прямо на нее. Он презирал ее теперь. Она плохой товарищ! Учитесь вместе с такой замечательной девчонкой и ничего не хочет знать о ее трудной жизни.

Настороженный взгляд Вики отметил перемену в поведении обидчика. Утром в школе она пыталась поговорить с Леной, выяснить, как это случилось, что она водится с «хулиганами». Но Лена только презрительно покривила губы и не ответила. Так уж получается всегда, когда девочка не из твоей компании. Не жди, что она будет с тобою всем делиться.

Вика слышала глухие разговоры о том, что Лене плохо живется, что тетка ее бьет. И даже несколько раз видела синяки на руках Лены. Но всякий раз Лена утверждала, что упала или обо что-нибудь случайно стукнулась.

Перед каникулами ребята постановили пойти домой к Лене и узнать, как она живет на самом деле, но так и не собрались. А сейчас, когда у Вики так тяжело больна мать, и речи быть не может о том, чтобы думать о делах других. У нее даже нет времени гулять с подругами!..

Через несколько дней после встречи с Сережей Вика во время перемены снова спросила Лену:

— А что это за мальчишки с тобой шли?.. У аптеки!..

— Это мои товарищи, — сказала Лена.

— И тот долговязый, со шрамом на носу, тоже?

— Сережка?

— Ну да, Сережка! — сказала Вика. Она уже знала, как его зовут.

— А ты его откуда знаешь?..

— Так, на пруду встречала, — уклончиво ответила Вика. — Ты с ним дружишь?

— Дружу, — ответила Лена. — И можешь мне ничего не говорить. Он мне все сам рассказал.

Вика вздохнула:

— Его отца будут судить. И посадят в тюрьму.

— А может быть, и не посадят, — сказала Лена.

Вика опять вздохнула. Она уже не питала прежней ненависти ни к Сереже, ни к его отцу.

Прозвенел звонок. Перемена окончилась, и девчонки разошлись по своим партам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В этот день у отца была получка. Отдавая деньги матери, он смущенно сказал:

— Тут у меня, Маша, не все... Широков занял на недельку пятнадцать рублей... Ты уж как-нибудь обойдись.

Мать вздохнула и убрала деньги в стол. Такой уж в семье был заведен порядок — с этого момента никто, кроме матери, не может взять отсюда ни копейки. Мать сама решала, на что потратить деньги, что кому купить!..

Вечером, когда Сережа делал уроки, к столу подошел отец.

— Ну, Сереженька! Плохи дела, — проговорил он, понизив голос почти до шепота, — будут меня судить!

Сережа поднял голову и темными неподвижными глазами уставился в угол. Всей душой он был с отцом. Во всем мире сейчас они были только двое. Рука отца легла ему на плечо.

— Не говори матери!.. Пусть пока надеется!..

Сережа боялся шевельнуть плечом, чтобы отец не отнял руку.

— А если все уладится, — продолжал тихо отец, — все изменю!.. Тоже буду учиться!.. Понимаешь? Ты не думай, что я такой старый!.. Я совсем еще не старый!.. Мне только сорок лет!..

Сережа слушал с затаенным дыханием. Никогда еще отец не говорил с ним так серьезно, как со взрослым.

— Да, буду учиться!.. — повторил отец. — Ведь я на войну ушел со второго курса института!.. Кончу институт и стану делать автомобили!..

— И сделаешь такой, который без колес прямо над дорогой по воздуху помчится? — спросил Сережа.

— И такой, — сказал отец. — Год буду готовиться, а

потом поступлю...— Он помолчал и вдруг поцеловал сына в лоб.

У Сережи тоскливо жалось сердце.

— А если она тебя простит, папа? — сказал он.

— Кто?

— Та женщина.

— Зачем ей прощать! Не простит.

— А ты все-таки еще сходи к ней.

— Нет, не пойду! — сказал отец. — Скажут, пытался уговорить. Еще хуже будет.

Они не заметили, как в комнату с вымытой посудой в руках вошла мать. Она слышала эти слова.

— А может быть, договоримся, — сказала она, ставя в буфет чашки. — Соберем денег, отдадим ей на лечение!

— Где их взять? — спросил отец.

— Ну... шкаф продадим!

— Дадут тебе сорок рублей. А то и тридцатку.

Разве этого хватит?

— Можно продать мое платье, — сказала мать.

Сережа знал, о каком платье говорила мать. Она сшила его в прошлом году, к Первому мая. Очень красивое, из светлого шелка с большими красными горошинами.

— Мой подарок? — возмутился отец. — Да ты что, в уме?

«Нет, конечно, платье никак нельзя продавать, — думал Сережка, когда уже лег спать. — А вот шкаф... Шкаф можно! Только если его сдвинуть с места, полетят ножки, отломанные еще в прошлом году».

Теперь это уже давняя история. Тогда шкаф был для Сережи неприступным замком. А со стороны окна наступали враги, и нужно было спрятаться за надежные, толстые стены. С помощью Юрки, который участвовал в сражении, он привел «замок» в состояние боевой готовности — повернул его к ок-

ну. При этом пострадали ножки шкафа, и если теперь шкаф сдвинуть с места... Сказать об этом или нет? Если бы не было так поздно, он сказал бы... А сейчас попадет еще больше за то, что не спит.

Утром, когда Сережа шел в школу, его догнал Федя, но поговорить им не удалось. Ребята, кидавшие мяч на школьной баскетбольной площадке, позвали их:

— Сережка!.. Федька!.. Сюда! Быстрей!

Темный кожаный мяч высоко взлетал над пожелтевшими деревьями. Совсем немного таких вот дней, теплых, напоенных солнцем, осталось до хмурой осени.

Забыв обо всем, ребята мгновенно метнулись к площадке. Впереди бежал Сережа, за ним еле поспевал Федя. Портфели шлепнулись на траву. И на площадке прибавилось еще два игрока.

Но игра тем не менее застопорилась. Каждая из команд хотела, чтобы Сережа играл на ее стороне, а Федя — на стороне противника. Спор грозил затянуться до самого звонка. Федя не выдержал, сошел с площадки и сел на скамейку. Тогда обе стороны стали дружно уговаривать его быть судьей. Для этой роли он со своей беспристрастностью и чувством справедливости был бесспорно хорош.

— Бунчуков и Сироткин, подите сюда!

На площадке появилась Клавдия Семеновна. Она поймала мяч и остановила игру. Позади нее, засунув руки в карманы и неуверенно улыбаясь, топтался Юрка. Он старался держаться в стороне, но в то же время всем своим видом показывал, что в развивающихся событиях он играет не последнюю скрипку.

Сережа и Федя переглянулись, но не сдвинулись с места.

— Бунчуков и Сироткин, вам повторять?

Они медленно подошли.

— Федя Сироткин! Как ты вчера выполнил задание?

Федюно лицо стало вдруг не по-детски напряженным.

— Мы вышли из вагона, Клавдия Семеновна! — проговорил он.

— Во-первых, ты отвечаешь только за себя, — строго перебила вожатая. — Юра сказал, что ты не захотел выполнять задание. Почему?..

— На нас напали мальчишки, — тихо сказал Федя. — А потом... Потом мне было стыдно подглядывать за взрослыми... Они над нами смеялись.

Вдруг из-за спины пионервожатой высочил Юрка и ткнул себя пальцем под левый глаз.

— А кто мне этот синяк поставил? Кто? — спросил он жалобно.

Лицо Клавдии Семеновны посуровело, она взглянула на Юркин синяк с насмешливым прищуром. Все оказалось гораздо сложнее, чем она ожидала. Посылая ребят, она видела только одну сторону, казалось бы, крайне важную: пионеры будут участвовать в общем деле, отстаивать порядок. А вдруг оказалось, что это дело совсем не ясное. И еще неизвестно, чего в нем для ребят больше — пользы или вреда. Она ощутила смутное, но беспокойное чувство своей вины.

Но тут случилось еще одно непредвиденное событие.

— Сережа, смотри! — вскрикнул Федя, указывая в сторону ограды.

Сережа оглянулся. Прижавшись к решетке, Лена подавала знаки, чтобы они подошли.

Ребята побежали к Лене и остановились, пораженные ее видом. Она была бледна. Волосы выбивались из-под платка, на осунувшемся лице лихорадочно блестели глаза.

— Что с тобой? — спросил Федя.

— Тетка нас с Вовкой бросила, — проговорила Лена. — Вот письмо... — Она показала смятый конверт. — «Живите, как хотите, а меня не ищите... Вас возьмут в детский дом».

— Где Вовка? — спросил Сережа; в голове его шла лихорадочная работа.

— Дома. Спит...

— Куда же она сбежала? — спросил Федя.

— Не знаю. Она давно кричала, что мы ей надоели. И что, не будь нас, она бы поехала в Якутию. Там, мол, алмазы прямо на земле валяются. Хватай, сколько унесешь!..

— Замолчите! — сказал Сережа и кивнул в сторону школы.

К воротам быстро направлялась Клавдия Семеновна.

— Что у вас тут случилось? — спросила она, оглядев внимательно Лену.

По тревожному выражению лица девочки она поняла, что произошло нечто серьезное.

— Ты, девочка, откуда?

Лена молчала, смотря прямо перед собой, замкнуто и отчужденно.

Сережа и Федя опять переглянулись. Федя глухо сказал:

— Ее тетка бросила, вместе с ребенком!..

Час от часу не легче! Клавдия Семеновна перевела дыхание.

— Какая тетка? Какой ребенок?

Ей не ответили. Тогда она решительно протянула руку и взяла у Лены конверт.

— Как тебя зовут, девочка?

— Ее зовут Лена, — сказал Федя, так как Лена продолжала молчать.

Пока Клавдия Семеновна читала, взгляд ее темных глаз все больше обострялся, а на лице появлялось озабоченное выражение.

— Где ты живешь?

— В Спиридоньевском переулке, — опять ответил за Лену Федя.

— А где ребенок?

— Дома, — ответила наконец Лена, уловив в голосе незнакомой девушки участие.

— Мы пойдем к тебе, — решительно сказала Клавдия Семеновна. Она посмотрела на Сережу и Федю. — И вы пойдете.

— А я? — спросил Юрка

— А ты — в класс.

Юрка тяжко вздохнул и поплелся в школу. Он никак не ожидал такого оборота дела. А ведь все, казалось, шло к тому, что Сережке всплут.

Едва ребята и Клавдия Семеновна вошли в подъезд Ленинского дома, как услышали пронзительный плач.

— Проснулся! — в ужасе крикнула Лена и побежала по лестнице, прыгая через несколько ступенек.

— Разве родителей у нее нет? — спросила Клавдия Семеновна, когда шаги Лены затихли и где-то наверху хлопнула дверь.

— Совсем одна, — вздохнул Федя.

Наконец они достигли двери. Из глубины квартиры слышались тихие всхлипывания ребенка.

В комнате везде были видны следы поспешных сборов. Ящики комода выдвинуты, на стульях валялись старые платья и рваные наволочки.

— А ну-ка, дай его сюда! — Клавдия Семеновна взяла с дивана Вовку, и тот, почувствовав доброту приподнявших его рук, успокоился и стал смотреть через плечо вожатой куда-то в окно.

Сережа и Федя томились в сторонке у двери: нужно ждать, что скажет Клавдия Семеновна, а у Сережи уже давно готово решение. И как было бы хорошо, если бы она сейчас ушла. Но Клавдия Семеновна не торопилась. Она держала Вовку на руках, покачивала и о чем-то думала.

— А что, если ты с Вовкой пока побудешь у меня? — вдруг сказала она. — Я живу здесь недалеко, в Трехпрудном...

— Лена будет жить у нас! — решительно заявил Сережа.

— И у нас, — сказал Федя.

Клавдия Семеновна оглянулась.

— Смотрите-ка! Я и забыла о том, что здесь двое мужчин... А папы и мамы ваши согласны?

Сережа хмыкнул и не ответил. Не ответил и Федя. Но Клавдия Семеновна вдруг поняла, что между этими тремя ребятами возникла настоящая дружба и ее нельзя нарушать. А ведь Федю и Сережу она представляла себе совсем иными.

— Никуда я не пойду, — сказала Лена. — Здесь мой дом! И Вовкин... Мы будем жить здесь...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Андрей Федорович вышел из ворот гаража и кивнул Михаилу Ивановичу, который, проводив очередную машину, возвращался к себе в будку.

— Ну, Миша, прощай! — сказал он.

— Уходишь?

Андрей Федорович вздохнул.

— Совсем ухожу! Подал заявление... Не могу с метлой ходить... Сам понимаешь.

Михаил Иванович взглянул на него из-под кустистых бровей.

— Ну, это ты зря, Андрей,— усмехнулся он.— Нервы распустил. Я вот всю жизнь в вахтерах. И ничего... Пообвык... Судить-то будут?— добродушно спросил он.

— А мне все равно — будут или не будут.— Андрей Федорович ожесточенно закурил. Он затянулся, и его темные, обветренные щеки совсем ввалились.

— Похудел ты, Андрей,— вздохнул Михаил Иванович,— может, и лучше отдохнуть... Таскают, небось, каждый день?..

— Уже перестали.

— Следствие, значит, закончено?

— Нет! Потерпевшую еще никак не опросят. Ну, прощай, Миша.

— Значит, уволился?— суматошно крикнул вдогонку Михаил Иванович.

Андрей Федорович даже не оглянулся. Сюда он больше не вернется. Следствие затягивалось, а он не мог мириться с тем, что его отстранили от той работы, которую он любил. Потеряв право водить машину, он вдруг почувствовал себя выключенным из жизни. Да еще эта ложь! Он должен лгать дома — жене, сыну. Просить Корнея Петровича держать язык за зубами. Притворяться, что кто-то одалживает у него во время полочки деньги... Нет, такая жизнь не по нем.

В то же время другой голос говорил ему: пойди в больницу, попробуй разжалобить пострадавшую женщину, обещай ей деньги на лечение, обещай все, что она потребует, но получи расписку в том, что она не считает тебя виновным. Унижайся! Ведь у тебя семья, и ты не молодой человек!

Он вышел на площадь Восстания. По ней в странном круговороте в разные стороны бежали машины. Их было много. Андрей Федорович постоял на перекрестке, ожидая зеленого огня светофора, а потом медленно перешел Садовое кольцо.

Что он станет делать завтра утром? Пойдет искать другую работу? Но у него отобрали права. Что ж, он поступит пока слесарем, только не в гараж! Скорее бы, скорее все кончилось!.. Он не виноват! Он знает, что не виноват...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Войдя в квартиру, Вика услышала рокочущий голос отца. Отец кричал в телефон:

— Категорически возражаю, товарищ Конардов! Моя жена — больной человек! Сейчас ей все можно внушить, даже то, что она слышала не только свисток, но и трубы архангела Гавриила. И вообще, при чем тут свисток? Это же смешно!..

Вика только вздохнула. Она сняла пальто, прошла в комнату и ужаснулась: чайник стоит на стуле, один ботинок валяется посреди комнаты, другой — на подоконнике. Пальто с оборванной вешалкой скомкано в кресле. Просто поразительно, как много дел накапливается каждый день! Как только мать со всем этим справлялась?

Отец бросил трубку на рычаг и стал ходить из угла в угол по комнате, засунув руки в карманы.

— Живей собирайся, поедем к маме,— наконец сказал он.

Вика не совсем понимала, что случилось, но ничего не спросила. Отец теперь взрывался по каждому поводу. Но когда через полчаса они, нагруженные свертками, спускались по лестнице, она все же решила и попросила отца:

— Папа! Ты только не волнуй маму!..

Он сердито взмахнул сумкой, так что апельсины чуть не разлетелись по ступенькам.

— Ты забываешь, что я здесь старший! Не смей меня учить!

И вот опять они шли длинными, пропахшими лекарством коридорами. У Вики кружилась голова, и ее слегка поташнивало.

Увидев дверь со знакомой табличкой, Вика почувствовала, как сжалось ее сердце.

И отец, вдруг оробев, приостановился, высунул руку из-под халата, который внакидку был наброшен на его плечи, и медленно толкнул дверь.

Навстречу, от небольшого столика, где лежали книги и листки с записями температуры, поднялась немолодая сестра в белом халате и белой косынке, из-под которой виднелись седые волосы.

— Вы к кому?— спросила она, оглядев Вика внимательными темными глазами.

— В девятнадцатую палату, к Потехиной,— сказал отец, просительно взглянув на сестру.

— Вам придется подождать. У нее сейчас посетитель!

— Кто такой? Не можете сказать?

Но сестру позвали, и, захватив по пути из стоящего на столе стакана градусник, она быстро пошла в дальний конец коридора.

— Странно,— проговорил отец,— кто бы это мог быть?

Вика тоже думала: кто бы это мог быть? Но как ни думала, в голову ей ничего не приходило.

Вдруг отец нагнулся к ней и прошептал:

— Шофер, наверно!— И уже совсем убежденно добавил: — Конечно, он!

В следующее мгновение случилось то, чего Вика меньше всего ожидала. Отец распахнул дверь в палату и остановился на пороге, словно ослепленный дневным светом.

— Папа!— испуганно прошептала Вика; то, что он нарушил приказ сестры, показалось ей ужасным.

Но, задержавшись лишь на мгновение, отец тут же быстро пошел между кроватями к дальнему углу.

Заслоняя мать, спиной к двери сидел человек. Только подойдя ближе, Вика заметила, что из-под белого халата у него видна милицмейская форма. Держа на коленях планшет, он писал авторучкой на листе бумаги ровным бисерным почерком.

Мать протянула руки, Вика нагнулась и поцеловала ее в щеку. Ей хотелось, как дома, приласкаться к матери. Но, как-то странно, все ей мешало это сделать: и грубое больничное белье, и острый запах лекарств, и пристальные взгляды женщины, лежавших на койках, и присутствие этого человека в милицмейской форме, который поднялся и теперь стоял у окна.

Мать провела своей узкой рукой по Викиным волосам.

— Как учишься?— спросила она.

Вике хотелось сказать матери что-то необыкновенно теплое, нежное, какое она ей еще никогда не говорила. Но губы сами произнесли два простых, слишком простых слова:

— Хорошо, мама!..

— А кто кормит папу? Ты?

— Я, мама!

Вопрос — ответ. Вопрос — ответ. И все не те слова, какие рвутся из ее души...

Отец выложил продукты на столик и поцеловал Надежду Александровну.

— Ты у нас молодцом,— сказал он.— Вижу, тебе теперь полегче! Нога в лубке?

— Да, гипс наложили.

Вика взглянула на одеяло и увидела, что оно бугрится, словно под ним спрятали бревно.

— А ты как, Костя? Что с твоим новым пластиком? — спросила мать. Ей, видно, не хотелось говорить о себе.

— Утвержден! — весело сказал отец. — Выдержал удары семитонного молота! И даже не треснул!

— Такой крепкий? — вежливо удивился милицкий офицер.

— Тверже алмаза, — ответил отец, но в его сторуно не взглянул.

Вика поняла, что они, несомненно, уже знают друг друга. Офицер спокойно относился к поведению отца. Он стоял и, держа в руках планшет наготове, ждал, когда сможет продолжить разговор.

Вика огляделась. В правом углу, на кровати, где раньше лежала старуха, теперь была хорошенькая девушка лет семнадцати. Девушка улыбнулась ей, и Вика ответила улыбкой. На кровати поближе спала больная, с головой укрывшись одеялом. А возле двери на боку лежала старая женщина, которую Вика видела и раньше, она с интересом слушала все, что говорилось.

— И часто тебя тут беспокоят? — спросил отец у матери, сердито прищурив глаза.

Офицер у окна не шевельнулся.

Мать ответила:

— Товарищ Конардов пришел сегодня во второй раз. Вчера после перевязки мне трудно было говорить... Ты, Костя, подожди немного. Мы сейчас закончим. И ты, Викочка, сядь. Съешь апельсин... Так что вы там записали, товарищ Конардов?

Вот он, Конардов, о котором говорил отец! Неужели он так рассердил отца, что тот сейчас невежлив, даже груб с ним? Вика с живым любопытством посмотрела в круглое лицо с глубокими морщинами вокруг рта. Что он за человек? Добрый или злой? Мама, наверно, и не знает, что папа с ним поспорил из-за нее...

Отец тяжело опустился на стул, где до него сидел Конардов, и вдруг круто повернулся к следователю. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Это был молчаливый бой.

Конардов тихо сказал:

— Вы не должны этому мешать, Константин Владимирович!

Отец тяжело подался вперед.

— Товарищ Конардов, вы хотите заставить мою жену дать неправильные показания. — Он снова повернулся к матери и умоляюще приложил руки к груди. — Надя, ты понимаешь, что делаешь? Ты спасаешь от заслуженного возмездия человека, который тебя искалечил!..

— Он не виноват, Костя! — тихо сказала мать. — Я должна сказать правду. Ведь был свисток!

— Какой свисток? — стараясь оставаться спокойным, спросил отец.

Мать покачала головой.

— Не знаю!.. Я услышала свисток, испугалась и метнулась назад...

— Ну хорошо! Тогда должен отвечать тот, кто свистел. Ведь так, товарищ Конардов?

— Свистел милиционер на перекрестке, — отозвался следователь. — Но я выяснил, что свистел он не Надежде Александровне, а одному шоферу, который в этот момент нарушил правила движения...

Отец несколько секунд сидел молча, подавленно опустив плечи. Вика очень боялась, что сейчас он не выдержит, взорвется и произойдет нечто такое, что ей будет больно и стыдно наблюдать.

— Чудесно, — сказал отец неестественно спокойным тоном. — Наконец мы все выяснили. Шофер, который задавил, не виноват; милиционер, оглушивший ее своим свистком, тоже не виноват. Никто не виноват. А вот этот человек, — он порывисто повернулся к жене, — искалечен... И вся наша семья страдает!.. Вика видела, как мать протянула руку и сжала его ладонь.

— Но, Костя, — проговорила она, — я ведь действительно испугалась свистка. Растерялась, бросилась назад!..

Отец пожал плечами.

— Не понимаю!.. — проговорил он. — Не понимаю!.. И не верю, что это было так... Ты просто бесконечно добрый человек, Надя. Слишком добрый!..

В палате вдруг стало очень тихо. Девушка приподнялась на своей кровати. «Папа, перестань!» — хотела крикнуть Вика. Но сжала руки и молчала.

— Я не могла утаить это, Костя, — сказала мать, — нельзя, чтобы невинный человек пошел в тюрьму, — и глазами попросила у Конардова поддержки.

— Да, это так! — отозвался Конардов.

— Как же я могла скрыть правду?

Отец поднялся со стула.

— Я не умею так легко прощать, как ты. Ну что ж! Это твое дело... Не буду мешать. Делайте свое дело, капитан.

— Между прочим, Константин Владимирович, — сказал Конардов, — шофер не такой уж плохой человек... Соседи даже утверждают, что отличный человек. Они об этом нам написали в письме. И товарищи его по гаражу тоже озабочены его судьбой. Может быть, и вы найдете в себе силы отнестись к нему непредвзято.

Вика с возмущением ожидала, что же ответит отец, но он словно не слышал.

Когда он нагнулся над женой, чтобы поцеловать ее, она чуть слышно сказала ему:

— Подумай хорошенько, Костя. Мы ведь всегда были честными людьми.

Отец вздохнул и пошел к дверям. В каком-то безответном порыве Вика вдруг прильнула к груди матери и замерла. Ее переполняло огромное чувство нежности, неожиданно она увидела мать такой, какой никогда не видала. Всем своим существом она понимала ее, соглашалась с ней. Но не могла выразить это словами... Мать целовала ее в голову, что-то говорила, но Вика не слышала, переполненная своим чувством...

Когда Вика наконец вышла из палаты, отец был уже в конце коридора. Потом он повернул на лестницу, и она потеряла его из виду.

Догнала отца она уже у выхода.

Он медленно шел по Садовому кольцу.

Весенний вечер казался теплым, и спешить им было некуда, они шли и шли.

— Надя! Надя! — вдруг прошептал отец.

— Что, папа? — спросила Вика.

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— Хочешь мороженого? — спросил он.

Вике не хотелось мороженого, но она побоялась обидеть отца. Он купил ей шоколадного, и они пошли дальше.

Отец хмуро молчал и о чем-то думал.

— Папа, — сказала Вика, — теперь шофера судить не будут?

— Не будут, — усмехнулся отец, — не будут! А помнишь пластмассу, которую я тебе недавно показывал?

— Помню, папа, — сказала Вика. — А если к тебе

этот шофер опять придет, ты его больше не прогонишь?..

— Осторожнее ешь,— строго сказал отец,— смотри, на платье капашь...

— А что если к нам придет Сережа?..

— Какой Сережа?

— Ты его знаешь... Ну, этот... мальчик... сын шофера...

Отец озадаченно поморщил лоб.

— Сын шофера? Ты с ним помирилась?

— Он приходил к нам в школу с Леной,— быстро заговорила Вика.— И стыдил, что мы плохие товарищи. Мы пошли к Кузьме Антоновичу, и он обещал устроить Вовку в детский дом. А мы будем помогать Лене...

— Так!.. Прекрасно!..— сказал отец.— Великолпно!..— Он тяжело дышал.

Они подходили к перекрестку улицы Горького. Перед ними расстилалась площадь Маяковского. У подножия памятника стояла молодежь. Вика знала: там читают стихи. Ей очень хотелось попросить отца разрешить ей постоять и послушать, но он шел и все говорил и говорил что-то монотонным голосом.

Впервые в жизни ей не хотелось вместе с ним идти домой. Почему?.. Она думала, думала, но не могла этого понять.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Корней Петрович сидел на перевернутом ящике и держал в руках только что обструганную небольшую сосновую доску, из которой мастерил полку для книжного шкафа. Он ласково поглаживал пальцами узкий край, а Сережа следил за его неторопливыми движениями.

— Видел бы ты, дядя Корней, какая она гордая. Сама, говорит, буду работать. А Вовка ревет.

— А чего Вовка-то? Что он понимает?— Корней Петрович зажал доску в тиски и взял рубанок.

— Он мать зовет!.. Что делать, дядя Корней?

Корней Петрович молчал. Снова прищуренным глазом проверил, нет ли на доске зазубрин.

— Тут ничего не поделаешь,— сказал он, проводя рубанком.— Мать есть мать!

— А у нас Лена была бы дома,— вздохнул Сережа.

Помолчали. Сережа присел на опрокинутый ящик и, подобрав желтую стружку, стал вертеть ее.

— А зачем Варвара к ним ходит?— спросил Корней Петрович.

— Контроль, говорит, осуществляю, хорошо ли ребятам. А вчера мороженое им купила.

Корней Петрович усмехнулся.

— Старика Фомичевы в райсовет заявление подали. Хотят Лену к себе внучкой взять.

— Не пойдет,— сказал Сережа,— она самостоятельная!..

Корней Петрович помолчал и провел еще несколько раз рубанком.

Позади скрипнула дверь. Сережка оглянулся— отец!

— Ты откуда?— спросил Корней Петрович.

— В больницу ездил.

Отец присел рядом с Сережей. Помолчал.

— Рассказал ей, как все получилось. Она говорит: «Зла против вас, товарищ Бунчуков, не имею. Сама виновата...»

— Так и сказала?

— Так и сказала!

— Честная!..

— Я ее благодарить стал... А она рассердилась. Это, говорит, я обязана правду сказать... И благодарить меня не за что!

— Ну, а ты?

Андрей Федорович ответил не сразу.

— Хоть и не виновен, а на душе покоя нет.

Сережа слушал отца и смотрел через узкую щель двери во двор на ребят, играющих в мяч.

Он думал о себе, о Феде, о Лене с Вовкой. И впервые в жизни он ощущал, что в жизни все не так-то просто. Он еще не понимал, как ему надо жить, но уже знал, что отец ему— друг, мать ему— друг, Корней Петрович ему— друг, Федя ему— друг, Лена ему— друг. И есть еще много хороших людей... Но также он узнал, что есть и другие люди. И когда он подумал о Михаиле Ивановиче, на сердце стало тоскливо и больно, словно потерял он что-то очень близкое и дорогое из детских воспоминаний.

— Папа, а дядя Миша к нам будет ходить?

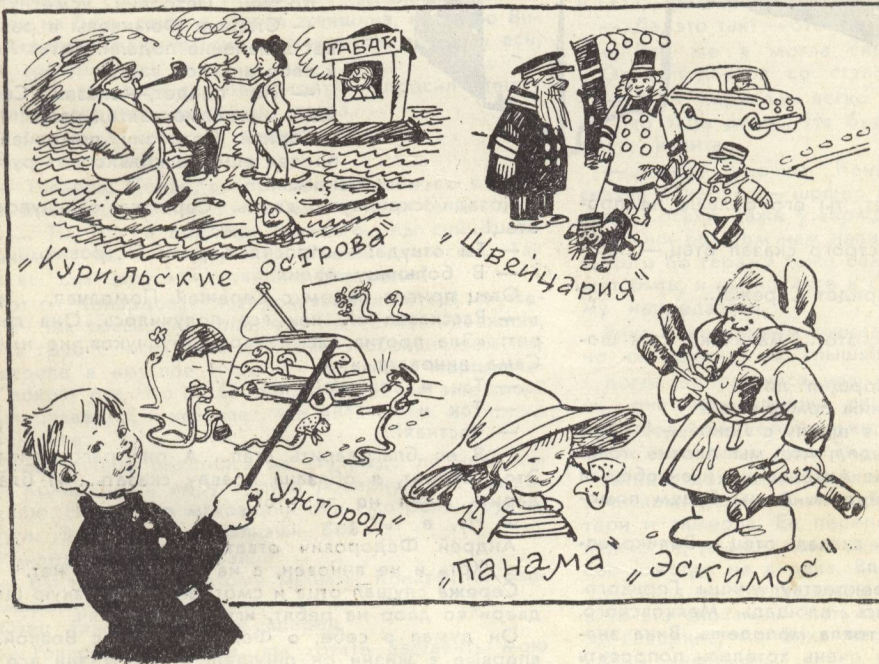
— Не будет. Идем. Домой пора...— ответил отец коротко и вышел из сарая.

Сережа тоже вышел. И вдруг в весеннем небе прямо над головой распласталась молния. Она пронзила низкие тучи, и тут же ударил гром. Упали капли дождя.

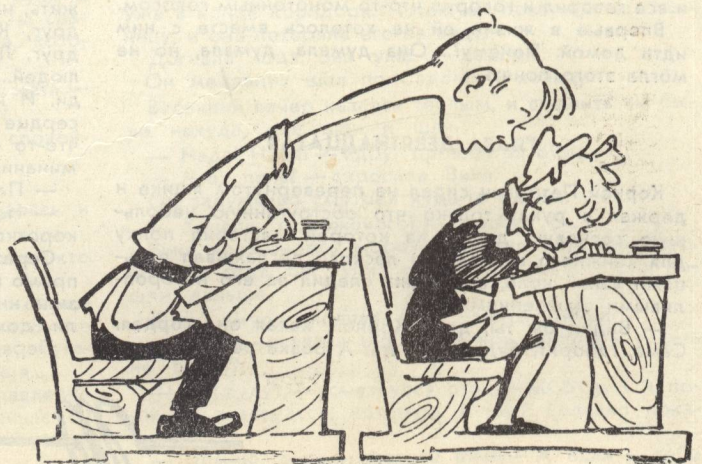
Первая весенняя гроза!..

— Я ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК
ПРИГЛАШАЮ ВСЕХ
НА ЗАДОРНЫЙ СМЕХ!

— Географию-то я знаю!
Рисунок Ю. Узбякова.

— А как пишется «длинношеее»?
Рисунок Д. Белова.

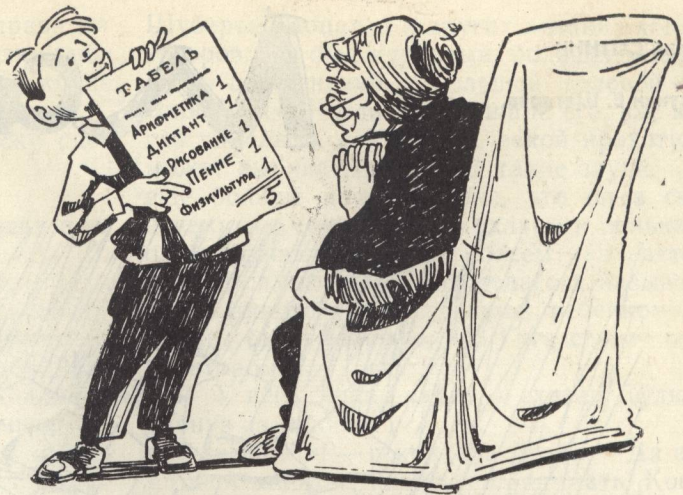
ПЕЧАЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

У меня в моем задачнике
Проживают неудачники...
Вот пешеход
Бредет едва
До пункта «Б»
Из пункта «А»...
Сорок восемь километров!
Против бурь и против ветров!
Ноги его заплетаются,
И с пути он все время сбивается,
И тяжело бедняге приходится,
И с ответом
 никак он не сходится!!!

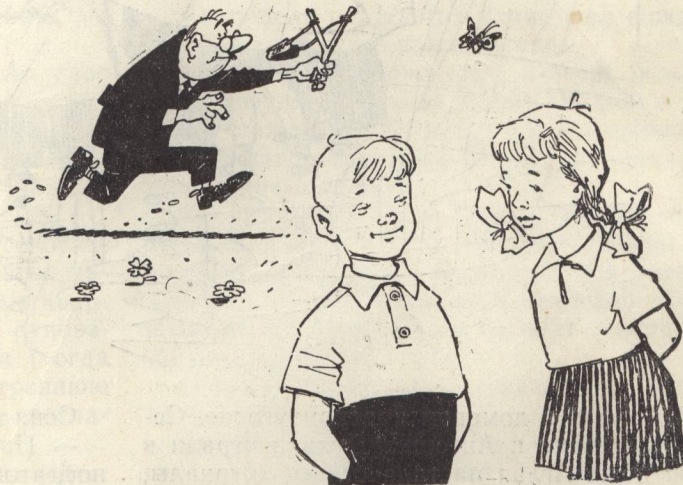
И в холод,
 и в тьму
Навстречу
 ему
Выходит другой
 пешеход.

Он тоже идет, идет...
И час он идет
 и два,
И болит
 у него
 голова...

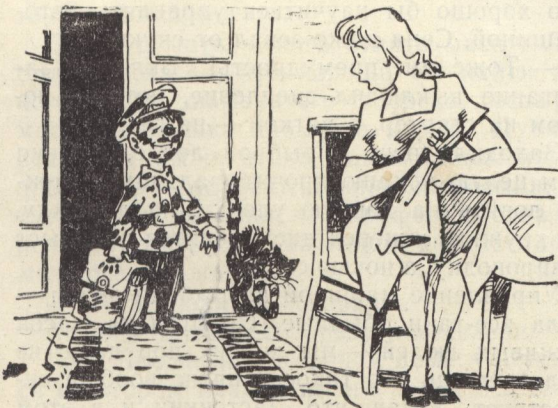
И не виден никто впереди...
И, наверно, он сбился с пути!..
Может случиться:
В таком-то часу
Съедят его волки
В дремучем лесу!!
А дорога
 все
 не кончается,
А задача
 не
 получается!..

— Бабушка, а у меня пятерка!
Рисунок Д. Белова.

— Что это с Пал Палычем?
— Да он же наш шеф. Все лето в лагере с нами был...
Рисунок Д. Белова.

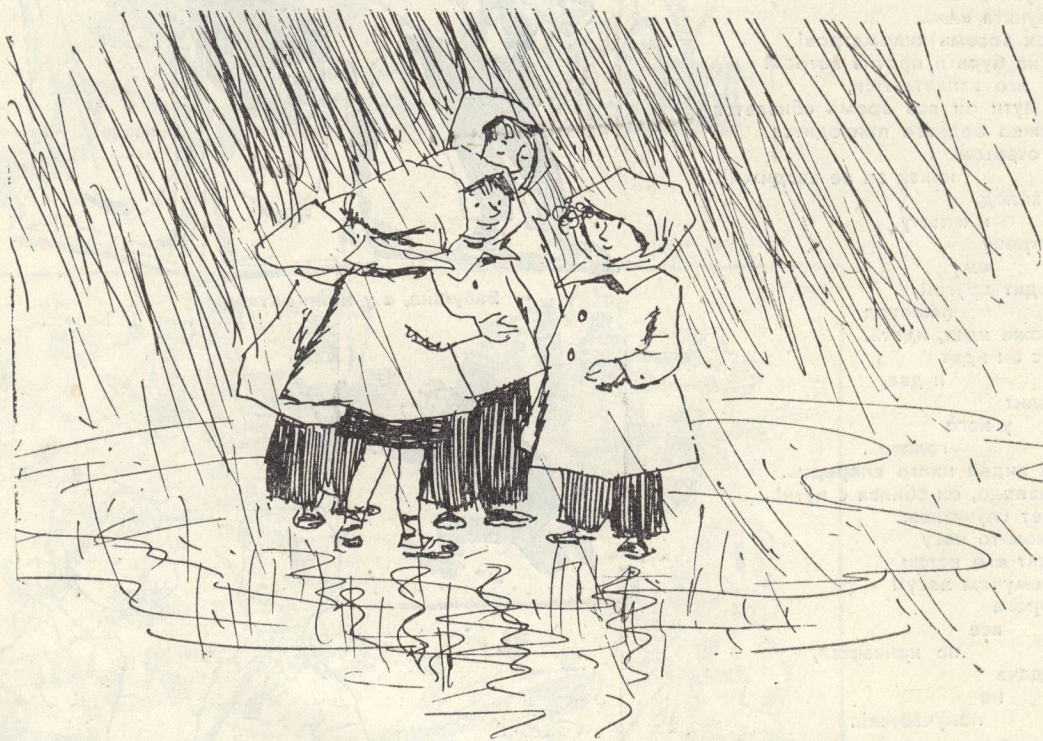

— У нас сегодня был урок труда...
Рисунок Д. Белова.

— Учишься?
— Нет. У нас каникулы.
Рисунок А. Цветкова.

Маска

Мы были в домовом красном уголке. Сеня Ласточкин и Антошка Дудкин играли в пинг-понг. Аглая листала старые журналы, а я просто так околачивался, без всякого дела. Вдруг Аглая спросила:

— Сень! Что такое маска?

— А ты чего, не знаешь?

— Я знаю маски, которые на маскараде, а тут написано: «Маска с лица Пушкина».

Сеня поймал шарик, подошел к Аглае и взглянул на страницу растрепанного журнала. Мы с Дудкиным тоже подошли и посмотрели.

— Маска как маска. С лица покойника.

— Сень... А для чего их делают?

— Ну, для памяти, «для чего»! Для музеев всяких.

— А трудно их делать?

— Ерунда: налил гипса на лицо, снял форму, а по форме отлил маску.

— А с живого человека можно? — спросил Дудкин.

Сеня только плечами пожал.

— Ничего сложного: вставил трубочки в нос, чтобы дышать, и отливай!

Все мы очень уважали Сеню, и не только потому, что он был старше нас: он все решительно знал. Если мы говорили о том, что хорошо бы научиться управлять автомашиной, Сеня даже звал от скуки.

— Тоже мне премудрость! Включил зажигание, выключил сцепление, потом — носком на стартер, а пяткой — на газ.

Заходила речь о рыбной ловле, и Сеня нам целую лекцию прочитывал: жуку можно ловить на донную удочку, на дорожку, на кружки, а жерех днем ловится внахлыст и впроводку, а ночью со дна...

Управление машиной да рыбная ловля — дела все-таки обычные. Но отливка масок с живых людей — мы до сих пор даже не подозревали, что такое занятие вообще существует. Узнав, что Ласточкин и в этом деле «собаку съел», мы только молча переглянулись между собой: вот, мол, человек!

— Пошли! — сказал Сеня и направился обратно к столу для пинг-понга. Дудкин пошел было за ним, как вдруг Аглая вскрикнула:

— Ой! Антон! Для выставки маску делаем!

Антошка сразу забыл про игру.

— В-во! — сказал он и оглядел всех нас, подняв большой палец.

Каждый год в нашей школе советом дружины устраивался смотр юных умельцев к первому сентября. Ребята приносили на выставку самодельные приборы, модели, рисунки, скульптуры, вышивки. Специальное жюри оценивало эти работы, и лучшие из них оставались навеки в школьном музее. Аглая с Дудкиным все лето мечтали сделать что-нибудь такое удивительное, чтобы их творение обязательно попало в музей. Это было не так-то просто: на выставку ежегодно представлялось больше сотни вещей, а в музей попадали две-три.

— В-во! — повторил Дудкин. — А гипс в «Стройматериалах» продается. Я сам видел. Сень! Покажешь нам, как отлить?

— Ага, Сень... — подхватила Аглая. — Ты только руководи. Мы все сами будем делать, ты только руководи.

Сеня у нас никогда не отказывался руководить. В свое время он был старостой нашего драмкружка (это когда ко мне в квартиру притащили живого козла), он руководил оборудованием красного уголка (тогда еще Дудкин перебил зубилом внутреннюю электропроводку). Теперь он тоже согласился.

— Ладно уж. Только быстрее давайте мне в кино идти на пять тридцать.

Я был еще октябреньком, и выставка меня не касалась, но я все равно попросил, чтобы меня взяли помогать.

Стали думать, с кого отлить маску. Ласточкин сказал, что хорошо бы найти какого-нибудь знаменитого человека: тогда уж маску наверняка примут в музей. Дудкин вспомнил было, что в нашем доме живет профессор — лауреат Ленинской премии, но тут же сам добавил, что профессор едва ли позволит лить себе на лицо гипс. И вдруг меня осенила идея.

— Гога Люкин! — сказал я.

Аглая с Дудкиным сразу повеселели.

Гога Люкин жил в нашем доме. Он учился во втором классе, но его знала вся школа. Дело в том, что он был замечательный музыкант. Во всех концертах школьной самодельности он играл нам произведения

Шуберта, Моцарта и других великих композиторов. Он был курчавый, большеглазый и очень щупленький, с большой головой на тонкой шее. Когда мы слушали его, нас всегда удивляло, как это он, такой крохотуля, может выбивать из рояля такие звуки. Но еще больше нас удивляло, что он в свои восемь лет сам сочиняет вальсы и польки и они получаются у него совсем как настоящие. Я сам слышал, как педагоги называли его «удивительно одаренным ребенком», и все мы были уверены, что Гога станет композитором.

— У него башка варит, — сказал Дудкин, кивнув на меня.

— «Варит»! — вскричала Аглая. — Да нам с тобой такого в жизни не придумать! Когда Гошка станет знаменитым, маску не то что в школьном — в настоящем музее с руками оторвут.

Мы надели плащи (на улице шел дождь) и побежали искать композитора.

На ловца, как говорится, и зверь бежит: мы встретили Гошу во дворе. Он был в зеленом дождевике из пластика, доходившем ему до пят, в таком же капюшоне, спускавшемся почти до носа.

Мы окружили Гошу. Аглая, Дудкин и я, перебивая друг друга, объяснили, зачем он нам нужен. Нам не терпелось, мы хотели заняться отливкой маски немедленно. Композитор выслушал нас и остался совершенно равнодушным.

— Я сейчас не могу, — сказал он из-под капюшона.

Мы заговорили о том, что он своего счастья не понимает, что это большая честь для него, если его маска будет висеть в школьном музее. Но и это не произвело на него никакого впечатления. Похоже было, что ему наплевать на то, что он композитор и что его ожидает слава.

— Мне некогда, — сказал он. — Я в «Галантерею» иду.

— А чего тебе делать в «Галантерее»? — спросил Дудкин.

— У мамы завтра день рождения, и мне надо ей подарок купить.

— А чего ты ей хочешь подарить?

— Пудреницу. За рубль пятнадцать. — Композитор разжал ладонь и показал несколько двугривенных и пятиалтынных.

— Тю-у! «Пудреницу»! — передразнила Аглая и обратилась к Ласточкину: — Сень, а две маски можно сделать?

— Да хоть десять. Была бы форма.

И тут мы все накинудились на композитора.

Мы хором кричали о том, что глупо покупать грошовую пудреницу, когда можно сделать маме ценнейший подарок: ведь гипсовую маску можно повесить на стенку, она провисит там десятки лет, и мама будет любоваться ею, когда ее сын станет совсем большим.

Это на Гошу подействовало. Он сдвинул капюшон и, подняв голову, посмотрел на нас. У него были черные, густые, как у взрослого, брови, и они все время шевелились, пока он раздумывал.

— А это долго? — спросил он наконец.

— Полчаса хватит, — ответил Сеня.

Композитор опять подвигал бровями.

— А со мной ничего не будет?

— Ну, чего с тобой может быть! — воскликнул Антошка. — Полежишь чуток неподвижно — и готово!

Аглая добавила, что мы даже денег на гипс с Гоши не возьмем, и он может купить на них что ему вздумается.

Композитор наконец согласился. Магазин «Стройматериалы» помещался в нашем доме. Минут через десять мы вошли в квартиру Антона. Папа и мама его были на работе.

— Ну, Сеня, руководи, — сказал Дудкин. — С чего начнем?

Ласточкин прижал широкий подбородок к груди, потербил толстую нижнюю губу.

— Халат давай. Или фартук. Мне, — приказал он низким голосом.

Мы поняли, что на этот раз он собирается не только руководить. Мы не возражали. Уж очень это было необычное дело — отливать маску.

Антошка принес старый материнский халат, в котором он занимался фотографией. Ласточкин облачился в него и подпоясался матерчатым пояском. Халат был не белый, а пестрый, весь в каких-то пятнах, но Сеня все равно походил в нем на профессора, который готовится к операции.

— Теперь чего? — спросил Антон.

Ласточкин велел нам устлать старыми газетами диван с высокой спинкой и пол возле него. Мы быстро исполнили это и молча усталились на Сеню. Он кивнул на композитора.

— Кладите его!

— Давай, Гоша, ложись, — сказал Дудкин. — Пластом ложись, на спину.

Все это время композитор стоял поодаль, сдвинув ноги носками внутрь, склонив курчавую голову набок и ковыряя в носу. Вид у него был такой, словно все наши хлопоты

его не касаются. Пошуршав газетами, он улегся на диван и принялся что-то разглядывать на потолке.

— Сеня! — сказала Аглая. — А разве гипс у него на лице удержится? Он же весь стечет!

Наш руководитель почему-то задумался. Он присел и посмотрел на Гошу сбоку, потом подошел к его ногам и стал смотреть композитору в лицо. Смотрел он долго, почесывая у себя за правым ухом. Наконец он обернулся к Дудкину.

— Кусок картона есть? Вот такой.

Антон достал из-за шкафа пыльную крышку от какой-то настольной игры. Сеня вырезал в ней ножницами овальную дыру и надел эту рамку композитору на голову так, чтобы из отверстия высывалось только лицо. Затем Антон принес отцовские папиросы «Беломор», Ласточкин отрезал от них два мундштука и сунул их Гоше в ноздри.

Теперь композитор стал проявлять некоторый интерес к тому, что мы с ним делаем. С лицом, обрамленным грязным картоном, с белыми трубочками, торчащими из носа, он уже не смотрел на потолок, а, скосив глаза, следил за нами. Удивительные брови его то сходились на переносице, то ползли вверх, то как-то дико перекашивались.

А работа у нас кипела вовсю. Сунув ладони за пояс на халате, Сеня прохаживался по комнате и командовал:

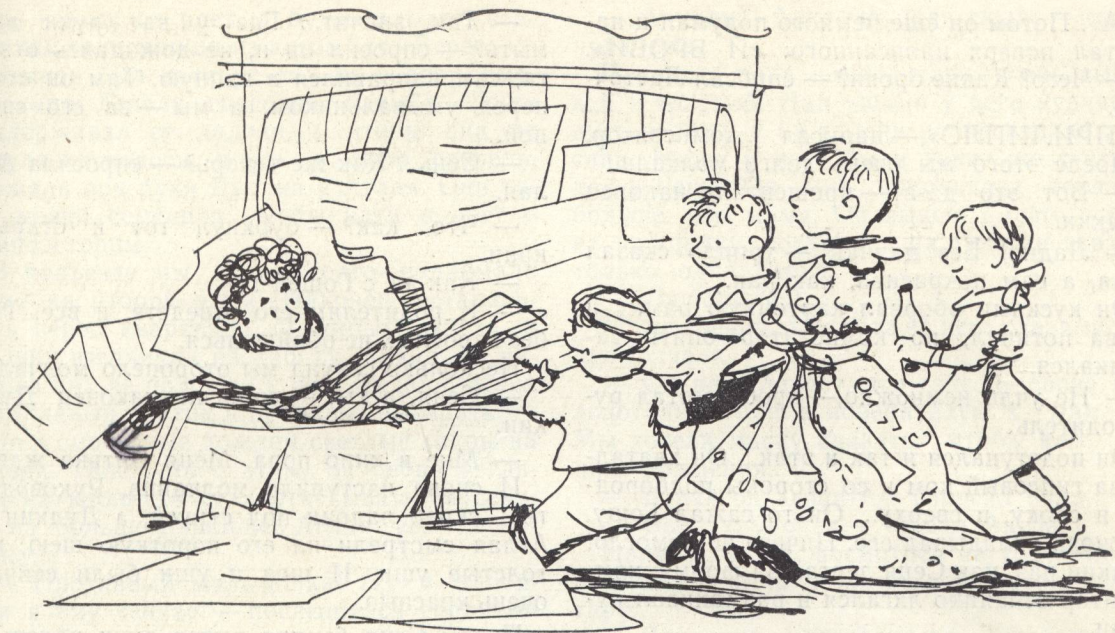
— Таз!.. Воды кувшин!.. Ложку столовую!.. Вазелин!.. Нету? Тогда масло подсолнечное. Шевелитесь давай, мне в кино скоро идти.

Мы и без того шевелились. В какие-нибудь три минуты и таз, и вода, и подсолнечное масло оказались на покрытом клеенкой столе.

— Все! — сказал Дудкин. — Валяй, Сеня, действуй!

Наступил самый ответственный момент. Сеня смазал Гошино лицо постным маслом, потом засучил рукава по локти и принялся разводить гипс. Он работал, не произнося ни слова, только сопел. Он то подливал в таз воды, только добавлял гипса и быстро размешивал его ложкой. Аглая, Дудкин и я стояли тихо-тихо. Мне захотелось чихнуть, но я побоялся это сделать и стал тереть переносицу.

Скосив глаза на Сеню, композитор следил за его работой. Он тоже молчал, но брови его прямо ходуном ходили. Кроме того, он зачем-то высунул язык и зажал его в уголке рта.

— Готово! — тяжело вздохнул Ласточкин. Он сел на край дивана рядом с Гошей, поставив таз себе на колени.— Закрой рот. И глаза закрой.

Композитор спрятал язык и так зажмурился, что вся физиономия его сморщилась.

— Спокойно! Начинаю,— сказал Сеня. Он горстью зачерпнул из таза сметанообразную массу и ляпнул ее композитору на лоб.

Лишь в последнюю секунду я заметил, что на лбу у Гоши темнеют выбившиеся из-под картона кудряшки. Я подумал, что не мешало бы их убрать, но как-то не решился делать замечания Сене.

Очень скоро Гошино лицо скрылось под толстым слоем гипса. Кончики мундштуков от папирос торчали из него не больше чем на сантиметр. Ласточкин поставил таз на стол.

— Дышать не трудно? — спросил он.

— Осторожно! Прольешь! — вскрикнули Дудкин и Аглая. Дело в том, что Гоша качнул головой, и гипс стал растекаться по картону.

Сеня подправил гипс, а Дудкин дал Гоше карандаш и большой альбом для рисования.

— Ты пиши нам, если нужно. На ощупь пиши.

После этого мы сели на стулья и стали ждать.

— Гош!.. Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила через минуту Аглая.

Композитор подогнул колени, прислонил к ним альбом и вывел огромными каракулями: «ХАРАШО».

Через некоторое время Сеня потрогал гипс. Тот уже не прилипал к рукам.

— Порядок! — сказал руководитель. — Теперь скоро.

В этот момент композитор снова принялся писать. «ЖМЕТ и ЖАРКО», — прочли мы.

— Нормальное явление, — успокоил его Сеня.— При застывании гипс расширяется и выделяет тепло.

Еще минуты через три он постукал пальцами по затвердевшему гипсу и обратился к нам:

— Значит, так: самое трудное сделано. Я форму сейчас сниму, а маску вы сами отольете. Мне в кино пора.— Он уперся коленом в диван и схватился за край картона.— Гошка, внимание! Держи голову крепче! Крепче голову!

Сеня потянул за картон, но форма не отделялась. Ласточкин дернул сильнее... Композитор вцепился ему в руки и так взбрыкнул ногами, что альбом полетел на пол.

— Ты чего? — спросил руководитель.

— Гош!.. на, держи, пиши! — Аглая подала композитору упавший альбом.

«ВОЛОСЫ!», — написал тот каракулями и, подумав, добавил: «НА ЛБУ И ОКОЛО

УХА». Потом он еще немного подумал и начертал поверх написанного: «И БРОВИ».

— Чего? Какие брови? — спросил Ласточкин.

«ПРИЛИПЛО», — написал композитор. После этого мы очень долго молчали.

— Вот это да-а! — прошептал наконец Дудкин.

— Ладно! Без паники! — хрипло сказал Сеня, а сам покраснел, как рак.

Он кусками оборвал картонную рамку и снова потянул, но композитор опять забрыкался.

— Не учли немножко, — пробормотал руководитель.

Он подступался и так и этак... Он хватался за гипсовый ком и со стороны подбородка, и сбоку, и сверху... Он то сажал Гошу, то снова укладывал его. Ничего не помогало! Всякий раз, как Сеня дергал за форму, композитор отчаянно лягался и размахивал руками.

Аглая, Дудкин и я почти с ужасом следили за этой возней. Смуглое лицо Аглаи стало каким-то зеленоватым, темная прядка волос повисла вдоль носа, и она ее не убирала. Антошка стоял, подняв плечи до самых ушей, свесив руки по швам... Самым страшным нам казалось, что Гоша не издает ни звука. Он только со свистом дышал через папиросные мундштуки.

— Небось, даже плакать не может, — прошептала Аглая.

— Как в могиле, — кивнул Дудкин.

Зазвонил телефон.

— Лешк... подойди, — сказал Антон, не спуская глаз с композитора.

Я вошел в переднюю, взял трубку. В ней послышался женский голос:

— Это квартира Дудкиных?

— Да.

— Гога Люкин у вас?

— У нас, — машинально ответил я.

— Скажите, чтобы он немедленно шел домой, — раздраженно заговорила женщина. — Я его по всему дому ищу. Скажите, что если он через минуту не вернется, я сама за ним приду и ему уши надеру.

Когда я передал ребятам этот разговор, Дудкин чуть не заплакал от злости.

— У тебя в голове мозги или что? Не мог сказать, что его у нас нет!

— Недоразвитый какой-то! — прошипела Аглая.

Сеня поднялся с дивана. Он сделался вдруг каким-то очень спокойным.

— Так, значит... Где у вас руки вымыть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сам направился в ванную. Там он стал перед умывальником, а мы — за его спиной.

— Сень... Как же теперь? — спросила Аглая.

— Что как? — буркнул тот и открыл кран.

— Как же с Гошей-то?

— К родителям его отведете, и все. Тут без взрослых не обойдешься.

Несколько секунд мы оторопело молчали. — Сеня, а ты? — спросил наконец Дудкин.

— Мне в кино пора. Меня Витька ждет.

И снова наступило молчание. Руководитель скреб ладони под струей, а Дудкин и Аглая смотрели на его короткую шею, на толстые уши. И шея и уши были сейчас очень красные.

Потом Сеня быстро вытер руки полотенцем, потом он бочком, отвернувшись к стене, выбрался в переднюю... Там, стоя лицом к вешалке, он принялся надевать плащ. Он делал вид, будто совсем не торопится, но долго не мог попасть кулаком в рукав.

— Значит... пока! — буркнул он, шмыгнул к двери, мгновенно открыл ее и затарахтел подметками по лестнице.

Только тут Аглая перестала молчать. Она выскочила на площадку.

— Трус паршивый! — крикнула она плачущим голосом и затопала правой ногой. — Трус паршивый! Трус паршивый!.. Трус паршивый!

Дудкин молча втащил ее за локоть в переднюю.

— Хватит тебе! — сказал он сердито. — Давай жребий тянуть.

— Какой еще жребий? — всхлинула Аглая.

— Ну, кто его домой поведет... Уж лучше пусть кто-нибудь один страдает, чем сразу все.

Но Аглая замотала головой и закричала, что не надо никакого жребия, что она скорее умрет, чем одна поведет Гошу к родителям.

Решили вести его все вместе.

Наше счастье, что дождь усилился и во дворе никого не было, когда мы вели Гошу к подъезду. Собственно, вели его Аглая с Дудкиным, а я шел в стороне. В своем зеленом дождевике до пят композитор шел мелкими-мелкими шажками. От этого каза-

лось, что он не идет, а будто плывет, совсем как танцовщица из ансамбля «Березка». Капюшон был натянут ему на голову, вместо лица белела гипсовая блямба. Гоша поддерживал ее ладонями, чтобы она не тянула за волосы; а его, в свою очередь, держали под руки Дудкин и Аглая. Они тоже мелко семенили, чтобы идти в ногу с композитором.

В подъезде мы очень долго поднимали Гошу на второй этаж. Наконец, остановились перед квартирой Люкиных. Аглая и Дудкин взглянули на кнопку звонка, но никто из них не подошел к ней. Дудкин вынул скомканный платок и принялся вытирать им лицо и смоченные дождем светлые вихры на темени. Покончив с этим, он снова взглянул на кнопку и стал откусывать заусеницу на большом пальце. Аглая его не торопила.

— Противный мальчишка! Ну и наподома я ему сейчас! — слышался сердитый голос. Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина, похожая на испанку, в красном шелковом плаще. Она застыла в красивой позе, положив левую руку на бедро, а правой держась за дверь чуть повыше головы.

— Что это еще у тебя? А ну-ка сними!

Композитор не шевельнулся.

— Я кому говорю! Сними сию минуту!

— Оно не снимается, — чуть слышно сказал Антон.

— Это гипс... Он... он прилип... — пролопотала Аглая.

Гошина мама оглянула нас большими глазами и бросилась в переднюю.

— Аркадий! Аркадий! Иди сюда! — крикнула она.

Появился папа композитора, очень высокий и толстый. Над ушами у него курчавились волосы, а на темени поблескивала лысина. Брови у него были такие же густые, как у Гоши. Он мне понравился гораздо больше, чем мама. Он вышел вместе с ней на площадку, посмотрел на Гошу и сказал только одно слово:

— Любопытно!

Мама гневно зыркнула на него глазами, но промолчала.

— Он не отлипает, это гипс... — снова залопотала Аглая и повернулась к маме. — Мы хотели маску сделать... чтобы вам... ко дню рождения...

— А как он дышит? — спросил папа.

— Вот... трубочки, — указал Антон.

Папа нагнулся, посмотрел на трубочки и, взяв своего сына за плечи, повел его в квартиру.

— Заходите, пожалуйста, — сказал он нам.

В комнате Аглая с Дудкиным невнятно объяснили ему, что у Гоши прилипли волосы на лбу и возле ушей, что брови тоже, может быть, прилипли... Папа сел на стул и, поставив Гошу между колен, слегка подергал маску.

— Неплохо тебя упаковали!

— Тебе все шуточки! — сказала Гошина мама. Скрестив руки на груди, она сидела на краешке письменного стола.

Папа встал, вынул из ящика стола лезвие от безопасной бритвы и снова вернулся к Гоше.

— Теперь не вертись. А то порежу.

Осторожно сунув лезвие под край формы, он стал подрезать прилипшие к ней волосы.

— Я не могу на это смотреть, — сказала мама и быстро ушла из комнаты.

Минут пять папа занимался своей работой. Наконец он вынул лезвие и передал Дудкину.

— Ну, а брови, наверное, пострадают. Держись! — Он дернул за форму, и та осталась у него в руках. В ней темнели волосы из Гошиных бровей, но их было немного. Все мы смотрели на Гошу. Он стоял, крепко зажмурившись. Лицо его, сначала бледное, постепенно розовело. Вот он приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился (как видно, он отвык от света). Но вот он снова их открыл и больше не закрывал. Мы думали, что он набросится на нас с кулаками или по крайней мере заплачет, но он ничего этого не сделал. Он посмотрел на форму, на всех нас, на папу и тихо спросил:

— Получится?

— Несомненно, — сказал папа и позвал, разглядывая форму: — Томочка! Операция окончена.

Мама быстро вошла в комнату.

— Мама, получится! — сообщил ей композитор.

Она присела перед своим сыном, разглядывая, повертела его в разные стороны.

— Выкиньте эту гадость! — сказала она, кивнув на форму.

— Что ты, голубушка! Твой сын такие муки перенес, и теперь, когда главное сделано... Нет, это дудки!

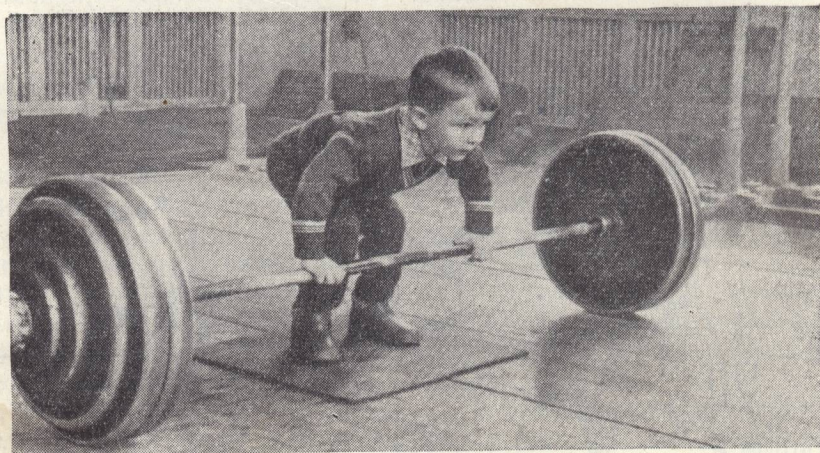
Мама взяла у папы форму и стала ее разглядывать. Лицо ее подобрело.

— Нет, ведь это надо додуматься! — сказала она, улыбаясь.

Папа не захотел идти к Дудкину. Он боялся, что его застанут там Антошкины родители. Дудкин принес гипс к Люкиным, и мы отлили две маски. Гошина мама очень смеялась: с каждой маски на нас смотрела такая сморщенная, такая перекошенная физиономия с зажмуренными глазами, что в школу ее неловко было нести.

С Сеней мы долго не разговаривали. Повстречавшись с нами, он обычно круто сворачивал и обходил нас, делая большую дугу.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Даже в самом легком весе
Он пока не чемпион.
Но пройдет годочков десять,
Поглядим, кем станет он.

Фото П. Голубовского.

Я давно знал, что есть такой писатель Борис Житков. Но каков он собой, что он за человек? Я больше по стихотворению Маршака «Почта» представлял Житкова. И, конечно, совсем не таким представлял, каким увидел его однажды в кабинете Ивантера, редактора журнала «Пионер».

По кабинету рассказывал невысокий, очень подвижный человек, подтянутый, стройный, с орлиным носом, с узко посаженными строгими глазами, с темными волосами, свободно закинутыми назад. Он что-то сердито выговаривал редактору и так был увлечен разговором, что на меня почти не взглянул.

А я смотрел на него и думал: если бы ему сапоги-ботфорты, шляпу с пером, плащ да шапку — он без грима и без парика сошел бы за Д'Артаньяна.

Потом много раз приходило мне на память это сравнение. У Бориса Степановича Житкова и в характере что-то было от Д'Артаньяна — цепкая память, удивительная способность быстро и верно решать самые сложные задачи, отменная смелость в словах и в поступках, верность делу и дружбе. Пожалуй, только чуть подорожее, чем Д'Артаньян, был Житков да чуть-чуть помягче. Но только чуть-чуть: где доходило до большого, до главного, становился он неуступчивым и твердым, как камень.

Но тогда я не знал всего этого — просто рассматривал необычного внешностью человека. Тут кто-то мне шепнул, что это Борис Житков, и мое внимание удесетерилось.

В то время редактор журнала Б. Ивантер пригласил Житкова два месяца поработать в «Пионере», поучить нас всех, как надо делать журнал для детей. Житков согласился, но с условием, что эти два месяца он, как капитан, будет командовать в журнале. Это было и любопытно и немножко тревожно. С Ивантером я в то время уже хорошо сработался, а тут новый «хозяин», да еще такой вот сердитый. Как-то с ним будет?

И я уже не только приглядывался, я стал прислушиваться. Было много интересного в тогдашнем разговоре. Житков спрашивал о людях, которые были вокруг журнала. Спрашивал, кто из московских писателей над чем работает, кто что может сделать для «Пионера». Тут нас и познакомили. Кто-то сказал, что я в прошлом штурман, китобой. Житков насторожился, откровенно осмотрел меня с головы до ног и

сразу стал задавать мне вопросы по морской специальности. Он так спрашивал, будто ему просто интересно было, как бьют китов, какие приборы управления на корабле, как устроены китобойцы. Я тогда подумал, что и в самом деле он этого не знает, а он, оказывается (после он сам в этом признался), просто проверял меня — не вру ли я, что штурман.

Несколько минут он так меня допрашивал, потом спросил в упор:

— А что вы для «Пионера» можете сделать?

Я тогда многое хотел сделать для «Пионера». Я выложил Житкову свои планы и думал, что он тут же закажет мне повесть или по крайней мере рассказ. Но он ничего не заказал. Только записал мой адрес в книжечку и больше в тот день со мной не разговаривал. Опять пошел разговор с редактором о журнале, о типографии, о бумаге, о подписчиках...

Я сидел на диване, слушал и удивлялся тому, как этот человек умел спрашивать. Я к тому времени уже не первый день работал в «Пионере». Секретов от меня в редакции никаких не было, но после того, как послушал разговор Житкова с Ивантером, понял, что плохо знаю журнал.

На другой день с утра Житков принес в редакцию электрический чайник, принес настольные часы, сел за стол и стал «командовать». Через несколько дней он и обо мне вспомнил: заказал мне очерк о том, как бьют китов.

Очерк я написал. Написал, как умел: добросовестно изложил все, что я знал о китах. А знал я тогда порядочно: сам только что вернулся с китобойного промысла. Принес Житков налил себе крепкого чаю и стал, прихлебывая, читать мою рукопись. И чем дальше он читал, тем больше морщился. Я подумал сперва, что он от чая морщится, а оказалось, что морщится он от моей рукописи.

Наконец он дочитал, положил рукопись на стол, разглядел ее руками и посмотрел на меня в упор.

— Слушайте, — сказал он. — Вы что, сами видели, как китов бьют, или у Брема прочитали?

— Почему у Брема? — обиделся я. — Я не только видел, я сам их бил...

Он опять посмотрел мне в глаза, помолчал и переспросил:

— Сами, значит, били? Вам-то я верю, а рассказу вашему не верю. Вы вот тут пишете:

НАШ КАПИТАН

«Кит скрылся под водой». Это как же так скрылся? Как привидение, что ли? Был, а потом пропал? Вот и расскажите мне, как это он скрылся. Вы видели, а мне это интересно. Ну, так как же — быстро он скрывался или медленно, горизонтально, наклонно или вертикально? Головой вперед или хвостом, или бочком, может быть? Поищите настоящее слово...

— Нырнул, — предложил я.

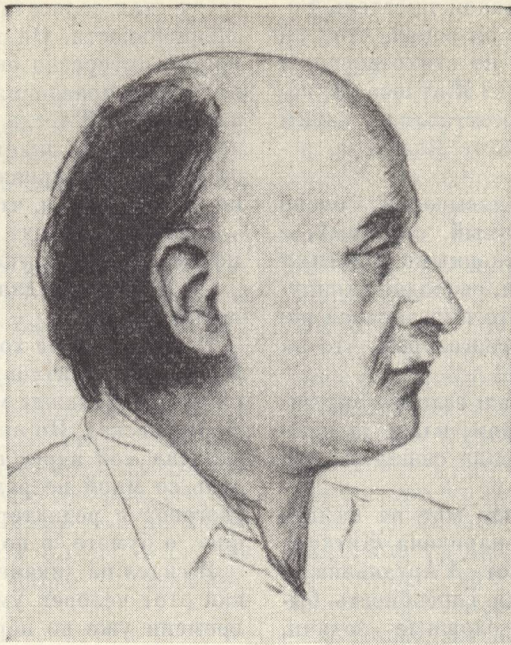
— Нырнул, — подумал Житков. — ...кит нырнул... — повторил он и шевелил губами так, будто на вкус пробовал слово. — Ну ладно, так сойдет... Но, наверное, и лучше можно сказать. Очень вы плохо написали. Вот за это теперь садитесь и объясняйте художнику, что и как рисовать к вашему материалу.

— Зачем же печатать, если плохо? — обиделся я.

— А что делать? — сказал Житков. — Где нам взять человека, который бы и китов бил и писать умел? Вы пока писать не умеете, кое-как пишете. Вам придется учиться писать, если думаете этим делом заниматься. Не век же вам про китов писать. Про китов-то и так сойдет, а про людей начнете писать, тогда потяжелее будет.

— Почему же про китов можно плохо, а про людей нельзя? — не сдавался я.

— Не понимаете? Ну, вот слушайте тогда: допустим, побывали вы на луне. Как уж это вам удалось — неважно. Побывали, все там успели посмотреть и вернулись на землю. И когда приземлялись, откусили себе язык. Начисто, так, что слова сказать не можете. А вас просят поскорее доклад сделать о вашем путешествии. Как быть? Очень просто: я вас выведу, скажу: «Вот он недавно с луны. Только говорить он совсем не может. Вы задавайте вопросы, он будет отвечать: если «да» — кивать головой, если «нет» — мотать». И, уверяю вас, такой доклад получится, что его все академии опубликуют. Вот так и про китов. Тут, что ни расскажи ребятам, как ни скажи, все интересно. А про людей другое дело. Я вот вам скажу: «Ивана Ивановича поезд разрезал на четыре части». Трагедия! А вы и ухом не повели. А вот теперь

представьте, звонит телефон и говорят: «Валентина Алексеевна руку сломала!» Ого, какой переполох поднимется! Вся редакция сюда бежит. Начнут спрашивать: «Как, да что, да где, да помощь ей не нужна ли?» Смотрите, какая несправедливость: там человека насмерть, на куски, а тут всего руку. А дело-то очень простое: Ивана Ивановича я выдумал. Нет никакого Ивана Ивановича. Вот вам и безразлично, что с выдуманным Иваном Ивановичем случилась выдуманная беда. А Валентину Алексеевну вы знаете, вы ее каждый

день видите. Живой человек попал в беду, как же не волноваться? Вот так же и в литературе: поверит читатель в вашего героя, как в живого человека, тогда вместе с героем будет и волноваться и переживать, и все, что вы о нем скажете, все будет интересно. Только это не простое дело — так рассказать о человеке, чтобы в него читатель поверил. Этому учиться надо. Вот попробуйте, напишите для «Пионера» рассказ. Что-нибудь из морской жизни. Вы это дело знаете и любите...

Через неделю я принес рассказ в редакцию. Борис Степанович быстро пробежал его дальнорезкими глазами и спросил, согласен ли я посидеть с ним часок над этим рассказом. Я согласился, конечно. Мы сели тут же, в редакции, на диван. Борис Степанович взял мою рукопись и прочитал первую фразу. Я не помню, какой была эта фраза: с тех пор прошло без малого тридцать лет. Но я хорошо помню, как больно мне становилось от каждого слова Бориса Степановича. Он так и этак читал мою первую фразу; ни слова не прибавляя к ней, читал то, что я сам написал, а мне казалось, что он издевается надо мной. И чем больше повторял он эту фразу, тем яснее я понимал, что она совсем не нужна в рассказе. Так же было со второй фразой и с третьей... Я вычеркивал слово за словом, строчку за строчкой, и мне стало казаться уже, что весь рассказ придется перечеркнуть.

Но тут Борис Степанович дошел до слов, которые он прочитал серьезно, без издевки. Он глянул на меня, улыбнулся одними глазами и сказал:

— А без этого уже не обойтись. Только очень длинно тут у вас сказано. Покороче нужно.

Я подумал, как можно сказать покороче, и написал: «Телеграмма пришла на рассвете».

Вот сейчас я достал с полки свою книгу «Морские сапоги». В ней есть и этот рассказ «Счастливы старик» — он так и начинается.

Тогда мне жалко было зачеркнутых слов. Мне казалось, что каждое из них необходимо в рассказе. Сейчас я вижу: сохранил бы я эти слова — потерял бы рассказ. За теми, лишними словами не видно было самого главного — человека. Я старался, сколько мог, побольше рассказать о своем герое, а Житков показывал мне: это лишнее, и это лишнее... И получалось, как у скульптора: из бесформенной груды стала вырисовываться фигура. И вот что самое удивительное: Житков не подсказал мне ни одного своего слова. Он только показывал, как беспомощны мои слова. И я уже сам отрекался от них, искал других слов, более емких, более выразительных. Это было как на уроке, когда учитель постепенно подводит ученика к верному решению задачи.

Такие уроки Борис Степанович часто давал нам, молодым писателям. Секрета из этого он не делал, и я всегда старался послушать его беседы с начинающими авторами «Пионера». Не все, конечно, запомнилось из этих бесед, но кое-что осталось в памяти.

Помню, например, зашел разговор о сюжетном приключенческом рассказе. Тогда об этом много было споров.

— Это, как хитрая шахматная задача, — сказал Борис Степанович. — Писатель расставляет на доске фигуры и говорит читателю: «Решай!» Если задача совсем простая, читатель спасибо автору не скажет, а вот если придется читателю поломать голову и напоследок автор подскажет ему неожиданное решение — вот тогда другое дело. Тогда читатель доволен. Но тут одно обязательное условие: решать задачу автор должен по правилам, а не так, чтобы вынуть ладью из кармана и сделать мат. А у нас в приключенческих рассказах сплошь и рядом забывают правила жизни...

Или вот другой разговор. На этот раз речь шла об одном из рассказов самого Бориса Степановича.

Там в рассказе была не очень складная фраза, такая, что ее с первого раза и не прочтешь.

Кто-то спросил, нельзя ли поправить эту фразу, сделать попроще, поглаже.

— Нет, нельзя, — сухо сказал Житков и добавил почти сердито: — Что же вы думаете: я искусства гладкописи не знаю? Не сумел бы так, как все, написать? Я ее нарочно такой корявой сделал!

— А зачем? — не унимались мы.

— А затем, что в этой фразе главная мысль всего рассказа.

— Так тем более, — не сдавались мы.

— Ну вот, — сказал Борис Степанович, — проехали вы сто километров по гладкой дороге. На двадцать седьмом километре у вас сломалось колесо, и пришлось его чинить. Так вы из всей дороги только этот двадцать седьмой километр и запомните. Вот я нарочно и вырыл тут колдобину, чтобы споткнулся на ней читатель, чтобы два, а если надо, и три раза перечитал, прежде чем поймет. Зато я знаю, что он ее заметит и мысль, в нее вложенную, заметит, а мне это и нужно.

И он не только с писателями так говорил. Он и с художниками, бывало, спорил и, схватив карандаш, двумя-тремя штрихами показывал, как нужно исправить рисунок, чтобы стал он выразительнее. Он и фотографам подсказывал, как выбрать удачный кадр, как лучше обработать материал... Да что там! Однажды пришли к нам в редакцию маляры красить рамы. Маляры были молодые, работали не очень хорошо. Житков смотрел на них, смотрел, а потом подошел к самому молодому, взял у него кисть, взял бечевку, увязал кисть как следует и показал, как надо работать. Потом вымыл руки и как ни в чем не бывало сел за стол читать и править чужие рукописи.

Вот таким он мне и запомнился, Борис Степанович, беспокойным, не терпящим брака ни в каком деле, всегда готовым помочь в работе и художнику и маляру. И всем нужна была его помощь, потому что знал он в десятки раз больше каждого из нас, а умел, наверное, в сотни. Мы все к нему бежали за помощью, и он никому не отказывал.

И те, кому довелось работать с ним, навсегда, наверное, запомнили Бориса Житкова — замечательного писателя, внимательного редактора, придирчивого критика, взыскательно-го учителя и верного друга.

А. НЕКРАСОВ

ПИОНЕРСКИЕ БЫЛИ

Лев ПОДВОЙСКИЙ

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА

В первых пионерских отрядах были ребята, которые встречались с Владимиром Ильичем Лениным.

До поступления в отряд мы ходили в детский клуб. Он помещался во втором доме Советов (гостиница Метрополь). Первого мая 1920 года детский клуб работал, потому что все наши родители участвовали в первомайском воскреснике. На воскреснике вместе с кремлевскими курсантами работал Ленин.

Наша группа, как всегда, отправилась гулять в сквер на Театральную площадь. Тут собирався митинг. Говорили, будет закладываться памятник Карлу Марксу. Мы, ребята, конечно, полезли вперед.

— Брысь, мелкота! — шуганул нас сердитый дядька с наганом на боку.

Но тут подъехал на автомобиле Ленин. Он услышал, что гонят детей, и заступился.

— Детей надо вперед. Обязательно вперед и только вперед!

После такой поддержки мы прошли к самой трибуне, гордо подняв головы.

Смерть Ленина была тяжелым и неожиданным ударом для всех.

В Москве стояли ужасные морозы. Очередь к Колонному залу, где поставили гроб с телом В. И. Ленина, тянулись на много километров. Порядок был образцовым. Горели костры, около них молча грелись закутанные люди. Несмотря на мороз, многие матери привели к Колонному залу ребят.

— Пусть простятся с Ильичем, это на всю жизнь память.

Близкие товарищи Ленина проходили в Колонный зал по пропускам. Старый питерский

рабочий, друг нашей семьи, Иван Иванович Пурьшев, рассказывал:

— Меня всюду пропускали без очереди, я показывал записку Ленина ко мне.

Пионеров тоже пропустили без очереди. Вместе со старыми большевиками мы стояли в почетном карауле у гроба Ильича.

Пришли мы и на похороны на Красную площадь. Когда гроб Ильича ставили во временный деревянный мавзолей, вся жизнь в стране замерла: остановились на пять минут все фабрики и заводы, автомашины и поезда...

Осиротевшие пришли мы в школу на следующее утро.

Я учился в 5-й Московской опытно-показательной школе на теперешней улице Фрунзе. В нашу школу не раз приезжал Калинин. Его дети тоже учились в этой школе. Но Михаил Иванович приезжал не только как родитель. Всесоюзный староста часто ездил на заводы, в деревни и в школы. Много времени он уделял и пионерам.

Пионерские отряды в те годы были при клубах предприятий и учреждений, а в школах организовывались пионерские форпосты. Михаил Иванович всегда интересовался работой нашего форпоста.

Через месяц после смерти Ильича Калинин приехал в нашу школу на вечер памяти Ленина. Этот вечер устроили комсомольцы. Нас, школьников младших классов, на него не пустили. Но мы перехватили Михаила Ивановича на лестнице.

— Как нам выполнять заветы Ильича? — спросил у Калинина мой лучший друг долговязый Женька Трусевич.

Мы привыкли видеть Михаила Ивановича веселым. Сейчас Калинин был нахмуренный, строгий.

— Надо прежде всего любить трудящихся, как Ленин любил, — сказал нам Михаил Иванович. — Надо быть честным, не врать, не обманывать. Быть храбрым. Очень важна то-

варищеская спайка. И самое главное — надо любить труд. И не только любить, но честно относиться к труду. Кто не трудится, тот ест чужой хлеб...

СМЫЧКА С СОЛНЦЕМ

Двадцать третьего мая 1924 года на Красной площади состоялся первый пионерский парад. Было жарко, как в июле. В параде участвовали все московские пионеры — около пяти тысяч ребят: явка была, как говорится, стопроцентная.

По поручению XIII съезда партии старейший революционер Феликс Кон принимал у нас торжественное обещание.

— Юные ленинцы! — Впервые назвал он пионеров именем Ленина. — Стоять за дело рабочего класса, выполнять заветы Ильича будьте готовы!

— Всегда готовы! — дружно ответили пионеры.

Домой я вернулся вместе с отцом. Он был на Красной площади как делегат XIII съезда партии. Его избрали почетным пионером, повязали красный галстук.

В то время я по поручению отряда обучался в кружке фотокоров при редакции «Рабочей газеты». Я решил сфотографировать отца на балконе в красном галстуке, с поднятой в салюте рукой.

— Теперь ты должен интересы нашего отряда ставить выше всех своих дел, — сказал я отцу.

— Хорошо, постараюсь, — согласился отец и хитро усмехнулся в усы.

С тех пор отец стал активно вмешиваться в дела отряда. Он несколько раз приезжал в лагерь.

— Солнце — лучший пролетарский врач, — говорил он. — У городских ребят должна быть смычка с солнцем.

После его посещений вожатый Алеша долго ерошил свои белые, словно седые, волосы и говорил:

— Да, задача! Задал нам товарищ Подвойский задачу!

По возвращении из пионерлагеря наш отряд каждую неделю проводил сборы, разумеется, в помещении. Слушали политические доклады, обсуждали важные дела, играли и пели, занимались в кружках. Отец стал выгонять нас из помещения на воздух. Однажды в воскресенье, в солнечный морозный день, я собирался в клуб на очередной сбор.

Московские пионеры идут на парад. Фотограф снял их там, где сегодня высится десятиэтажная гостиница «Москва», а в то время ютились грязные ларьки и палатки Охотного ряда.

— Передай вожатому, — сказал отец, — что в Александровском саду у Кремлевской стены открылась детская лыжно-саночная станция.

Откровенно говоря, я ничего не сказал вожатому, подумав: «Не пристало нам, занятым разбором международной политики, развлекаться детскими забавами».

Но во время доклада о международном положении на сбор явился военный самокатчик в буденовке.

— Распишитесь в получении пакета, — сказал он вожатому официальным тоном. Алеша вскрыл пакет.

«Отряду № 15 Хамовнического района. В такой солнечный день заседать в помещении преступно! Предлагаю немедленно прибыть в Александровский сад для катания на лыжах и санках.

Жду вас в саду 30 минут.

Н. Подвойский».

— Так это же папа придумал! — вырвалось у меня.

— Для кого папа, а для нашего отряда старый большевик, почетный пионер! — оборвал меня Алеша и приказал звонким, еще мальчишечьим голосом:

— По одному на воздух бегом марш!

Весело прошел сбор в Александровском саду. Все извалялись в снегу, как медвежата.

Физическая закалка, полученная в отряде, очень пригодилась мне в жизни. В детстве я был хилым, много болел. Двадцать пять лет проработал я на металлургическом заводе «Серп и молот» у мартенов и прокатных станов. Пять лет воевал на фронте. Помню, как-то в Карпатах, где было особенно трудно, кадровый военный подполковник Крюков, с которым мы делили пополам все тяготы боевых походов, спросил меня:

— Скажи, майор, откуда у тебя такие походные навыки? Ведь до войны ты был сугубо штатским человеком, суровой солдатской выучки не проходил.

Я с удовольствием ответил:

— Выучка у меня пионерская

ДОБРАЯ НАДПИСЬ

В двадцатых годах на улицах Москвы отдел коммунального хозяйства Моссовета — МКХ — поставил железные урны для мусора. Наша школа находилась недалеко от Арбатского рынка. Тут было много хулиганов. Возглавлял их верзила по кличке «Щербатый». Банда Щербатого, мучающаяся бездельем, как зубной болью, нашла себе глупое занятие — сбивать поставленные урны.

На охрану чистоты и порядка Москвы вышли по призыву райкомов комсомола пионерские патрули. Патрулю нашего отряда пришлось защищать урны от арбатских хулиганов. В те годы нам нередко приходилось получать тумачи за выполнение своих пионерских поручений. И мы, в свою очередь, не всегда были вежливыми.

— Даешь чистоту, и никаких гвоздей! — инструктировал наше звено Женя Трусевич.

На многих улицах района урн совсем не было. Всем звеном мы направились в отдел коммунального хозяйства.

— Поставьте, пожалуйста, урны везде, — попросили мы.

— Денег нет. По смете не положено, и точка! — заявил нам тощий, с козлиной бородкой дядька в пенсне.

— Типичный меньшевик, — сказал Женя Трусевич, выйдя от него.

— Но как же этого «меньшевика»

заставить установить урны? — спросил я Женю.

— Эврика! — воскликнул наш председатель учкома. — Давайте пошлем ему посылку.

Через несколько дней в МКХ на имя дядьки в пенсне пришла посылка. Он вскрыл ее на своем служебном столе, и оттуда... посыпалась всякая дрянь.

«Этот мусор должен быть в урнах, которые вы не хотите ставить», — написали мы.

Говорят, эффект был огромный. Дядька в пенсне помчался в райком комсомола с жалобой на наш отряд. В райкоме обещали принять меры.

— Только урны вы все-таки поставьте. Ведь, по существу, пионеры правы.

Пионерская традиция «болеть» за чистоту и культуру своего города сохранилась до сих пор. Отрядно наблюдать, как работают пионерские патрули сейчас. Иногда пионеры даже взрослым дают «уроки вежливости».

Как-то мой коллега, один из инженеров завода «Серп и молот», Никита Петрович, поехал в командировку в Киев. Он не отличался мягким характером и, по секрету говоря, терпеть не мог замечаний в свой адрес. В Киеве Никита Петрович на трамвайной остановке бросил на мостовую окурков. К нему подошел

Хороший подарок получил лагерь 15-го отряда Хамовнического района Москвы: нарком Михаил Васильевич Фрунзе на все лето дал нам лошадей и настоящую солдатскую полевую кухню.

мальчуган в красном галстуке и вежливо спросил:

— Можно, я подниму ваш окурок и брошу его вон в ту урну?

— Давно я так не краснел, — признался мне инженер, — а тут покраснел, как вареный рак. И, знаете, я теперь никуда, кроме урны, не бросаю окурки или бумажки, даже если для этого мне приходится пройти лишний квартал.

Добрими словами легче добиться добрых дел.

Сколько висит строгих надписей: «По газонам не ходить, штраф!», «Срывание цветов карается по закону», «Сорить и плевать воспрещается». А газоны порой истоптаны вдоль и поперек, цветы оборваны. Но вот на Рижском взморье осенью меня поразила свежая, как весной, лужайка. «Спасибо, товарищи, что вы сохранили эту лужайку зеленой. Смотреть приятно!» — такой плакат повесили пионеры рядом с лужайкой.

ОДНА ПРАВДА

На первый Всесоюзный пионерский слет в августе 1929 года в Москву съехались шесть тысяч делегатов. Приехали несколько десятков пионеров из зарубежных стран.

На слете было много интересного. Десять дней все лучшее, чем располагала тогда Москва, было предоставлено в полное распоряжение пионеров. На всех вокзалах торжественно встречали специальные поезда и вагоны с делегатами; пионерам подавали «персональные» трамваи (автомашин тогда в Москве было мало); в Кремле заседала пионерская конференция, на которой доклад о первой пятилетке сделал председатель Госплана академик Г. М. Кржижановский; на всех московских стадионах, водных станциях и стрельбищах проходили пионерские соревнования; целую неделю вход в московские театры и цирк разрешался только ребятам в красных галстуках.

«Москва в плену» — так шутивно назвал свой очерк о пионерском слете в газете «Правда» писатель Н. Погодин.

В один из вечеров группу делегатов слета — корреспондентов «Пионерской правды» вместе с иностранными пионерами — пригласили в редакцию «Правды». Встретил нас редактор — старый большевик Емельян Ярославский.

— В этом здании, — сказал он, — поме-

щаются три «Правды»: пионерская, комсомольская и партийная. Но у нас всех одна правда — большевистская. Мы верим, что эта правда победит во всем мире.

Тогда во всех странах, кроме нашей, власть была у буржуев и помещиков. Многими народами правили императоры, короли, цари и князья. Народы Африки, Азии и Латинской Америки жестоко угнетались империалистами-колонизаторами.

Пионеры разных стран рассказывали о своей борьбе.

— Рот фронт! Рот фронт! — кричали, подняв кулаки, пионеры разных стран после выступления немецких пионеров.

— Мы должны освободить американского пионера Гарри Айзмана. Он участвовал в антивоенной демонстрации, и его посадили в тюрьму, — говорила английская пионерка.

Поднялся китайский пионер. Мы звали его Сеня, по-дружески переделав трудное китайское имя на простое русское. В 1929 году китайские контрреволюционеры спровоцировали военные действия на Китайско-Восточной железной дороге.

— Первый степенный вопрос, — на ломаном русском языке сказал пионер, — защищать Советский Союз. Моя правильно сказала?

Долго беседовали мы в тот вечер в редакции «Правды» и много горького узнали о тяжелой доле детей рабочих и крестьян во всех странах света...

После этой встречи прошло немногим больше тридцати лет. Сколько мечтаний пионеров тех лет уже осуществилось!

ПИОНЕРСКАЯ РАКЕТА

Куда бы я ни приезжал, меня, старого пионера, словно магнитом, тянет в пионерский отряд. Прошлым летом я два месяца по служебным делам провел на Кубе. Конечно, и здесь мне захотелось побывать у пионеров. Впервые я увидел их в порту Гаваны: они встречали советский теплоход «Грузия». На этом теплоходе прибыли на Кубу триста молодых советских специалистов для помощи сельскохозяйственным кооперативам и госхозам. Обратным рейсом на «Грузии» должна была отправиться в СССР тысяча кубинских крестьян для обучения в училищах механизации сельского хозяйства.

Триста кубинских пионеров в красных шапочках и бело-синих галстуках стояли вдоль

причала с букетами цветов. Когда «Грузия» пришвартовалась, они вместе со взрослыми сотни раз подряд провозгласили популярное на Кубе приветствие: «Фидель, Хрущев, эстамос кон лос дос». По-русски это переводится так: «Фидель, Хрущев, мы с обими вместе».

Советские парни сошли на берег. Дети протягивали им букеты цветов, с восторгом нацепляли на свои белые безрукавки советские значки, подаренные прибывшими.

— Нельзя ли мне побывать в каком-нибудь пионерском отряде Гаваны? — спросил я у кубинских друзей.

И вот ко мне, в восемнадцатизатяжную гостиницу «Капри», приехал молодой бородач в военной форме, руководитель Союза пионеров Кубы. Вместе с ним приехали двое пионеров — мальчик и девочка.

— Приглашаем вас в наш отряд, — смущенно теребя в руках красную шапочку, сказала по-испански девочка.

— Мы хотим передать вам подарки, — добавил мальчик.

— Какие подарки? — удивился я.

В разговор вмешался руководитель:

— Школьники Фрунзенского района Москвы прислали в подарок революционной Кубе трактор. Они купили его на деньги, вырученные от продажи макулатуры и железного лома. Для Кубы трактор — самый ценный подарок теперь. Можно через вас передать пионерам в Москву письмо и подарок?

— Конечно...

...Мы поехали на рабочую окраину Гаваны, в новую школу, построенную революционным правительством. Едва машина въехала на улицу, где находилась школа, навстречу выбежали ребята в красных шапочках.

— Куба — си! Янки — но! Дружба! Мир! Вива Куба! Вива Советик! — громко кричали пионеры слова, понятные на всех языках, и протягивали мне свои черные, белые и коричневые руки. Как только я вышел из машины, две маленькие девочки — белая и черная — взяли меня за руки и так до конца встречи и не выпускали их.

Встреча с пионерами затянулась на несколько часов, и, хотя было жарко, как в бане, мне казалось, что время летит очень быстро, незаметно. Я был счастлив оттого, что увидел веселых, шумливых и полных революционного энтузиазма кубинских пионеров.

Ребята пели чудесные песни революционной Кубы. Выступал хор девочек, которые сами себе аккомпанировали на гитарах. Потом начался митинг. Пионер лет двенадцати

произнес страстную речь. Он говорил минут сорок. Его часто прерывали дружные аплодисменты и приветственные возгласы. Пионер призывал бороться за свободу, высмеивал попытки контрреволюционеров поднять мятеж против революционного правительства, клеймил позором американских империалистов, обещал быть верным делу народа. После его речи пионеры по крайней мере минут десять выкрикивали лозунги, провозглашали здравицы и дружно хлопали в ладоши. Как напомнило мне все это наши пионерские сборы двадцатых годов!

Мне вручили для передачи пионерам Фрунзенского района подарки: портрет Фиделя Кастро, пионерские галстуки, значки и шапочки, макет тележки для перевозки сахарного тростника. Прочитали письмо, в котором пионеры Кубы благодарили московских ребят.

«Наши ребята, — писали кубинские пионеры, — видят в этом тракторе не только машину, способную обрабатывать нашу землю и содействовать росту сельского хозяйства, но и самое высокое проявление тесных дружественных связей между нами. Этот подарок еще больше укрепит нашу веру в дело социализма...»

Мне очень захотелось оставить всем пионерам что-нибудь на память. Но у меня осталось только несколько советских значков и открыток, даже одному звену не хватит. И тут мне пришла в голову мысль запустить с кубинскими пионерами «ракету», которую, бывало, запускали мы на торжественных сборах в двадцатых годах. Через переводчика я объяснил, что должны делать ребята, изображая, как зажигается, взлетает и разрывается «ракета».

И вот по команде «Уно, дос, трес» («Раз, два, три») мы с пионерами дружно шипели, потом жужжали — это «ракета» кружится на земле; потом хлопали по коленкам — «ракета» летит вверх; хлопали в ладоши над головой — «ракета» поднимается еще выше. Ззз — и наша «ракета» уходит ввысь и где-то в вышине разрывается.

— Бум! — громко восклицаем мы.

— Вива Фидель! Вива Хрущев! Вива Куба! — провозглашаю я.

— Вива! Вива! Вива! — восторженно скандируют кубинские пионеры. Они смеются, долго аплодируют. Кто-то запевает «Интернационал», все дружно подхватывают...

Под королевскими пальмами на берегу Атлантического океана мы поем гимн трудящихся всех стран, гимн освобождения!

Петрас ЦВИРКА

Рисунки Ф. Лемкуля.

ТАЙНА

гимнастерки, да коробочку от обувного крема, да перочинный ножик, да еще целый десяток конфет, и то бы он ничего не сказал.

Однажды ко всем этим тайнам прибавилась еще одна, и, как позже выяснилось, самая важная. Сразу мальчик не обратил на это событие внимания и не подумал, что тут может крыться тайна. Подумаешь, тайна, — отец ходит в сарай! И раньше ходил — то за сеном для скота, то еще за чем-нибудь. А вот почему он носит в сарай суп и ломти хлеба, да еще пряча их под полой, — это Степа непонятно. Может, для ягнят или поросенка, а может, для кур?.. Ну, а зачем тогда ложка? Куры и ягнята ложками не едят! А однажды Степа видел, как отец принес из сарая окровавленную тряпку, и мать, боязливо взглянув на отца, тотчас бросила ее в корыто.

— Боже ты мой! Все еще кровь? Уже вторую рубашку разорвала!

— Теперь получше... На руке совсем застрянуло... — сказал отец. — Сегодня все съел, и глаза веселее глядят. Хотел подняться, да нет!.. Куда ты пойдешь, думаю, ведь языком еле ворочаешь?..

— Холодно ему ночью, — может, шубу отнес бы?

— Отнес. Да он на холод не жалуется. На сене тепло.

Степа, загаив дыхание, слушал и никак не мог понять, о ком шла речь. Сначала ему показалось, что говорят о ягненке, но нет, похоже, не о нем. Кто же там может быть, в сарае? Скорее всего теленок, — ведь отец хотел купить у Ринжуса теленка. Но откуда окровавленная тряпка и для чего мать рвет рубашки? Может, теленок поранил ногу, как это случилось в прошлом году с жеребенком?

Мальчик попытался пробраться за отцом, когда тот шел в сарай, но отец погрозил ему:

— Отморозишь нос, иди в дом!

— Да мне не холодно. Я хочу посмотреть теленка.

— Кому сказано? Ремня захотел?..

Когда грозят ремнем, тут уж не посмеешь ослушаться. Степа остановился посреди дво-

Степа много знал. Хотя Занас Гульба не взял его в лодку, когда плыл на остров, он все равно знал, что Занас там курит трубку из белой глины, наполнив ее сухими вишневыми листьями. Хотя дети старосты Матуле не звали его с собой, когда шли в лес ставить капканы на зайцев, он знал все места, где их ставят. Велика важность эти капканы! Степа знал, где нора лисицы, и вообще знал такие вещи, про которые никому нельзя рассказывать. Вот хотя бы про Сивку! Все скажут, что Сивка хромает, а на самом деле лошадь совсем здоровая. Только в одну подкову нарочно вбили такой гвоздь, чтобы Сивка хромаел. Как только пришли немцы, отец и вбил этот гвоздь. Потому Сивку и не забрали солдаты. Или скворечники, которые дедушка сделал из старой ставни. Кто может знать, что спрятано на дне этих скворечников! Что спрятано, то спрятано! Не от вас, а от немцев спрятали. Ой, сколько Степа всего знает!.. Но даже если бы ему отдали латунные пуговицы с

ра. Пройдя несколько шагов, отец обернулся и крикнул:

— Попробуй только лазить в сарай. Лепснемаре давно ждет под навесом!

Все дети в деревне боялись Лепснемаре. Матери пугали ее именем непослушных ребят. Высокая, сухая старуха с красным, обветренным лицом, она бегала повсюду и то-ропливо крестила дома, деревья, камни. Про сумасшедшую Лепснемаре рассказывали, что она душит детей. Степа не боялся ни собак, ни большого сома, который жил в озере Люло, но Лепснемаре он боялся. Если отец говорит, что она под навесом, Степа этому верит... Маме можно не верить: она всегда его пугает — то цыганкой, то крокодилом, который будто живет в Немане. Степа отлично знает: никакого крокодила в Немане нет. Отец никогда не пугал Степу. Уж он-то напрасно про Лепснемаре не скажет. Только зачем это она залезла под навес? И откуда окровавленные тряпки? Может, Лепснемаре покусали собаки?

Старая Лепснемаре не выходила у Степы из головы. Он видел ее и во сне. Она летала над домом, растянув платок, черная-черная, как ворона.

Разговоры взрослых про страшного немца, клещами вытягивавшего языки у людей, рассказы о повешенных фашистами в деревне Бурбинес — все это и раньше пугало Степу. А тут еще этот сон!..

— Мама! — закричал он не своим голосом и бросился к матери.

— Что, детка? Что с тобой? Что тебе приснилось? Иди спать, иди, милый!

Степа трясся, будто его окунули в прорубь. А когда пришел в себя, ему стало стыдно. Он лег и заснул. Но вскоре снова проснулся. Мать сидела на кровати и чинила какую-то одежду. Отец разувался. Похоже, он только что пришел с улицы.

— Сижу вот сейчас и думаю: как он там, в лесу, будет? Сквозь слезы иголки не вижу, — говорила мать.

— Вот река замерзнет, — ответил отец, — он и пройдет по льду. Ему главное — до Караговской пуши добраться, а там найдет своих. Рассказывал он мне, как его подстрелили и как отстал от своих. Я его снова звал в избу, говорю: скорее выздоровеешь, — а он: нет и нет! «Лучше, чтоб чужие глаза меня не видели. Не хочу, — говорит, — хороших людей губить. Узнай немец, что вы меня прячете, от дома пепла не останется и вас убьют».

— Не дай бог!

— Сосчитал патроны, сложил в шапку,

сказал: «Рассчитаемся с немцами за все свинцом!» — рассказывал отец.

Степа не все понял из разговора родителей. Но, ясное дело, не о телянке и не о Лепснемаре речь. Отец говорит о человеке. О ком-то, кто пришел к ним раненный. Это его прячут на сене, в сарае.

Ночью неожиданно ударил мороз, и утром все лужи замерзли. Степа забыл обо всем на свете. Гладкий, белый, как молоко, лед лежал в оврагах. На озере, возле мельницы, толпились ребята. Собравшись сначала в тесную кучку, они рассыпались потом по льду, как горох по столу. При свете солнца, как искры, блестели коньки!

Степа отпросился на речку.

— Иди, только с детьми старосты не катяйся: знаешь, какие это язвы! И отец их такой же, за копейку продаст человека! — предупредила мать.

— Один, мамочка, буду кататься. На этом краю речки, возле озера, — пообещал мальчик.

Он подвязал на правую ногу свой единственный конек, а на левую — дощечку и убежал. Кое-как, скользя на одной ноге, добрался он до речки. Здесь не было ветра и лед был крепок.

Сначала Степа осмеливался скользить только у самого берега, потом пересек речку поперек — лед не треснул. Не прошло и часу, как появились сыновья старосты. Примчались на коньках с озера. Степа совсем забыл предупреждение матери — так весело было кататься! У старшего сына старосты, у Прунце, было на каждой ноге по коньку — настоящему, железному, с ремешками! Таких чудесных коньков Степа еще не видел. Прунце так быстро мчался, что никто не мог его догнать. Он умел кататься и на одной ноге и на двух. Увидев Степу, Прунце закричал:

— А ну-ка, прокатись вот так — отдам коньки! — И, пробежав немного, круто повернул — и покатился назад.

У обоих его братьев было по одному коньку, но они старались не отставать от старшего. Пригибаясь, они выписывали на льду круги и кричали Степе:

— Прокатись так — дадим игрушку!

— Куда ему на его колодке! Да еще с гвоздями! Только лед испортил! — с презрением отозвался Прунце.

Степе уже не хотелось кататься. Он стоял у берега униженный, оскорбленный.

— Ноги в обмотках, как у нищего, — бросил младший сын старосты.

Степа не выдержал унижений и отрезал:

— Так я тебе и скажу!

— Чего ты рассердился? Хочешь, сниму коньки, и можешь кататься! Хоть целый час кататься... Скажи!

— Не скажу!

— Мне отец сделает коньки, еще лучше ваших!

— Ничего твой отец не умеет, вот наш — сделает все, что захочет, — ответил Прунце.

— А мой отец дудочку может сделать и ружье, — не уступал Степа.

— Спроси своего отца, может, он тебе крючок сделает, чтобы чистить нос? — ехидно бросил Прунце и, пролетая мимо, так стукнул Степу, что тот взмахнул руками и покатился по льду.

Сыновья старосты хохотали. Едва Степа встал, сорванцы снова толкнули его. И Степа снова растянулся. Кое-как сполз он со льда, поднялся, отряхнул одежду и сказал:

— А что я знаю! Что знаю!.. Что у нас в сарае!.. А вы ничего не знаете!.. Если бы я сказал, вы бы мне все свои игрушки отдали, и коньки, и голубей. Вот! А я не скажу!

Дети старосты раскрыли рты. Старший спросил:

— А что там?

— А если пару голубей дам?

— Не скажу!

— А если книгу с картинками?

— Не скажу!

Прунце схватил Степу за руку и начал ее выкручивать. У Степы потемнело в глазах. Увидев искаженное злобой лицо Прунце, мальчик понял, что он в руках врага. Понял Степа и то, что он сделал что-то страшное, нехорошее. Понял, что он не должен был ничего говорить. На мгновение Степа представил себе раненого, лежащего на сене, вспомнил о людях, повешенных гитлеровцами в Бурбинесе, и безграничный страх овладел им.

— Скажешь? — Прунце бросил Степу на лед и так заломил его руку, так надавил коленями на грудь, что Степа не выдержал.

— Пусти, скажу!

Но это был обман. Желание освободиться на мгновение от мук, а потом — хоть умереть. Прунце отпустил руку.

— Заяц там, — сказал Степа, не задумываясь, лишь бы что-нибудь сказать.

— Какой заяц? Живой?..

— Неживой, — ответил Степа, не сознавая, что говорит.

Прунце встал, опустил руку в карман, медленно вынул горсть гороха. Жует горох и смотрит на Степу. Оба брата стали рядом.

— Ясно, — сказал Прунце. — Теперь ясно, кто наши капканы очищает... Ты?!

— Я, — ответил Степа, не боясь наказания, беря на себя мнимую вину, лишь бы только не выдать тайну.

— Сколько зайцев нашел в капканах? — опять спросил Прунце, грозно озирая Степу.

— Одного, — спокойно ответил мальчик и локтем закрыл лицо, ожидая удара.

— Врешь, воришка! — крикнул Прунце и так ударил Степу в грудь, что мальчик закричал и скорчился. Второй удар пришелся в подбородок, и Степа свалился, ударившись затылком об лед. Ему показалось, будто солнце растянулось на небе длинным полотенцем, а потом посыпались искры и стало темно.

Когда Степа очнулся, кругом никого не

было. Лед, расцарапанный коньками, блестел и искрился. Степа приподнял голову и почувствовал невыносимую боль. На льду расплылось багровое пятно. Мальчик попробовал встать, но тут же упал. Один глаз у него заплыл и ничего не видел. Степа подумал, что умрет здесь на льду и вороны выклюют ему глаза. Эта мысль придала Степе силы, и он пополз.

Как Степа добрался домой, как его встретила мать, он не помнит. Только когда его раздевали и перевязывали, он все повторял:

— Катался... катался... катался...

— И упал, милый? — помогла мать.

— И упал... — обрадовался Степа, что мать догадалась, о чем он хочет сказать.

Когда Степа выздоровел и в первый раз подошел к окну, не только речка, но и большая река уже была покрыта льдом. Из разговоров родителей мальчик понял, что человек, который прятался в сарае, благополучно перебрался на ту сторону в темные леса, которые тянулись до края неба.

Перевели с литовского
Ф. Татарская и Г. Раздвяичене.

Р Ы Б А К

Римма ГАЛИНСКАЯ

Наша речка в половодье
Неоглядно широка.
В жаркий день над нею ходят
Кучевые облака...

Вся в мельканье,
вся в движенье,
За волной спешит волна,
И в струистом отраженьи
Не видать речного дна.

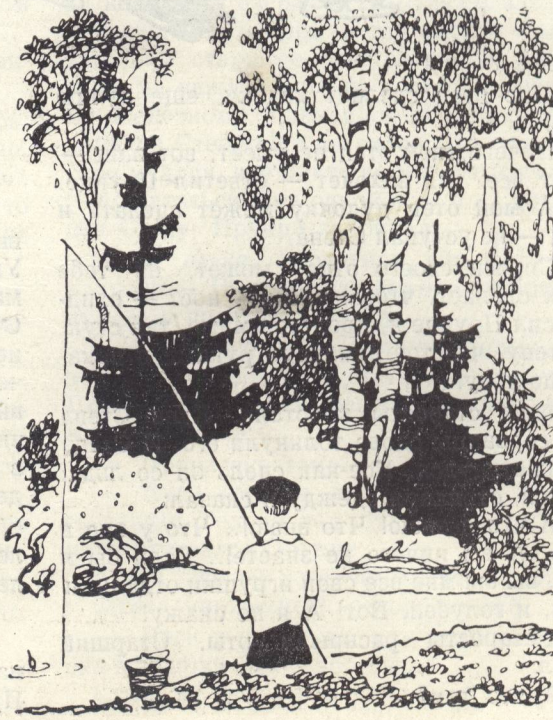
И весной и знойным летом,
Вплоть до зимних холодов,
Я с рассвета до рассвета
Над рекой сидеть готов.

Ждать,
волнуясь, замирая,
Чтобы дрогнул поплавок:
Может, рыбка золотая
Попадет на крючок!

Если ж чуда никакого
Не случится,
не беда!
Хоть карасика простого
Пусть подарит мне вода!

В глубину смотрю я зорко,
Пахнет сыростью трава...
Трепыхается в ведерке
Одинокая плотва.

Рисунок Н. Цейтлина.

Шура Котульский

Журнал "КОРАБЛИК"

И ЕГО ИЗДАТЕЛЬ

Несколько лет назад ко мне в руки попала довольно толстая папка. О том, что я в ней нашел и что узнал из нее, рассказано в этом очерке.

ил-был в Ленинграде, на Васильевском Острове, мальчик по имени Шура, по фамилии Котульский. Жил он с папой и с мамой и, как все дети, любил играть.

Шуре нравилось строить корабли и пускаться в дальние плавания. Конечно, с приключениями. Чтобы девятый вал... и все такое.

Уже по всем комнатам-морям плыли его корабли — самодельные и покупные, — а Шура не унимался. Без конца пилил, строгал, что-то доделывал в них.

— Чтобы были, как настоящие!..

Флот все рос и рос.

И для чего был нужен такой огромный флот, — никто из домашних не знал. Но Шурка, шестилетний Александр Котульский, уже тогда, как говорится, строил грандиозные планы.

Он основывал никому дотоле неизвестное государство, Александрийскую Республику (названную, очевидно, по его имени: Александр), и для этого государства нужен был, понятно, нешуточный флот.

«Военный Александрийский флот велик, — писал он, когда ему было семь лет. — Два миллиона кораблей постоянно шныряют по порту, но и порт не мал — пятьсот квадратных миль и с громадным маяком на черной скале».

Не будем гадать, как на пятистах квадратных милях могло уместиться два миллиона кораблей. Если они все входили в комнаты обыкновенного ленинградского дома, то уж в порту-то, наверно, для них был суций простор!

И если бы понадобилось дать имена всем этим кораблям, Шурка, еще не умевший считать до тысячи, решил бы эту задачу с легкостью.

«Победоносец», «Аравийское солнце», «Маюба», «Рас-Фарлак», «9-й вал», «Июкогама», «Семга», «Огонь», «Республиканец», «Пират», «Дер-Бер», «Поэт», «Свобода», «Питон», «Буря», «Этуаль», «Вакула», «Джиоконда», «Нарвал», «Колосс», «Араб», «Сокол» и еще десятки — да что десятки! — миллионы крейсеров, броненосцев, ледоколов, дредноутов, океанских пароходов, линкоров, зверобойных судов, шлюпок, яхт и лодок «шныряли» в александрийском порту.

Шура мог дать каждому кораблю подробную характеристику, не упуская ничего важного.

«Вчера выступил новый корабль «Поэт», — сообщал он, — знаменитый военный крейсер, 9 дюймов в пушках. Он проходит в 8 минут версту. Пароход большой и массивный. Пушки хорошие и крепкие, стреляют далеко. С четырьмя трубами... с огромным гюйсом на носу. Мачты на нем высокие, радио хорошее. Но

чтобы был красивый, я не скажу. Трубы стоят не одна около другой, а за сажень расстоянием...»

Можно себе представить, каких гигантских размеров была эта Александрия, если ее порт — пусть самый главный — занимал пятьсот квадратных миль и вмещал одновременно два миллиона кораблей!

Основателя и главу этого государства нисколько не смущало, что оно до сих пор остается никому не известным и что на карте мира для него вряд ли отыщется еще не обжитое местечко.

Для солидности Шура придумал, что Александрия возникла не в 1926 году, а гораздо раньше, в 1907-м. Таким образом, в 1930-м можно было уже отметить двадцатитрехлетний юбилей республики. И, как полагается на юбилеях, вспомнить, с чего началась Александрия.

«Это было в 1907 году... На диких, безлюдных бирюзовых водах качается пароход «Новичок». На борту копошатся люди: разбивают палатки и строят дом, небольшой, одноэтажный, но крепкий и в конце концов удобный и хороший! На готовой части дома уже развевается александрийский трехцветный флаг. Но вместе с тем этот дом должен служить крепостью в случае осады...»

Трудно приходилось на первых порах да и потом Александрийской Республике. Ее постоянно осаждали враги. Особенно беспокойно было на границах. Лучшие люди Александрии гибли, отстаивая ее независимость. Так погиб герой Вакула Победов. Под его портретом, где он в полной форме, на белом коне, сказано: «Вакулин Алексеевич Победов принес нам большую пользу тем, что спас Александрию...» Вот какой это был герой!

В честь него в столице Александрийской Республики Толстойграде назвали улицу проспектом Вакулы Победова.

Вот на этом-то проспекте, в доме № 183, и помещалась редакция рукописного журнала «Кораблик».

2

Первый номер «Кораблика» вышел в 1926 году. На обыкновенной ученической тетрадке в три косых.

Но такими неказистыми были только первые номера. Немного позже, когда журнал стал «ежемесячным», а затем и «ежемесячным иллюстрированным», его подросток-издатель аккуратно шивал белые листы, писал уже не простым карандашом, а чернилами или тушью. Иногда даже перепечатывал свой журнал, иллюстрируя его красочными рисунками и выпуская в ярких, необычайных обложках.

С каждым номером «Кораблик» все хорошел, только вот тираж его не увеличивался — один, всего один экземпляр!

Однако издатель словно забыл про это. Он ежегодно весьма торжественно проводил подписку на «Кораблик», вручение номера подписчику и т. п.

Делалось это так. В первом номере редакция печатала разочаровывающее объявление. Оно гласило:

«Ввиду того, что все экземпляры журнала «Кораблик» исчерпаны, подписка на 1930 год ПРЕКРАЩАЕТСЯ».

В № 3 убежденному читателю предлагалось разгадать ребус, смысл которого был все тот же:

«Подписка на журнал «Кораблик» прекращена».

Примерно в середине года издатель считал нужным ободрить своего подписчика:

«Подписчик, показывая своим знакомым «Кораблик». Скажи им, чтобы в 1931 году они не опоздали с подпиской. В будущем году тираж «Кораблика» увеличится».

И наконец в последних номерах спешил обрадовать: «Открыта подписка!..»

Срочно распространялись подписные листы журнала, где издатель против эмблемы — плывущего под парусами корабля — указывал условия подписки (цену на год, на шесть месяцев) и адрес редакции (Толстойград, проспект Вакулы Победова, 183), а подписчику оставалось проставить свою фамилию, имя, отчество, срок подписки и домашний адрес.

Желающих было много! Но журнал из года в год приходил на 4-ю линию Васильевского Острова, в дом № 5, квартиру № 4, на имя Надежды Клавдиевны Котульской, матери издателя, или иногда на проспект Майорова, где жили его родные.

Это была счастливая игра, в которой безо всякой снисходительности принимали участие взрослые, все, кто узнавал о существовании необыкновенного журнала.

Журнал и вправду был необыкновенный, но издатель почему-то старался, чтобы номера «Кораблика» во всем походили на номера известных журналов.

— Чтобы были, как настоящие!..

Пониже объявления «Открыта подписка» шло другое: «Сотрудничают художники Н. А. Бюсс, Г. Антипов, П. Косуля, Н. Полтавин, Н. Грозный, Солиманов, Ялтин, Миревич, Биргенсен. Прозаики и поэты: А. Лианский, В. Миражский, К. Костюков, Д. Кумашевский, Людвиков, Киркин, Хириков, Дунаев и другие. Ответственный редактор т. Малышкин».

Шурка так же щедро изобретал фамилии сотрудников, как имена кораблей. Если привести здесь только те псевдонимы, под которыми он чаще всего помещал в журнале свои стихи, рассказы, пьесы, повести, романы и многочисленные иллюстрации к ним, на это не хватит целой страницы.

И что особенно интересно — любой псевдоним не был для него условным значком, фамилией без человека. Он знал не только то, что Миражского, например, зовут Василием Васильевичем, а Лианского — Александром Ивановичем, но и всю их жизнь, и уж, во всяком случае, гораздо больше того, что обязан знать издатель о своем авторе или художнике.

Одно время в «Кораблике» сотрудничал другой художник А. С. Бюсс. Хорошие у него были рисунки, но почему-то вдруг они перестали появляться в журнале. В «Хронике» № 12 за 1929 год издатель сообщал: «Тяжело заболел известный художник А. С. Бюсс. Старик при смерти. Лучшие врачи А. Р. [Александрийской Республики] выяснили, что у него рак. На выздоровление мало шансов».

А уже в следующем номере читатель прочел некролог:

«5-го января 1930 года в 4 часа утра скончался старый сотрудник «Кораблика» А. С. Бюсс. Александр Сергеевич Бюсс родился в Данциге в 1857 году. Пятнадцати лет он окончил школу и поехал путешествовать. Отец его был бедный крестьянин, и он потихоньку пролез на пароход и спрятался в трюме. Пароход совершал правильные пассажирские рейсы между Данцигом и Лондоном. А. С. прослужил на пароходе до 1878 года, а затем остался в Лондоне и окончил там Академию художеств. По окончании Академии у него ничего не осталось из корабельного заработка, и он зарабатывал мелкими рисунками. В 1907 году он примкнул к группе александрийцев и был активным организатором Александрийской Академии художеств (ААХ). В 1927 году А. С. начал сотрудничать в «Кораблике» и сотрудничал до самой смерти. А. Бюсс умер 73 лет».

С наименьшим почетом отмечал он и юбилей своих сотрудников. Когда в 30-м году ответственному редактору «Кораблика» т. Малышкину исполнилось пятьдесят лет (редактором «Кораблика» был, разумеется, человек пожилой и солидный), издатель не преминул сообщить об этом читателям журнала и тут же поместил его поясной портрет. Кетати, читатель был знаком по портретам с большинством писателей и художников и узнавал их лица, сколько бы раз они ни воспроизводились.

Сотрудничать в «Кораблике», видно по всему, было одно удовольствие!

В каждом номере журнал обязательно печатал один-два новых рассказа, роман или повесть с продолжением, а иногда то и другое вместе, какую-нибудь сценку, до десятка новых стихотворений и в заключение, в отделе «Чистка мозгов», — викторины, шарады, ребусы и кроссворды. Все содержание журнала богато иллюстрировалось рисунками, выполненными пером или кистью.

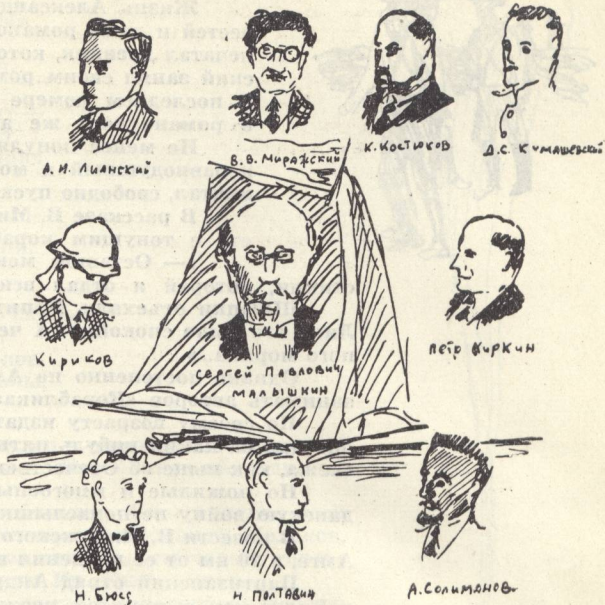
Трудно сказать, что в «Кораблике» было лучше: стихи или проза? А может быть, иллюстрации к ним?

Если вспомнить, что все тут от начала до конца делал один человек, нельзя не подивиться щедрости и разнообразию его талантов.

На страницах «Кораблика» Александрия зажила новой жизнью. Теперь все, что происходило в ней, становилось известно читателям журнала. Подробная «Хроника», публикуемая в каждом номере, сообщала о победах и потерях александрийцев на границах, о выходе из толстойградского порта в кругосветное плавание лучшего корабля страны «Победоносца», а потом вести с пути («В Син-

НАШИ СОТРУДНИКИ -

лучшие Писатели и художники!

гапур не опоздали. Штиль», «Все благополучно. Вышли в Тихий океан», «Победоносец»... прошел через Панамский канал. В Тихом океане больших бурь не было) и многое другое.

Жизнь Александрии служила сюжетом для рассказов, стихов, повестей и даже романов. В нескольких номерах 1929 года В. Миражский печатал дневник, который он вел в пограничной деревне Эль-бир. Лианский занял своим романом «В горах А. Р.» восемь номеров за 1930 год. В последнем номере было примечание: «Продолжение этого романа — в романе того же автора «Белый лев».

Не менее популярны были в журнале морские сюжеты. Издатель, равнодушный к морю, кораблям и путешествиям, о которых втайне мечтал, свободно пускался на своем «Кораблике» по морям-океанам.

В рассказе В. Миражского «Старый капитан» командир гибнет вместе с тонущим кораблем.

«— Оставьте меня одного! — восклицает он. — Пусть я умру в той стихии, которой я отдал всю свою жизнь!

Шлюпки отъехали. Капитан все так же стоял на мостике и смотрел вдаль. Лицо его было спокойно. А через минуту разъяренные волны поглотили отважного моряка...»

Однако постепенно не Александрия и не море, а совсем иные темы стали занимать авторов «Кораблика», вернее, самого Александра Котульского.

По своему возрасту издатель не успел участвовать в гражданской войне, опоздал на каких-нибудь пятнадцать лет. А память о ней была в те годы так же свежа, как ныне об Отечественной.

Но пожилые и многоопытные сотрудники журнала, конечно, знали гражданскую войну не понаслышке и повествовали о ней со всеми подробностями.

В повести В. Миражского «Андрей!» действие происходит в Сибири, «на реке Амге, в 20 км от ее впадения в Алдан».

Партизанский отряд Андрея Буранова победил в «первых четырех битвах» с Колчаком, а в пятой неожиданно потерпел поражение, и Андрей вместе со своим товарищем якутом Одноухим чудом спасся. Вскоре они потеряли друг

друга. Пробираясь по тайге, Буранов напал на двух колчаковцев, разоружил их и переделался в их форму. А когда после долгих скитаний снова встретился с Одноухим, тот, не узнав его сразу, застрелил Андрея. Так трагически заканчивалась эта повесть.

Однажды летом издатель «Кораблика» гостил у родных на Свирьстрое. На реке Свирь тогда строили самую большую электростанцию первой советской пятiletки. Наблюдая, как идут работы, он быстро набросал стихи к очередному номеру:

Старые воды,
Старый и лес...
Новая станция
Свирская ГЭС.

Взятые из самой жизни, они были настолько необычны для журнала, что издатель поместил их без подписи, не придумав псевдонима их автору, хотя другие стихи в том же номере значились под фамилиями Б. Родунцова, В. Миражского, Б. Лопухова, А. Лианского, А. Балунина.

В следующий раз он оказался находчивее и «послал» в Хибинь испытанного сотрудника «Кораблика» А. Лианского. «В 1933 году, — сообщала редакция, — Александр Иванович Лианский совершил путешествие по северу СССР. Под впечатлением этого путешествия он написал поэму «Хибинь».

В Хибинах только что открыли богатейшие залежи апатитов, и на Кольском полуострове возникали новые советские города: Кировск, Мончегорск. Здесь трудился отец издателя профессор-геолог В. К. Котульский. Гуляя с ним по холмам около Кировска, издатель спускался в рудники, собирал минералы и слушал увлекательные рассказы отца о геологической истории Хибин. Придя домой, он сразу написал вступление к поэме:

И для полей страна имеет
Не из Марокко фосфориты,
Хибин подарок —
апатиты.

Во всем блеске предстали богатства Хибин в точных, как сама наука, строчках «Вступления»:

Словно рубин — эвдиалит,
Как сахар белый — апатит,
Темно-зеленый эгирип,
Подобный стали пирротин,
Иссиня-черный лопарит,
Медово-желтый ловчорит —
Их согни видов там лежат,
Тая свой праздничный наряд
Под выветрелою корою.
Во времена археозоя,
В далекой юности земли
Цветы кристаллов расцвели.
Эпохи там они лежали,
Теперь веселый молоток
Дробит блестящей сталью скалы,
Срывает за куском кусок.
Блестящая гранями кристаллов,
Лежат в музеях минералы.

Осенью, когда тринадцатилетний издатель вернулся в школу, он в несколько вечеров дописал поэму. Вскоре она была помещена в «Кораблике» как одно из лучших сочинений поэта и прозаика А. Лианского.

«Кораблик», издававшийся в неведомом Толстойграде, был в курсе всей жизни советской страны. Летели на спасение челюскинцев Водопьянов, Молоков, Ляпидевский — в журнале печатались стихи Д. Кумашевского, отмечалась годовщина освобождения Кронштадта — ей посвящал стихи Ив. Калинин.

Да и все значительное, что случилось в мире, почти с газетной скоростью находило отклик в «Кораблике». И не в какой-нибудь заметке, а в рассказах, повестях и романах: журнал ведь был литературно-художественный.

Когда фашист Муссолини вел разбойничью войну в Абиссинии, чтобы превратить Абиссинию в итальянскую колонию, журнал «Кораблик» печатал роман В. Миражского «Этуаль». Герой этого романа свободолюбивый матрос Сампъен случайно узнает, что «Этуаль» везет оружие итальянским фашистам. Сампъен погибает сам, но «Этуаль» с грузом оружия отправляется на дно.

То же высокое чувство заставляет другого героя (из рассказа П. Кирикова «Смерть Густава Вольфа») идти на смерть в чужой земле.

В Испанию, где в схватке с фашизмом за республику борются не только испанцы, но и люди других национальностей, приезжает гамбургский рабочий Густав Вольф. У него обычная для немецкого коммуниста судьба: в 1933 году арестован, заключен в концлагерь, а теперь бежал от Гитлера. В Испании Густав Вольф возглавляет отряд немецких рабочих.

«Товарищи! — сказал Вольф, собрав [перед наступлением] свой отряд. — Борьба испанских братьев так же близка нам, как наша борьба за свободную Германию. Я надеюсь, что нам еще придется встретиться с бандой Гитлера в открытом бою. Знайте, что, нанося удар Франко, мы наносим удар мировому фашизму! За свободную Испанию! Рот фронт!»

Нет, «Кораблик», выходящий в Толстойграде, не отставал от жизни. Самые благородные ветры 30-х годов дули в его паруса. И кормчий Александр Котульский, ленинградский школьник, зорко следил за направлением этих ветров.

Ну, а как же Александрия? Неужели совсем забыта эта удивительная, фантастическая страна?!

Конечно, нет, разве мог он ее забыть?

В то время как в нашей стране только и говорили, что об экспедиции четверки Папанина на Северный полюс, в Александрии снаряжалась большая экспедиция на Южный. Он просто был, очевидно, ближе к Александрии, доступней. Вот и все. Издателю, конечно, и в голову не могло прийти, что описанная в «Кораблике» экспедиция Общества Друзей Путешествий в Антарктику не только превосходит советские экспедиции, которые отправились туда через двадцать лет.

Но так уж всегда было в чудесном «Кораблике», на страницах которого переплетались мечта и действительность: игра, сказка звучала, как быль, а быль — как сказка.

— Они угнали мою машину! — закричал Эшвилл.

— Проклятые! Это был Хеллингер!

Глава XI

Месть Большого Дизмаля

— Сэнчер, отправляйтесь в погоню. Возьмите

ли годы. Издателю, начинавшему свое дело в шесть лет, исполнилось уже шестнадцать. На титульном листе он теперь с гордостью помещал: «Год издания десятый». Десятый — не шутка! Не всякий журнал мог похвастать десятилетней историей.

И как-то незаметно пришла для Александра Котульского пора расстаться с «Корабликом», с придуманными сотрудниками, от имени которых писал стихи и прозу, с не существующей на свете страной Александрией.

Детство кончилось.

В незавершенном стихотворении издатель с грустью вспоминал:

А мой «Кораблик», ветром позабыт,
У пристани бревенчатой стоит.

А был замечен бородой и стажем
В эскадре с оловянным экипажем.

Хотел я в море выйти из пруда,
Там буйная и горькая вода!

1935 г.

КОРАБЛИК

№ 6

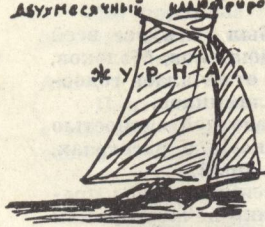
Абу-Месачиний иллибрированный

(71)

Ж У Р Н А Л

НОЯБРЬ 1935 г.

Год издания
ДЕВЯТЫЙ

Да, закрылся в Толстойграде журнал «Кораблик», издатель навсегда покинул Александрию, но писать стихи не перестал. Только это были стихи уже не Александра Лианского, не Кирилла Альбанина или Петра Киркина, а просто Александра Котульского.

В эти годы он, как и многие юные стихотворцы Ленинграда, посещает замечательную школу — Дом литературного воспитания, руководимый Самуилом Яковлевичем Маршаким.

Поэзию здесь преподавали наряду с наукой, техникой, искусством. Думал ли он стать поэтом? Пожалуй, что нет. Он им был. И все же «главным делом своей жизни, — рассказывает его мать Надежда Клавдиевна Котульская, — он считал геологию», хотя с самого раннего детства и до самого последнего времени любил и писал стихи. Некоторые он по многу раз переписывал и передо- лывал.

— Чтобы были настоящие!..

Он пошел по стопам отца — поступил в Ленинградский горный институт, чтобы стать геологом.

В стихотворении «Мысли о будущем» он говорит о своей мечте:

В глубины тайные проникнуть жадным взором,
И оживить в веках песчаник и гранит,
И землю ту познать, что на груди хранит
Страны моей свободные просторы.
Бесценных руд неисчислимый клад
Освободить из каменного плена —
Вот цель моя!

И дальше — как предсказание:

Я знаю жизни цену
И дню грядущему без опасенья рад.
.....
И если враг, полки свои гоня,
Полезет к нам за землями, за властью,
Народ поднимется, объятый гневной страстью,
И я займу свой пост на линии огня!

Именно так мог сказать о себе в предвоенные годы любой советский юноша. Именно так думал и чувствовал Александр Котульский — двадцатилетний советский человек, ушедший на Отечественную войну:

И я займу свой пост на линии огня!

Эту клятву он исполнил в первый же год войны.

Осенью 1941 года, когда гитлеровцы стояли под Ленинградом, он сражался в студенческом батальоне и погиб в бою. Погиб Александр Котульский, основатель Александрии, издатель «Кораблика», настоящий человек и поэт.

Мастерская "ЗОЛОТЫЕ РУКИ"

Дайте мне точку опоры.
АРХИМЕД

Все вы, ребята, восхищались подвигами советских космонавтов: Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева и Павла Поповича. Многие из вас хотят стать строителями могучих космических кораблей. Но это в будущем. А сейчас вы строите модели, чтобы самим, своими руками пощупать это будущее. Приглашаем вас в нашу мастерскую.

Принцип действия ракеты очень прост: чтобы двинуться вперед, нужно от чего-то оттолкнуться или, иначе, что-то толкнуть назад. Прыгая с берега в воду, мы отталкиваемся от земли.

Земля большая, она отбросится практически совсем-совсем незаметно. Теперь прыгаем с лодки. Лодка легкая. Она буквально выскальзывает из-под ног. И прыгнули мы ближе: лодка съела часть энергии. Чем легче лодка, тем легче она отбрасывается, тем труднее с нею прыгать.

А в космосе? Там пустота. Там не найдешь даже самой маленькой лодочки. Опору в космос берут с собой в виде запасов топлива. Топливо сжигают, и полученные газы отбрасывают назад с огромной скоростью. Больше топлива — тяжелей опора. Большая ракета на четыре пятых заполнена топливом. Только одна пятая — груз, баки для топлива, двигатель.

Топливо на ракете — и опора и источник энергии. Космическая ракета с жидкостным ракетным двига-

телем вмещает цистерны топлива. При разгоне ракета выжигает весь запас топлива за несколько минут. Трудно себе представить подобное море огня! По мощности двигатель космической ракеты не имеет себе равных среди машин, созданных человеческими руками. И вся его мощь идет на созидание — на создание нового космического тела. Итак, для модели нам нужен легкий двигатель, такой, чтобы он выбрасывал назад много газов. Могу сказать без преувеличения, что вы много раз держали его в руках. Это обычный воздушный шарик. Надутый шарик вмещает воздуха в три раза больше собственного веса. Стоит только открыть отверстие, или «аппендикс», как его называют, и... шарик беспомощно закружится на месте.

УСТОЙЧИВОСТЬ И ЕЩЕ РАЗ УСТОЙЧИВОСТЬ

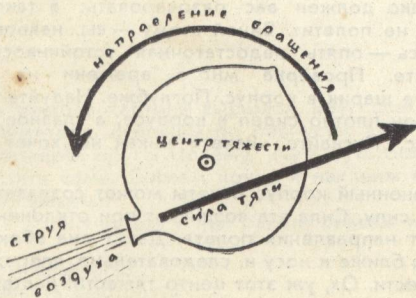
казывается, мало иметь двигатель. Его надо суметь направить. Сила тяги лежит на одной линии с газовой струей и направлена в противоположную сторону. Наша беда получилась оттого, что шарик не совсем симметричен. Струя газов выходит из него несколько косо. Сила тяги проходит мимо центра тяжести. Она не только толкает шарик, но и закручивает его, заставляет его кувыркаться.

Надо шарик стабилизировать. Сделать так, чтобы сопло ракеты-шарика в полете все время смотрело в одну сторону.

Давайте подумаем: что можно приспособить? Что вот так вот стоит?

Волчок!

Стоит на острие, а ручка все время смотрит в одну сторону!

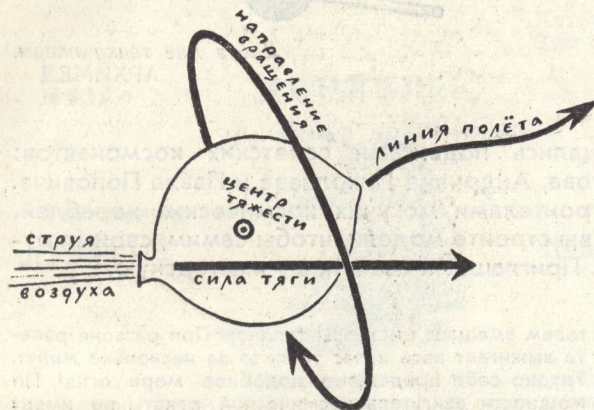
Пробуем. Надуваем шарик. Но теперь, отпуская «аппендикс», резко повернем руку. Закрутим шарик вокруг сопла.

Ракета пошла.

Вращением создают устойчивость сравнительно небольших ракет. Крутят, конечно, не руками. Тут никаких рук не хватит. Крутят ракету те же газы. Вокруг ракеты ставят венчик из небольших сопел — своего рода газовую турбинку. Сопла направляют по винтовой линии. Вырывающиеся газы толкают ракету, они же закручивают ее вокруг линии тяги.

Посмотрим, как работает такая турбина.

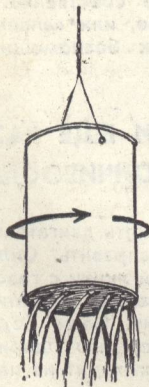
Возьмем пустую консервную банку без крышки, молоток, нитки и гвоздь. Гвоздь нужен толщиной 2—3 миллиметра. В доннышке банки гвоздем через равные промежутки (у ободка, по самому краю) пробьем 8—10 отверстий. Затем, пользуясь гвоздем как рычагом, повернем отверстия так, чтобы они смотрели в одну сторону по окружности. Для этого

вставим в отверстие гвоздь и наклоним гвоздь вдоль ободка до упора. Венчик сопел готов!

Теперь пробьем еще два отверстия у верхнего края банки, напротив друг друга. Сделаем у нашей банки из нитки ручку, как у ведра. За эту ручку мы и подвесим нашу банку на нитке. Нам важно, чтобы банка висела вертикально и свободно вращалась. Нальем в банку воды. Вытекающие струйки раскрутят банку вокруг вертикальной оси. Силу тяги наша турбинка не даст: слишком мала скорость вытекающей воды. Чтобы получить заметную тягу, надо было бы с силой выталкивать воду из сопел. Сильнее. Еще сильнее! Теперь представьте себе, с какой скоростью начала бы вращаться банка. А с какой скоростью вращается ракета при той силе тяги, которую создают вырывающиеся газы?! Конечно, при такой скорости вращения ракета будет устойчива.

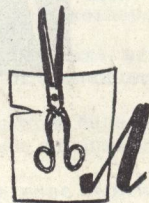
То, что хорошо для маленькой ракеты, не всегда подойдет для большой. Попытаться раскрутить волчком громаду космической ракеты по меньшей мере наивно. Существуют другие, более экономные способы добиться устойчивости. Ставят автопилот. Автопилот — умная машина. Отклонится ракета — автопилот отклонит рули, вернет ракету на место. Вы скажете, что в космосе пустота, рули там не будут действовать. Но ведь на ракете много своих газов. Для управления в космосе рули ставят в струю дви-

гателя. Они так и называются: газовые рули. А иногда просто отклоняют весь двигатель.

И все-таки она вертится.

Было бы неразумно отказываться от хорошей идеи. Вертится, правда, не сама ракета, а маленький волчок — гироскоп — внутри нее. Ось гироскопа все время смотрит в одну сторону, а автопилот сравнивает положение ракеты в пространстве с положением оси гироскопа и направляет ракету в нужную сторону.

БАЛЛИСТИЧЕСКАЯ РАКЕТА

етает теперь наш шарик. Но где вы видели ракету в виде шара? Шар — плохо обтекаемое тело. Он испытывает в полете большое сопротивление воздуха. Давайте и мы совершенствовать нашу раке-

ту. Придадим ей удлиненную форму. Склеим из бумаги оболочку и вдвем в нее шарик. Шарик заполнит оболочку и сам примет удлиненную форму. Было бы заманчиво сделать ракету с длинным шариком-колбасой, но длинный шарик почему-то дает слишком маленькую тягу. Попробуйте вы. Может быть, вам удастся что-нибудь придумать.

Самая простая оболочка — это цилиндр, заостренный спереди. Оболочку склеим из папиросной бумаги. Длина цилиндра — 180 миллиметров, диаметр — 160 миллиметров. Чтобы сделать такой цилиндр, нужно склеить прямоугольник из папиросной бумаги 500 миллиметров длиной и 180 миллиметров шириной. Для носового конуса вырежем круг диаметром 210 миллиметров. Отрежем по радиусам четверть круга. Край разреза склеим. Носовой конус нужно соединить с цилиндрической частью. Намажем край конуса снаружи клеем. Осторожно вставим конус в цилиндр. Придерживая изнутри рукой, будем приклеивать цилиндр к конусу, постепенно загибая край цилиндра шириной примерно полсантиметра. Чтобы корпус не лопнул, его полезно обмотать ниткой по винтовой линии так, чтобы виток от витка лежал в 25—30 миллиметрах. Разумеется, нитку надо намазать клеем.

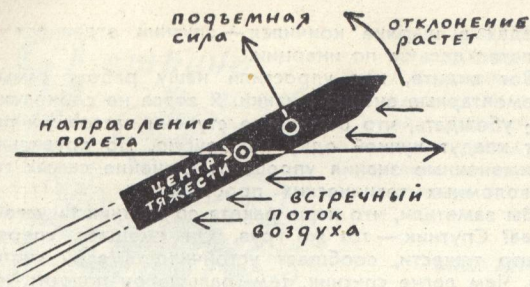

Дайте клею хорошенько высохнуть.

Корпус готов!

Однако должен вас разочаровать: в таком виде ракета не полетит. Виной этому — вы, наверное, догадались — опять недостаточная устойчивость. Попробуйте. Проверка много времени не займет. Вставьте шарик в корпус. Поглубже. Надуйте его так, чтобы он плотно сидел в корпусе, а главное, наполнил нос. Пускайте. Ракета никак не хочет лететь прямо.

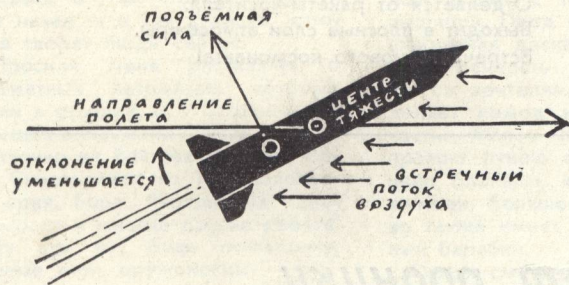
Удлиненный корпус ракеты может создавать подъемную силу. Сила эта возникает при отклонении корпуса от направления полета. Давит она вбок и приложена ближе к носу и, следовательно, впереди центра тяжести. Ох, уж этот центр тяжести! Растет откло-

нение — растёт сила. И как только она появляется, она буквально тянет ракету за нос, уводит ее от направления полета, чем дальше, тем сильнее.

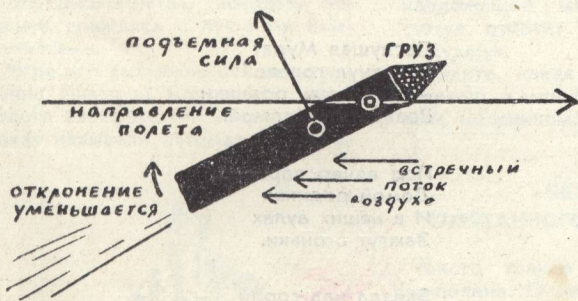
Ракета неустойчива.

Ясно, что подъемная сила должна быть приложена позади центра тяжести, тогда она будет тащить хвост и возвращать ракету на место.

Теперь мы знаем, что делать. У нас даже есть выбор. Мы можем сместить подъемную силу назад, приклеив сзади ракеты крылышки — хвост. Можем сдвинуть вперед центр тяжести, заложив в головку груз.

Хвост нам, прямо скажем, клеить некуда. Заложим груз.

Из тонкого картона вырежем круг диаметром 40 миллиметров,отрежем по радиусам чуть-чуть больше четверти круга. Почему «чуть-чуть больше», сообразите сами. Согнем конус и наклеим его на нос нашей ракеты.

Вот и получилась у нас ракета совсем как настоящая.

Сомневаетесь?

Давайте посмотреть.

СОВСЕМ КАК НАСТОЯЩАЯ

сю нашу ракету занимает шарик с запасом воздуха. Только в головке лежит немного груза.

Большая космическая ракета напоминает бидон с топливом, в крышку которого заделан полезный груз.

Наша ракета без груза не летает.

Положение центра тяжести важно и для космической ракеты.

Первую часть пути ракета всегда проходит в атмосфере. Если вы захотите просто испытать саму космическую ракету, то вместо полезного груза вам придется положить равный по весу балласт.

Наша ракета мягкая, как папиросная бумага. Она держит форму только в надутом состоянии.

Скорость полета ракеты во многом зависит от того, сколько удалось взять килограммов топлива на один килограмм пустой ракеты. Корпус космической ракеты при большом объеме должен быть предельно легкий. Здесь не мешает вспомнить о надувных конструкциях. Известно, как выручает охотников и рыбаков легкая надувная лодка. Строят, например, надувные дома. Появились и надувные ракеты.

Мы с вами живем в замечательное время. Советская наука и техника обгоняют науку и технику старого, капиталистического мира. Через десять — пятнадцать лет вы, ребята, займете передовые позиции на фронте труда. Именно вы должны будете закрепить победу коммунистического общества в мирном соревновании двух систем.

Учитесь.

Спешите.

Но мы, пожалуй, слишком отвлеклись от нашей модели. Теперь, когда мы научились делать одну-ступенчатую ракету, мы можем попробовать приступить к космическим полетам.

СТРОИМ СПУТНИК

азрабатывая теорию космических полетов, великий русский ученый Константин Эдуардович Циолковский выдвинул идею многоступенчатой ракеты.

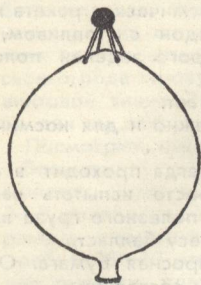
Сама по себе мысль проста и гениальна. По мере выгорания топлива пустеют баки. Двигатель становится излишне мощным для облегченной ракеты. Пустые баки и слишком мощный двигатель — это лишний вес. На ракете они бесполезны. Их сбрасывают, или, как говорят, отцепляют первую ступень. Вторая ступень летит дальше. По мере выгорания топлива можно облегчить ракету еще и еще. Получится двух-, трех-, четырехступенчатая ракета.

Последняя ступень выводит космический корабль на орбиту. Ракета-носитель свое дело сделала и отделяется окончательно.

Спутник мы сделаем из пластилина или хлебного мякиша. Скатаем шарик диаметром 15—20 миллиметров. Воткнем четыре спички-антенны так, чтобы они образовали четыре ребра пирамиды. Осталось придумать механизм, который бы отделял спутник от ракеты.

Призовем на помощь все наши знания и начнем соображать. Посмотрим, какие силы действуют на наш спутник.

Пока шарик-ракета действует, скорость ракеты и спутника растёт, ракета и спутник должны лететь вместе. Отделение должно произойти, как только весь воздух из шарика выйдет и шарик-ракета станет не нужен.

Вспомним первый закон Ньютона: всякое тело стремится сохранить состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Другими словами, когда мы разгоняем какое-то тело, то возникает противодействующая сила инерции.

Значит, когда ракета разгоняет наш спутник, возникает сила инерции, спутник давит на шарик, прижимается к нему. Кончает действовать ракета — сила инерции исчезает. Ничто не будет удерживать спутник.

Значит, никакого устройства не надо!

Берем шарик, надуваем, поворачиваем вниз соплом, отпускаем сопло. Спутник летит вместе с шариком-носителем.

Воздух в шарике кончился — спутник отделился и полетел дальше по инерции.

Вот видите, как упростили нашу работу самые элементарные знания физики. Я вовсе не собираюсь вас убеждать, что отдельные ступени настоящих ракет кладут кучкой одну на другую. Но правильно примененные знания упрощают решение самых головоломных технических проблем.

Вы заметили, что наша ракета со спутником устойчива? Спутник — тот же груз. Он смещает вперед центр тяжести, сообщает устойчивость всей системе. Чем легче спутник, тем дальше он полетит. Но слишком легким делать его тоже нельзя. Система будет неустойчива. Вы сами можете опытным путем подобрать самый выгодный, или, как говорят, оптимальный по весу спутник.

Прогресс техники стремителен. Наверное, вы не останетесь на простом спутнике. Наверное, вы сами сумеете смастерить из бумаги, картона, дерева модель космического корабля.

Итак... Надувайте шарик.

Ставьте на него ваш космический корабль.

Старт.

Корабль выходит на орбиту.

Отделяется от ракеты-носителя.

Выходит в плотные слои атмосферы.

Встречайте нового космонавта!

Нуредин ЮСУПОВ

Куда спешат родники

У бабушки спрашивать
Начал Мурат:
— Куда родники
Из ущелья спешат?

— Бегут, чтобы встретить
Друг друга в пути...
— А дальше куда они
Будут идти?

— В камнях поплывав,
Там, где спуск очень крут,
Все вместе к плотине
Они побегут.

Упрямые брови
Нахмурил Мурат:
— Так, значит, они
Не вернуться назад?

А там, у плотины,
Собравшись гурьбой,
О чем говорят они
Между собой?

— Послушаем вместе
Рассказ родника
О том, что летят
Выше гор облака.

По небу летят,
Чтоб вернуться опять,

Горячую землю
Дождем поливать.

Чтоб зернышком в землю
Вернуться назад,
Желтеет пшеница,
Цветет виноград...

Послушал Мурат
И кивнул головой:
— Так пусть родники
Возвратятся домой.

Под вечер вернутся
Домой родники
И в наших аулах
Зажгут огоньки.

Звезда над горой
Прочертила свой след,
И вспыхнул в горах
Электрический свет.

С улыбкой на бабушку
Смотрит Мурат:
— Ушли родники
И вернулись назад!

Перевела с лакского З. Александрова.

В стране шаха

Хочу побеседовать с вами, друзья, о временах далеких и близких, о том, что было двести лет назад, и о тех чудесах, которые творят люди сейчас.

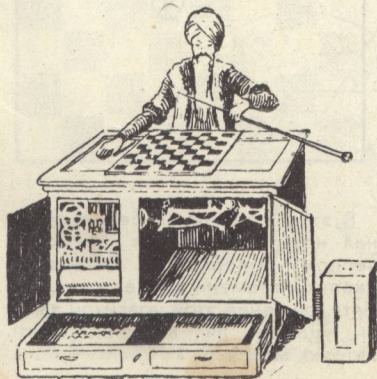
Просили меня рассказать о шахматных автоматах, которые были в старину, и о машинах, играющих в шахматы сейчас, Володя Савченко из Ростова-на-Дону, Женя Синельников из Красноярского края, Боря Яковлев из Калининграда и многие другие ребята. Ну что же, будь по-вашему, верные мои оруженосцы.

ТАЙНА ШАХМАТНОГО АВТОМАТА

Произошло это в 1769 году. Венгерский механик Фаркаш Кемпелен объявил, что он придумал автомат, играющий в шахматы.

Над Кемпеленом смеялись, но он продемонстрировал «механического шахматиста», который успешно сражался с лучшими шахматистами.

Игра его вызывала общее изумление. Никто не мог понять тайны нового изобретения. «Чудом XVIII века» называли автомат Кемпелена.

на, и слава о нем быстро облетела все страны Европы.

Кемпелен отправился путешествовать. Он стал выступать со своей машиной в различных городах, и всюду люди восхищались таинственным «механическим игроком».

«МЕХАНИЧЕСКИЙ ИГРОК»

Что же представлял собой автомат Кемпелена?

О нем рассказывает в книге «Открытые тайны древних магов и чародеев» немецкий профессор Г. Галле. Книга эта вышла в 1790 году, и автор ее сам видел таинственный автомат.

«Статуя игрока,— пишет Г. Галле,— одета турком, сидит на стуле у комода, трех футов с половиною длиною, двух футов шириною и двух с половиною футов вышиною. Пред статуей положена шахматная доска.

Внутренность комода показывается зрителям. Простенок разделяет комод на две неравные части. Малое пространство под правую руку статуи все наполнено блоками, колесами и пружинами, большее же пространство также имеет блоки и пружинный барабан.

Статуя смотрит с великим примечанием пред собой, и едва только противник подступает к доске, слышен бывает в комоду звенящий шорох, как бы в часах стальных, когда они хотят бить.

Левая рука, которой статуя играет, поднимается мало-помалу, шествует на доску к той шашке, которой играть надлежит, берет шашку и переставляет оную в надлежащее место. После чего статуя относит руку обратно на подушку».

Видите, какая хитрая машина! Фаркаш Кемпелен был прекрасным механиком.

«НЕТ ЛИ СПРЯТАННОГО ЧЕЛОВЕКА»!

Много толков вызвал автомат Кемпелена. О нем писали статьи, спорили, говорили о «чудесах черной магии».

Тот же профессор Галле в конце книги поделился своими сомнениями. «Кто знает, нет ли спрятанного человека»,— писал он.

А Кемпелен многозначительно молчал и упорно отклонял все предложения продать автомат или раскрыть его тайну.

Кемпелен побывал во многих европейских столицах, в том числе и в Петербурге. Императрица Екатерина II очень хотела купить автомат, но Кемпелен ловко отклонил это предложение.

Возвращаясь из Петербурга на родину, Кемпелен выступил в Туле. 5 ноября 1777 года в этом городе появилось такое объявление: «В концертной зале выставка автомата, шахматного игрока, изобретенного и составленного механиком Кемпеленом. Механическое устройство автомата так изумительно, что изобретатель приглашает на состязание с автоматом самых сильных игроков в городе».

До конца жизни (он умер в 1804 году) Кемпелен хранил тайну своего изобретения. А потом автомат попал к другому механику — Леонарду Мельцелю.

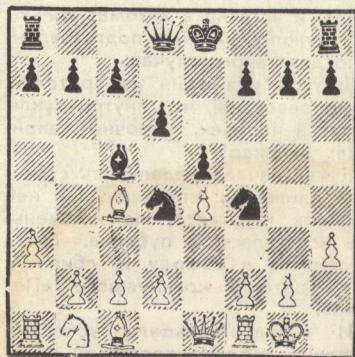
АВТОМАТ И НАПОЛЕОН

Французский император Наполеон был большим любителем шахмат. Узнав о таинственном автомате, он захотел с ним сразиться. Встреча эта состоялась в 1809 году. Император был разбит по всем правилам шахматной стратегии, сохранилась запись этой партии.

Наполеон — автомат

1. e2—e4 e7—e5 2. Фd1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 (Наполеон скоро убеждается, что и в шахматах нападение должно быть тщательно подготовлено) 3... Kg8—f6 4. Kg1—e2 Cf8—c5 5. a2—a3 d7—d6 6. 0—0 Cc8—g4 7. Фf3—d3 Kf6—h5 8. h2—h3 Cg4:e2 9. Фd3:e2 Kh5—f4 10. Фе2—e1 Kc6—d4.

Белые потеряли много времени на бесполезные маневры ферзем, и у черных уже решающая атака.

11. Сс4—b3 Кf4 : h3+ 12. Кpg1—h2 (Или 12. gh Кf3+) 12... Фd8—h4 13. g2—g3 Кd4—f3+ 14. Кph2—g2 Кf3 : e1+ 15. Лf1 : e1 Фh4—g4 16. d2—d3 Сс5 : f2 17. Ле1—h1 Фg4 : g3+ 18. Кpg2—f1 Сf2—d4 19. Кp1—e2 Фg3—g2+ 20. Кре2—d1 Фg2 : h1+ 21. Кpd1—d2 Фh1—g2+ 22. Кpd2—e1 Kh3—g1 23. Кb1—c3 Cd4 : c3+ 24. b2 : c3 Фg2—e2 — мат.

Сокрушительное поражение знаменитого полководца!

ТАЙНА АВТОМАТА

Как же действовал автомат?

Вот что рассказал об этом журнал «Паламед» в 1836 году.

«Внутри комода на низеньком движущемся табурете сидел человек. Дело в том, что при обычном осмотре механизма перед началом игры демонстратор никогда не открывал обе дверцы сразу. Комод был устроен так, что при одной закрытой дверце находящийся внутри человек мог принять такое положение, что оставался невидим публике».

Под клетками доски находился рычажок, поднимавшийся, когда на клетку ставили фигуру, так как в каждой фигуре был магнит.

Движения рычажков видел человек, спрятанный в автомате, и он повторял ход на своей маленькой доске.

Ответный ход игрок делал при помощи руки куклы. Внутри автомата горела свеча, и сквозь искусно спрятанное в стенке отверстие проникал воздух.

Не мудрено, что автомат обычно побеждал своих противников. В автомате играли известные мастера той эпохи Альгайер, Муре, Банкур, Вильямс.

Во время выступления автомата в различных городах было немало забавных происшествий.

Однажды шахматист, находившийся в автомате, громко чихнул. Зал в изумлении замер. Однако Мельцель не растерялся. Он крикнул, что лопнула главная пружина, и вставил в автомат какую-то пружину, видимо, подготовленную для такого случая.

Другой раз один из зрителей, подозревавший, что внутри куклы спрятан человек, нарочно закричал: «Пожар!»

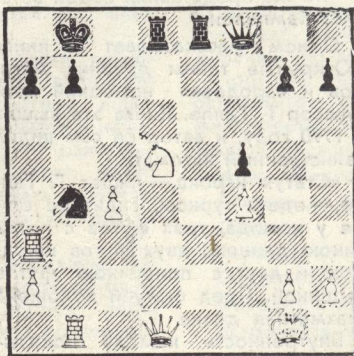
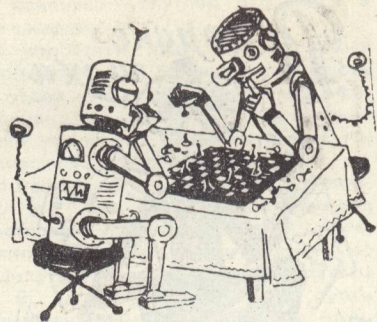
Кукла начала выделывать странные движения: спрятанный в ней человек испугался. Но не меньше испугалась и публика. Толпа бросилась к выходу и сбила с ног зрителя, крикнувшего «Пожар».

И снова Мельцель успокоил публику, игра продолжалась.

О том, как хорошо играл автомат, можно судить по следующему окончанию одной из его партий.

Здесь последовало: 24. Фd1—d4! Кb4—c6 25. Лb1 : b7+! Кpb8 : b7 (Или 25... Крс8 26. Лс7+Кpb8 27. Лb3+) 26. Ла3 : a7+! Кс6 : a7 27. Фd4—b6+.

Противник автомата признал себя побежденным. Мат черному королю неизбежен.

ПОДРАЖАТЕЛИ КЕМПЕЛЕНА

Долго странствовал автомат Кемпелена, в разных странах и городах поражал он людей своим шахматным искусством.

Машина Кемпелена погибла лишь через восемьдесят пять лет после своего создания. Автомат сгорел во время пожара.

Многим предприимчивым дельцам показались заманчивым пример Фаркаша Кемпелена. Они сооружали свои автоматы. Известен автомат французского механика Кронье, описание которого появилось в 1868 году, автомат «Аджеб» (по-персидски «чудо»), демонстрировавшийся в 1877—1878 годах в Европе и Америке, автомат «Мефистофель», который был даже показан на Всемирной выставке в Париже (1878 год).

Но эти «механические игроки» не вызывали особого интереса. Всем уже было ясно, что никаких чудес здесь нет, это просто занятные и своеобразные аттракционы.

МАШИНЫ ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ

Так было в далекие времена, мои юные друзья. А теперь без всякой «черной магии» созданы настоящие машины, умеющие играть в шахматы.

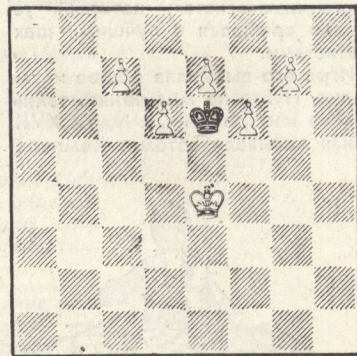
Вы, наверно, читали, ребята, об электронных машинах. Эти чудесные машины могут выполнять сотни тысяч операций в секунду. Вы-

яснилось, что эти машины можно научить играть и в шахматы. Для этого надо, как говорят специалисты, «программировать машину», то есть дать ей определенные правила, которыми она будет руководствоваться в игре.

Составить такие правила нелегко: ведь в шахматах оценка позиции и силы фигур все время меняется в зависимости от обстановки на доске. Скажем, известно, что ферзь намного сильнее пешки, но ведь есть и такие положения, где пешка сильнее ферзя.

И все же электронные машины, играющие в шахматы, есть уже во многих странах, есть они и у нас. Чемпион мира доктор технических наук М. Ботвинник считает, что скоро машины будут играть как гроссмейстеры. По его мнению, возможно, придется устраивать отдельные турниры людей и турниры машин.

Машины умеют уже решать и шахматные задачи. Вот, например, задача, которую машина решила за двенадцать минут.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю. Интересно, сколько времени займет у вас, ребята, решение этой красивой задачи, удастся ли вам опередить хитрую машину?

БАБУШКА И ВНУЧКА

Девочка спросила свою бабушку, сколько ей лет.

— Пять лет назад я была старше тебя в семь раз, — ответила бабушка, — а через пять лет ты будешь моложе меня только в четыре раза.

Так сколько же лет сейчас бабушке и сколько ее внучке?

Прислал Г. Бурдин.

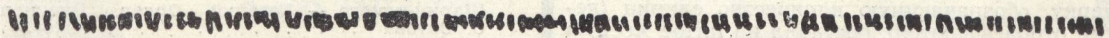
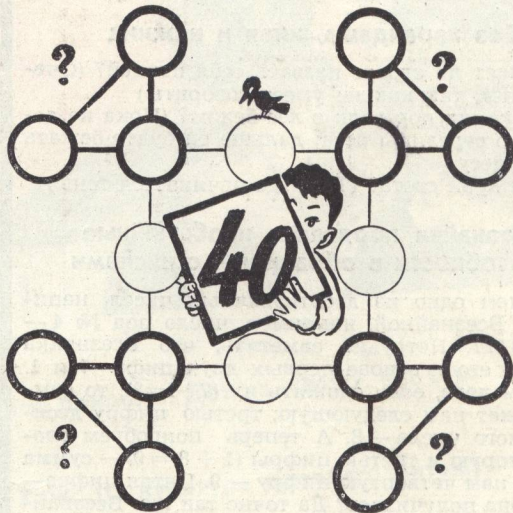
ДЛЯ ТЕРПЕЛИВЫХ

В кружках этой фигуры расставьте числа от 1 до 16 так, чтобы суммы чисел по каждой вертикали и горизонтали, а также по периметру квадрата были одинаковы и равны 40. При этом суммы каждых трех чисел, расположенных на углах квадрата, тоже должны быть одинаковы.

Хотя мы и назвали эту головоломку задачей для терпеливых, все же и у них, пожалуй, не хватит терпения решать ее путем только подбора чисел. Логически рассуждая, можно самим установить еще несколько данных, которые облегчат решение задачи и помогут произвести некоторые расчеты.

Попробуйте это сделать.

Составил Я. Алексеев.

ОТВЕТЫ на задачи.

ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 7, 8

Любопытные числа

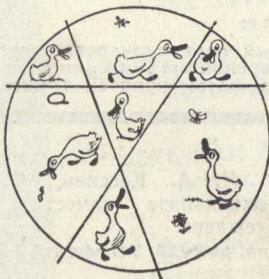
11 — одиннадцать.

«Счастливый случай»

Ученику было задано число 8.

Тремя прямыми

Так надо разрезать рисунок на семь участков.

У кого сколько грибов?

У Бори было 24 гриба, у Пети — 9.

Ребус

Всем давно известно, что «без труда не вынешь и рыбку из пруда».

Таинственные письма

Внутренний круг на диске разбит на восемь секторов: четыре с черными шариками и столько же с белыми. Номера секторов обозначены цифрами. По окружности над каждым сектором мы видим буквы и знаки препинания.

Это ключ к расшифровке задачи. Как же им пользоваться?

Представим себе, что в центре круга находится вращающаяся стрелка, которая может занимать различные положения, намеченные пунктирными линиями. Эти пунктирные линии, проходя через тот или иной шарик, показывают, в каком месте, то есть под каким углом, должны быть на нем усики. В каждом секторе положение усиков на шарике иное, чем в каком-либо другом секторе. Так, например, в первом секторе усики на черном шарике будут находиться под углом примерно 22—23 градуса, а в следующем за ним секторе (2) угол наклона увеличится на 45 градусов; в третьем секторе он увеличится еще на 45 градусов и т. д.

Таким образом, по цвету шарика и по положению усиков на нем легко определить, в каком секторе нужно искать обозначающую этим шариком букву или знак препинания,

Но в каждом секторе три буквы — какую же из них нужно брать? Если усик один, то первую слева; если два усика — вторую; если три — третью. Так, например, первая буква зашифрованного текста обозначена белым шариком; направление усиков на нем совпадает с направлением пунктирной линии в пятом секторе. Так как на шарике два усика, то из трех букв этого сектора брать нужно вторую. Это буква «с».

В головоломке зашифрованы строки из пионерского приветствия XXII съезду КПСС:

Силы свои утроим,
Путь наш велик и прям.
Мы коммунизм построим!
Жить в коммунизме нам!

Без карандаша, клея и ножниц

1. Может ли страус назвать себя птицей? (Очевидно, нет, так как не умеет говорить.)
2. До каких пор волк в лес бежит? (Пока не добегит до середины леса; дальше он будет бежать уже из лесу.)
3. Где край света? (Там, где начинается тень.)

Всезнайка проявляет необычайные способности в обращении с числами

Возьмем одно из десятизначных чисел, написанных Всезнайкой, например, число под № 4 — 7189763921. Нетрудно заметить, что Всезнайка составил его на основе первых двух цифр — 7 и 1. В самом деле, если сложить их ($7+1=8$), то сумма укажет нам следующую, третью цифру десятизначного числа — 8. А теперь попробуем сложить вторую и третью цифры ($1+8=9$) — сумма укажет нам четвертую цифру — 9. Пятая цифра — 7; как она получилась? Да точно так же: Всезнайка сложил две предыдущие цифры ($8+9=17$) и семерку, обозначающую количество единиц (десятки отбрасываются), поставил на пятое место в своем числе. И так далее.

Проверьте: все числа Всезнайки составлены по этому образцу. Пользуясь таким способом, можно составить не только десятизначное число, но и число с любым количеством знаков. И запоминать его нет необходимости, достаточно знать две первые цифры.

Но и эти две цифры запоминать незачем, их подскажет номер загаданного числа. К этому номеру нужно прибавить в уме секретное ключевое число (Всезнайка взял таким числом 13), а в полученной сумме поменять цифры местами. Если номер числа — 4, а ключевое число — 13, то $4+13=17$; меняем цифры местами, получаем 71. Больше вам ничего и не нужно, вы уже знаете, какие цифры надо писать дальше: 7189... и т. д.

Когда Всезнайке велели «вспомнить» число под № 14, он сложил в уме: $14+13=27$ — и уже знал, что загаданное число начинается с цифр 7 и 2. Удивительно просто, не правда ли?

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе (заместитель редактора), В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 03975.

Подписано к печати 5/IX 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1637.

Заказ № 2317.

Форм. бум. 84×108^{1/16}. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Содержание

Подвиг советских космонавтов	1
Моим друзьям — мечтателям, будущим космонавтам.— В. В. Парин, действительный член Академии медицинских наук	2
Жених и невеста.— Рассказ Юрия Яковлева. Рисунки Д. Пяткина	5
Раевские.— Л. Тинаева	12
1812 год	13
Рассказы о войне 1812 года.— С. Алексеев. Рисунки П. Павлинова	16
Индейцы.— Рассказ Н. Ходзы. Рисунки В. Магдебурова	20
Обращение делегатов Всесоюзного слета пионеров, посвященного 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина, ко всем пионерам Советского Союза	24
Пионерские известия № 24	25
Пресс-конференция в союзе разноцветных галстуков	30
Беломорье.— В. Доброхвалов, кандидат биологических наук	32
Я рядом, отец!— Повесть А. Воинова. Окончание. Рисунки Н. Борисовой	33
Веселый барабанщик	46
Маска.— Рассказ Юрия Сотника. Рисунки Е. Щеглова	48
Первая попытка. Фото П. Голубовского	54
Наш капитан.— А. Некрасов	55
Пионерские были.— Лев Подвойский	58
Тайна.— Рассказ Петраса Цвирки. Перевели с литовского Ф. Татарская и Г. Раздвяичене. Рисунки Ф. Лемкуля	63
Рыбак.— Стихи Риммы Галинской. Рисунок Н. Дейтина	66
Журнал «Кораблик» и его издатель.— Вл. Глоцер	67
Мастерская «Золотые руки»	
Шарик-ракета.— Евгений Орлов. Рисунки О. Зотова	73
Куда спешат родники.— Стихи Нурадина Юсупова. Перевела с лакского З. Александрова	76
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович	77
В часы досуга	79

На наклейках:

Военный совет в Филях. Картина А. Кившенко.
Надежда Дурова. Картина Е. Зерновой.
Эпизод из войны 1812 года. Картина И. Прянишниковова.
Беломорье. Цветное фото Б. Минкевича.

На обложке:

Всесоюзный слет пионеров, посвященный 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина. Цветные фотографии И. Тункеля.

РЕБЯТА!

СОВЕТУЕМ ВАМ
ПРОЧИТАТЬ
ЭТИ ХОРОШИЕ КНИГИ.
ВЫ УЗНАЕТЕ ИЗ НИХ
МНОГО НОВОГО,
ИНТЕРЕСНОГО

АКСАКОВ С. Рассказы о родной природе. Детгиз. 1959 г. 126 стр.
Цена 28 коп.

ВАХТИН Б. и другие. Страна Хань. [О культуре древнего Китая.]
Детгиз. 1959 г. 309 стр. Цена 76 коп.

ГАРШЕНИН В. Модели сельскохозяйственных машин. Детгиз.
1959 г. 72 стр. Цена 30 коп.

ГРАЗКИН Д. Путь в партию. Рассказ старого большевика. Дет-
гиз. 1961 г. 74 стр. Цена 11 коп.

ИВАНОВСКИЙ М. Законы движения. Детгиз. 1957 г. 126 стр. Цена
29 коп.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ. Сборник стихов и рассказов писателей рес-
публик и автономных областей Российской Федерации. Дет-
гиз. 1958 г. 239 стр. Цена 40 коп.

ТВЕРСКОЙ А. Песня над Босфором. [Рассказы о Назыме Хик-
мете.] Детгиз. 1959 г. 295 стр. Цена 64 коп.

ФЕРСМАН А. Рассказы о самоцветах. Детгиз. 1957 г. 528 стр. Це-
на 1 р. 01 к.

Эти книги можно купить в магазинах Книготорга и потреби-
тельской кооперации.

СОЮЗКНИГА

Цена 25 коп.

На первой полосе обложки вы видите морской праздник в Артеке в один из дней слета.

А здесь — на четвертой полосе — факельное шествие пионеров на Костровой площади Артека в честь мира и дружбы. Оно происходило в день, посвященный борьбе за мир.